

Инна Борисоглебская

**ДНИ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ
ИЛИ
ВСЕ СОВПАДЕНИЯ НЕСЛУЧАЙНЫ**

МОСКВА

2012

УДК 821.161.1- 313.1 Борисоглебская
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Б82 «Дни открытых дверей или все совпадения не случайны»—
Москва: Издатель Калашников А.В. 2012.— 242 с.

ISBN 5-93233-019-9

© Борисоглебская И.

От автора

В который раз хочу написать книжку про любовь, а получается сплошное мочилово. Эту у книжку я написала для того, чтобы повеселить моих дорогих родителей. Не знаю как вам, а мне было очень смешно.

Инна Борисоглебская

ГЛАВА 1

Когда мониторы компьютеров, широко зевнув, покорно уснули, а тяжелые сумерки, заполняя собой все офисное пространство, выдавили из помещения практически всех сотрудников, я бесшумно подошла к Аверину. Кажется, он не услышал и не почувствовал моего приближения, поскольку, если бы только существовала возможность забраться в Интернет с ногами, то мой шеф давно б уже это сделал. В данный момент он самозабвенно чатился с какой-то дамочкой на весьма сомнительном сайте знакомств. Я почувствовала странную неловкость, поймав начальника за столь легкомысленным занятием. Самое лучшее сейчас деликатно удалиться, чтобы не ставить себя и его в дурацкое положение. Решив дать задний ход, я уже почти развернулась через левое плечо, но вдруг услышала невозмутимый басок Аверина:

— Что ты хотела, Кира? «Боже мой, — пронеслось в моей голове, — что он мог подумать! Скорее всего, решил, что я шпионю за ним или мечтаю соблазнить?» Но Аверин сам попытался ответить на свой вопрос:

— Появилось острое желание расколоть мой череп пополам офицерской линейкой в отсутствие свидетелей?

— Андрей Григорьевич! Вы должны мне помочь! — без предисловий выпалила я.

— Так уж и должен? — не поворачивая головы, спросил начальник.

— Пустите меня к себе переночевать.

Услышав мое, прямо скажем, непристойное предложение, шеф нервно подскочил в кресле и впервые за все

это время посмотрел на меня, неудобно перекрутив свою шею.

— Что ты сказала?

— Пустите меня к себе переночевать. Чистоту и порядок гарантирую, — пообещала я, опустив глаза.

— Тебя выгнали из дома? — поинтересовался он, удивленно вскинув брови поверх своих нелепых очков.

— Нет. Меня хотят убить.

— За дело? — с чуть заметной насмешкой уточнил Андрей Григорьевич.

Я одарила его взглядом, полным горького разочарования. Затем голосом, резким и холодным как выстрел произнесла:

— Убивают всегда за дело. Глупо было бы по-другому.

* * *

Сегодня на какой-то момент я была абсолютно счастлива. Правда, за этим мгновением последовало нечто из ряда вон выходящее... Словом, дело обстояло следующим образом: всю ночь мне снился сон, будто я на себе таскаю носилки с телом моей покойной бабушки. И так я, видимо, увлеклась этим, что проснулась с дикой болью в спине. Хотя, сей факт к делу абсолютно не относится. Попробую сначала. Утром я выглянула из окна и поняла: лето почти закончилось. И своё новое платье я успела надеть лишь единойжды. Да и то умудрилась в нем попасть под ливень, вследствие чего триумфального шествия по проспекту не случилось. Что ж, рискнем ещё. Я твердо решила в последний день лета быть ошеломляюще прекрасной.

Признаться, от природы я никакая... Ну, то есть вот совсем.. В таких случаях обычно говорят: мышь серая или моль белая. Мама же меня в детстве попросту называла бледной поганкой. Но учтите! Это было любя. Или с глубоким чувством материнского сожаления и разочарования. Нет, я ничуть не обижаюсь. Тем более что живу в эпоху научно-технического прогресса. Помните, что сказала старушка Шанель? Или кто-то другой, разделяющий её взгляды. Смысл слов заключался в том, что если женщина не стала к сорока годам красавицей, то она просто дура! Я умею себя превращать в красотку. На это требуется всего каких-то два часа. Могу даже научить. Запоминайте, кто не знает. Предупреждаю! Только для женщин. Для начала втираем гель в волосы, включаем фен, берем расческу, делаем взмахи в разные стороны и все это сооружение щедро сверху поливаем лаком. Точнее, бетонируем. Здесь важно — правильно склеить волны. Потом переходим к лицу. Однако с него можно и начать. В моем случае это непринципиально. В лице главное что? Правильно! Нос. Вот он-то мне и мешает всегда: великоват, зараза! Поэтому приходится постоянно отвлекать от него внимание. Этого я добиваюсь основательным акцентом на глаза. Итак, на веки мажем тени. Раньше я это делала пальцем, теперь пользуюсь стикером. Получается немного аккуратней. Затем обозначаем границы глаз, рисуя стрелки. И в заключении по килограмму туши на каждую ресницу. В результате взгляд становится умопомрачительно выразительным. Больше скажу: томным, с поволокой. Что такое эта самая поволока я представляю с трудом,

но думаю, она будет не лишней. Осталось нанести ненавязчиво стыдливый румянец и оформить рот. Но на губы сегодня времени совершенно нет. Поэтому соберем их в кучу карандашом и намажем сверху помадой и, конечно, капля блеска для эффекта полноты. Все. Порядок. Теперь туфли на шпильке (крепятся на ноги). Невозможно красивая женщина. Ах, да! Платье забыла надеть. Так залюбовалась плодами своего труда. Вот такой я Пигмалион и Галатее в одном флаконе.

В маршрутке, как и ожидалось, все пялились только на меня. Правда, пялились с как-то укоризной. Потом выяснилось, что я забыла передать деньги за проезд. После несвоевременной оплаты интерес ко мне у большинства пассажиров сразу пропал. Только одна бабулька всю дорогу качала головой и бубнила себе что-то поднос, искоса поглядывая на меня. Должно быть, её возмутил мой юношеский склероз.

Его я увидела издалека. Ещё бы! Широкоплечий здоровенный мужик возле огромного тупорылого джипа. Эту парочку трудно не заметить. Интересно, что они делают под окнами нашего офиса? Простое совпадение, конечно. Ведь он никогда не знал, где именно я работаю. Точнее: не успел узнать. Если бы сегодня я не выглядела столь потрясающе, скорее всего, дала задний ход и зашла в здание не через парадные двери. Но в данном случае, я его должна сразить. Наповал! Вот чтобы он увидел меня и грохнулся сразу под колёса своего синего джипа. И как он только посмел меня бросить, нахал! Ну, ладно! Сейчас я возьму реванш! Вот он — момент абсолютного счастья!

Я приосанилась, попыталась дерзко отбросить челку. Последняя не отбросилась, поскольку была накрепко приклеена к моему лбу лаком. Но это мелочи. И тут я начинаю своё триумфальное дефиле. Он, в свою очередь, ожег меня пронизывающим взглядом, как-то напрягся и, по-моему, даже вспотел. Это я про джип. Его же хозяин, при виде моей неземной персоны сквасил посную мину, с оттенком пренебрежительного равнодушия. Ничего-ничего! Сейчас я подойду поближе и вот тогда... Тогда наступило раньше. Зацепившись за острый край тротуарной плитки правым каблуком, я, не успев сбалансировать, со всего размаху рухнула на землю. Нет, грациозно упасть, конечно, не смогла. Я именно шлепнулась смешно и нелепо. Первое, что увидела, перед собой, после того, как все искры высыпались из моих глаз вместе с ресницами — были Его начищенные ботинки и почти гламурные колеса джипа. И те, и другие, казалось, нагло смеялись мне в лицо, вернее в то, что от него осталось. Боли в этот момент я еще не чувствовала, только нестерпимую горькую досаду и стыд. Самое правильное сейчас превратиться в гусеницу и куда-нибудь уползти по-тихому. Или провалиться. Или чтобы он провалился вместе со своим джипом. Это было бы даже лучше!

— Ну и зачем ты здесь разлеглась? — насмешливо спросил он.

Я боялась даже пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы попытаться встать. Монолог сверху продолжался:

— А ты эффектно бросилась к моим ногам. И так искренне. Весьма польщен. Но шансов у тебя все равно

нет. Единственное, что я могу для тебя сделать, так это отскрести от асфальта, — небрежно бросил хозяин джипа моему затылку.

— Не стоит беспокоиться, мне не к спеху, — прошипела я, одновременно удивляясь наличию языка и зубов во рту.

— Да и не думай, что это из великодушия или жалости. Просто убрать твоё тело с дороги все равно придется, иначе не проехать.

Закончив свою речь, он взял меня, как котёнка, за шкирку и легко поставил на ноги, которые, как ни странно, не разлетелись в разные стороны, а всё ещё принадлежали мне. Я оглядела себя внимательно. Мой внешний вид, мягко говоря, оставлял желать лучшего. Правый каблук был вырван с мясом и лежал отдельно от меня. На соответствующей коленке красовалась ссадина, припудренная серой пылью. Платье перепачкалось и треснуло слева по шву. То, что случилось с моим лицом я, естественно, оценить без зеркала не могла, но по ужасу, который затаился в глазах бывшего друга, стало понятно — пластическая хирургия всё ещё бессильна!

— Да уж, — протянул он, поднимая мою сумку с земли, — ухайдакалась ты конкретно. Тебе сейчас следует домой вернуться. А лучше в больницу. Там, возле твоего дома, по-моему, есть какая-то лечебница.

— Это ветеринарная клиника, — тихо уточнила я.

— А в твоём положении, подруга, выбирать не приходится, — сказал он, садясь в свой автомобиль. — Извини, подвезти не могу. Дела. Рад был тебя видеть, — добавил нахал и укатил прочь.

Я стояла возле офисного центра совершенно разбитая, причём в прямом смысле этого слова. Вот это да... Какой пассаж! Нет, на работу в таком виде нельзя. Могут и не понять. Насилу отыскав в сумке мобильный телефон, я позвонила начальнику:

— Андрей Григорьевич, я сегодня не могу на работу выйти. Заболела.

— Да ты не заболела, тебя, по-моему, просто трамвай переехал, — раздался голос в моем правом ухе и, странным образом, одновременно в левом.

В этот момент я увидела шефа, стоявшего рядом со мной. Мы оба отключили телефоны, поскольку говорить напрямую было дешевле.

— Вот такой несчастный случай произошел, — промямлила я, потупив глаза.

— Бывает, — понимающе протянул Андрей Григорьевич. — Сейчас остановлю такси. Поезжай домой. Чего уж там!

ГЛАВА 2

В подъезд своего дома я зашла нерешительно, испуганно озираясь по сторонам. Главное никого не встретить. Со всем не хочется оправдываться и чего-то там объяснять любопытным соседям, а также видеть сочувственные взгляды. Да, день не удался! Бывает. Должно быть, бывает хуже, но реже. Лифт, как угорелый взметнул меня на седьмой этаж. На цыпочках, словно мелкий квартирный жулик, я прокрадлась в тамбур и оказалась у заветной двери. Но там меня постигло новое разочарование. Тщательно исследовав

содержимое сумки, ключей от квартиры, где, выражаясь языком Остапа Бендера, деньги лежат, я так и не обнаружила. Скорее всего, они вылетели наружу во время моего шикарного падения. А я, по известным причинам, на это даже не обратила внимания. Мне стало по-детски обидно и горько, и жаль себя непутёвую. Усевшись на пол под дверью, я тихонько заскулила. Теперь было уже все равно, что подумают и скажут соседи. А они, естественно, всегда начеку, тем более что на этаже четыре квартиры. Не успела я даже разрыдаться в полный голос, как противоположная дверь распахнулась, и на лестничную площадку буквально вывалился дядя Жора, приходящий муж моей соседки. Внешний вид его всегда был далёк от образа романтического любовника, но сегодня в особенности. Он выпал из квартиры в трусах и разорванной на груди рубашке, с небритым и опухшим лицом землистого цвета. Под глазом красовался яркий, величиной со сливу, синяк. Должно быть именно сегодня, в двенадцать часов по полудню, истекал срок ангельского терпения его жены.

— Психическая! — вопил выброшенный сосед, неуверенно поднимаясь с колен.

— Убирайся вон, — кричала благоверная ему вслед, — все руки об дурака пооббивала! Давно пора на тебя в милиции дело завести!

— А на тебя — в дурке! — огрызнулся дядя Жора. Потом, обращаясь то ли ко мне, то ли к зелёным чертям, которые по его мнению заполняли пространство, убедительно произнёс: — Давно пора эту истеричку поместить в дурдом, её вшивого кота сдать в зоопарк и сыночка тупорылого — в кадетку! Уж я похлопочу!

Надо отметить, что, ругаясь с женой, дядя Жора очень смешно шепелявил и присвистывал. Создавалось впечатление, будто ему безумно жали зубы. Впрочем, возможно они просто отсутствовали.

— Оставь моего сына в покое! — взвизгнула соседка и, швырнув в суженного то ли кальсоны, то ли обычные треники, с силой захлопнула дверь.

— Да пошла ты, медуза целлюлитная, — буркнул опальный муж и, напялив столь нелюбезно выданные штаны, бросился бежать прочь из этого дома, не обращая на меня никакого внимания. А я, вдруг почувствовав неприятный озноб, продолжала отчаянно всхлипывать.

Минут через десять мой светлый плач Ярославны прервал восторженный лай. В тамбур, словно ураган, ворвалась Жюли. Или Женевьева. Впрочем, несчастное создание и само не знало, кто оно на сегодняшний день. Поскольку кличку этой маленькой лохматой собачки меняли каждый день. Её хозяйка и одновременно моя соседка в один прекрасный момент потеряла родословную домашней любимицы, а затем и начисто забыла, каким именем последняя обладала. Но точно помнила, что кличка была непростая и произносилась с французским прононсом. А поскольку собака разобиделась и стала совершенно неуправляемая, решено было ежедневно её нарекать по-новому, чтобы проследить, какое имя придется шалопутной твари больше по душе. Но любимица все еще крутила носом, шкодила исподтишка и совершенно не шла на компромисс, чем вводила свою хозяйку в полную растерянность. Сегодня Жюли-Женевьева решила dokonать

меня. Она с разбега запрыгнула мне на разбитые колени, чем вызвала приступ нестерпимой боли в месте ушиба, затем встала на задние лапы и принялась отчаянно лизать мое заплаканное лицо.

— Фу! — раздался гневный крик моей соседки, которая материализовалась в тамбуре вслед за собакой. — Фу, слышишь?! Сколько раз тебе, Жозефина, было говорено: не лижи, что попало!!! Вот опять понос обеспечен!

С этими словами хозяйка собаки раздраженно достала из кармана ключи, открыла дверь и скрылась в своей квартире вместе с непутевой Жозефиной. Моя соседка считалась, мягко говоря, своеобразной женщиной. Мне представлялось, что корни её неординарности уходят в опостылевшее одиночество и серьёзную личную драму. На вид ей было лет шестьдесят, хотя, правильные черты лица, ухоженная кожа и густые, всегда безупречно уложенные волосы без намека на седину вполне могли скрывать её подлинный возраст. Звалась она Марией Васильевной. Но после того как её дочь вышла замуж и укатила в Израиль, женщина стала всем представляться Изольдой Марковной и ни в какую не отзывалась на прежнее имя. Объясняли это все по-разному. Кто-то говорил, что у тётки попросту съехала крыша, вследствие тоски по уехавшей дочери, другие воспринимали как старческую придурь. Но, тем не менее, факт имел место быть, и все с этим смирились. К тому же, соседка была относительно спокойная, если только закрыть глаза на то, что ежедневно в семь часов утра она включала магнитофон на полную громкость, где нон-стопом в течение тридцати минут граждане евреи задорно распевали «Хава-Нагилу». Некоторые из жильцов

даже предлагали выкрасть у Изольды Марковны эту чудокассету, но пока это никому не удавалось.

Выплакав все глаза, я решила, что пора как-то выходить из создавшегося положения. Пожалуй, сейчас созвонюсь с младшей сестрой и отправлюсь к ней. Если мне повезет, то племянник окажется дома и откроет дверь. Отлежусь там до вечера, заберу дубликат своих ключей и вернусь. Только вот умыться бы не мешало. Попробую для этой цели пробраться в ванную комнату Изольды Марковны. Я робко позвонила в соседнюю квартиру. Дверь пахнулась практически сразу.

— Сегодня у нас макароны с соусом «Болоньезе» из Болоньи. Бьюсь об заклад, ты такого никогда не едала и даже не видела того, кто это едал, — сходу заявила мне Изольда Марковна и тут же продолжила: — Ну, чего ты стоишь, как рябина, не тронутая осенними заморозками, глаза выпучила, рот раззявила? Иди руки вымой и физиономию свою. А то от твоего вида у Жозефины до сих пор спазмы в животе. Возьми розовое полотенце! Но можешь утереться моим, только не смей трогать голубое! Жозефина не терпит, когда пачкают её вещи!

В полной растерянности я поплелась в ванную. Да уж! Цирк уехал, а клоуны остались. Какая удивительная женщина! В тамбуре даже не поздоровалась, всячески выражая своё презрение, а теперь вот отобедать приглашает. Есть, конечно, не хотелось, но обидеть соседку я не могла. Смотреть на себя мне было безумно страшно, поэтому в ванной я сознательно не включила свет. Полюбуюсь позже. Сейчас не могу. Цвет полотенца я в темноте,

естественно не разглядела и, скорее всего, все сделала неправильно, да простит меня Жозефина! С вымытыми руками и не совсем чистой совестью нерешительно вошла в кухню. Здесь я очутилась впервые. Конечно, мне случалось изредка заходить к соседке по этажу, но дальше прихожей меня не впускали. Сегодня сделано исключение. Кухня сияла чистотой и была необыкновенно уютной. Окна украшали голубые занавески с рюшками, которые замечательно гармонировали с обоями на стенах и светлой мебелью. В центре комнаты меня ждал стол, сервированный на две персоны. Он был накрыт белой скатертью, в центре стояла хрустальная ваза с фруктами, бутылка красного вина, а также блюдо с макаронами и, скорее всего, тем самым соусом из Болоньи. Какая-то атмосфера праздника чувствовалась в небольшой, залитой солнцем кухне.

— У вас, должно быть, День рождения? — проявила я сообразительность.

— С чего ты взяла? — удивленно вскинула свои накрашенные брови соседка.

— Такой красивый стол, белая скатерть, вино...

— А я никогда не ем на газете. И выпить в компании всегда приятней, чем в одиночку, — пояснила Изольда Марковна. — Давай уже приступим к трапезе, а то все остынет.

Надо воздать должное кулинарным способностям моей соседки. Обед был просто потрясающий. Аппетит (причём зверский) пришёл во время еды, и, судя по-всему, не торопился уходить. После первого бокала вина напряжение, в котором я находилась все это время, стало спадать. После

второго — настроение заметно улучшилось. Изольда Марковна тоже повеселела. Она сидела, откинувшись на спинку стула, и бережно потирала левое колено.

— Артрит? — участливо поинтересовалась я.

— Нет, просто ушиб. Все из-за этой заразы! — соседка указала рукой на лохматое чудовище, яростно чесавшее себя под столом. — Знаете, что она вытворила утром?

Я отрицательно покачала в ответ головой.

— Бросилась под машину! Никогда такого не случилось! Я побежала за ней и напоролась на ограничительный столбик. В итоге — собака отделалась легким испугом, а я сердечным приступом и разбитым коленом! Да еще этот старый маразматик с третьего этажа стал мне кричать из окна, что я неправильно выгуливаю собаку!

— Петр Васильевич? — удивленно спросила я. По моим сведениям, ему было лет пятьдесят.

— Ах, боже мой, конечно он, кто ж ещё! — всплеснула руками соседка.

— И чем же он остался недоволен?

— Наверное, тем, что собака была без поводка, а я без намордника, — ответила Изольда Марковна. — А с тобой-то, что произошло сегодня? Попала под каток?

— Практически. Оконфузилась по полной программе. До сих пор не по себе.

Очевидно, столь жалостливое начало тронуло Жозефину до глубины души, она прекратила свои почесушки и пристально уставилась на меня. Её хозяйка тоже не сводила с меня глаз. Придётся рассказать свою историю. Ну что ж, именно этого мне сейчас и хочется больше всего. Я молча

наполнила бокалы вином. Изольда Марковна хрустнула пальцами и одобрительно кивнула:

— Давай выпьем, пусть все до свадьбы заживёт!

— Да какая свадьба в мои годы. Скоро сорок! — всхлипнула я.

— Ну, хорошо, пусть все заживет до моей свадьбы! Она уж точно не за горами! Мне всего-то шестьдесят пять, — серьёзно произнесла соседка.

— Изольда Марковна! Вы — прелесть! Спасибо вам, что приютили меня. Я ведь и ключи сегодня потеряла!

— Пей, кому говорю. Всё образуется, — вздохнула хозяйка Жозефины. — Но, учитывая мой небольшой медицинский опыт, а я работала какое-то время помощницей патологоанатома в прозекторской, мне представляется, что у тебя проблемы с лицом. Во-первых, у тебя неприлично большой нос, а во-вторых, твоя нижняя челюсть несколько съехала влево.

При этих словах, последний глоток вина, сделанный мной, явно полился не в то горло. Я начала дико кашлять и задыхаться. Бывшая помощница патологоанатома резко поднявшись со стула, невозмутимо похлопала меня ладонью по спине. Жозефина в свою очередь залилась звонким лаем и стала радостно прыгать на задних лапах. Должно быть, в её понятии гостья получила трёпку за съеденные макароны. К счастью для меня летального исхода не случилось, и я вскоре пришла в себя.

— Да не переживай ты так, — утешала меня Изольда Марковна, — вправлю я тебе её сейчас, только вот очки надену. — Правда, с носом помочь не смогу. Здесь инструменты

нужны, причем острые. А у меня только столовые ножи и те совершенно тупые.

Я с ужасом глядела на неё. Ей-богу, сейчас она оторвёт мне башку и глазом не моргнет. Жозефина, в предвкушении новых действий, от нетерпения сучила лапами. Соседка подошла ко мне вплотную, взяла за подбородок, покрутила мою голову в разные стороны, затем, глубоко вздохнув, села на своё место.

— Все так безнадежно? — печально поинтересовалась я.

— Думаю лучше обратиться к челюстно-лицевым хирургам. У меня есть на примете очень хороший врач, сходи к нему завтра.

— Спасибо большое. Мне не хочется злоупотреблять вашим гостеприимством. Я вас ещё не утомила?

— Нет. Но мы ждем объяснений, — с этими словами соседка пересела в кресло и, устроившись там поудобнее, уставилась на меня с нескрываемым любопытством.

— Хорошо, — кивнула я головой, — надеюсь, они вас удовлетворят. А дело было так. Сегодня, на глазах у своего бывшего кавалера, я споткнулась и растянулась на земле глупо и пошло.

— Вот те раз! Должно быть, ты произвела на возлюбленного ни с чем не сравнимое впечатление. Но, справедливости ради стоит заметить, что это было очень неудачное показательное выступление! — подытожила соседка, поджав губы.

— Еще бы! Крайне неуместный выпад! — согласилась я. — И ведь давно мечтала предстать перед ним в

своём лучшем виде! Но когда все это неожиданно произошло, я так опозорилась. А он только рассмеялся мне в лицо и даже не помог добраться домой.

— Наглец! — воскликнула Изольда Марковна. — Настоящий джентльмен не должен так поступать. Не жалей о нем. Попробуй забыть, вычеркнуть из жизни. И тогда не придется себя казнить за то, что сегодня ты выглядела не совсем презентабельно.

— Старалась. Но у меня ни черта не получается! В сотый раз включается в голове видеомэгафон и весь этот ужас приходится переживать заново, — я всхлипнула, вытирая добросовестно побежавшие слёзы ладонью.

— Позволь полюбопытствовать, а что он из себя представляет?

— Мужчину моей мечты, кого ж ещё! — при этих словах я завыла так жалостливо, что у Жозефины началась икота на нервной почве.

— Если ты имеешь в виду того толстого филина на синей колымаге, то грош цена твоей мечте. Невелика потеря. Я на него совсем не запала! — ехидно прищурившись, заявила Марковна.

Здесь наступил черед икать мне. Я перестала плакать и, раскрыв рот, принялась удивленно смотреть на соседку.

— Ну, что тебя так смутило? Челюсть свою придержи, а то не ровен час отвалится! — огрызнулась хозяйка Жозефины. — Объясняю: обычно, когда я вижу молодого интересного мужчину, всегда сожалею, что мне не двадцать лет. Столкнувшись с твоим филином, поверь, согласилась бы только на сорок!

— Понятно. Да и мне Он изначально совсем не приглянулся. Пришел на свидание квадратный дядька с лысиной на лбу и круглыми, как блюдца глазами. Если бы я до нашей встречи увидела его фотографию, ни за что не согласилась бы на променад. Но уже через пять минут я утонула в море его обаяния и юмора. Он щедро угощал меня круасанами и штруделями во французской кофейне и был необыкновенно мил. Похоже, свою голову я потеряла именно там. На прощание кавалер мне признался, что я ему безумно понравилась, и он был бы рад, нет, он был бы просто счастлив, увидеть меня вновь. Просил выбрать время и непременно связаться с ним по телефону. На что я ответила, категоричным отказом, мол, никогда сама не звоню мужчинам!

— И что? — спросила Изольда Марковна, играя забавно бровями.

— И позвонила немедленно, — ответила я и тут же смутилась. — Его телефон был отключён. Потом Он меня нашёл сам. И здесь все закрутилось. Встречи, поездки, обещания, обещания, обещания.

— Понятно. Вот за это ты его и полюбила, — припечатала собеседница.

— За что? — живо поинтересовалась я.

— За обещание счастья, — вздохнула Изольда Марковна, одновременно усаживая, словно ребенка, собаку на свои колени. — Такой простой расчёт: скажи женщине, что ты мечтаешь жениться и дальше можешь не тратить на неё ни копейки. Она сама начнет носить тебя на руках.

— Расстались мы без повода, — сообщила я, запивая свои слова вином. — Если только...

— Если только что?

— Мне неловко рассказывать, но, пожалуй, без этого уточнения картина будет неполной. Однажды Он пропал на несколько дней. Телефон по традиции не отвечал. Я загрустила. И тут объявился мой старый друг. Пришёл в гости с цветами и шампанским без предупреждения. Слукавлю, если скажу, что не была ему рада. Отключив свой мобильный больше из вредности, я провела отличный вечер. Мы рассматривали фотографии, смеялись, словом, оторвались по полной программе. Расчувствовавшись под занавес свидания, я потащила провожать бывшего ухажера. Расставаться совсем не хотелось. Охмелев от шампанского и воспоминаний, мы бессовестно целовались рядом с подъездом, как влюбленные подростки. А в семь часов утра пришло сообщение на мой телефон: «Эх, родная, родная!» Больше мы не общались. Может быть, ОН решил меня навестить и увидел картину маслом: я целуюсь с другим мужчиной.

— Ага, сидел в кустах и поджидал, когда вы вдоволь насладитесь своими фотографиями и вылакаете все шампанское, — усмехнулась Изольда Марковна. — Дорогая, не воображай! Я тебя умоляю!

— Считаете, что это нереально? Ну, возможно, Он просто решил вернуться к бывшей жене.

— Возможно, Он от нее, вообще, не уходил, — задумчиво предположила соседка. Мой давний приятель на вопрос: «Вы женаты?» — отвечал: «Да. Но не очень».

Я тяжело вздохнула. Острый приступ тоски сковал мое сердце. Сколько раз я ломала голову над причиной нашего разрыва, но по сей день не нашла ни одного стоящего объяснения. С моей стороны, казалось, все было безупречно. Если не считать поцелуи на свежем воздухе...

— А чем этот «филин» занимался по жизни? — преврала мои раздумья Изольда Марковна, спуская с рук Жозефину.

— Мебельным производством, — ответила я.

— А, гробовых дел мастер, одним словом, — разочарованно подытожила соседка.

— Практически. Теперь от него осталась только визитка с электронным адресом и телефонами, по которым звонить не рекомендуется. Надо бы её выбросить, да всё рука не поднимается.

— Ну, что, душа моя, зайти завтра утром ко мне. Я постараюсь устроить тебя на приём к врачу-косметологу. Исправим твои дефекты. Вот увидишь: жизнь еще преподнесёт тебе приятные сюрпризы! — с этими словами Изольда Марковна выпроводила меня из своей уютной квартиры.

В тамбуре, в отличие от Багдада, было далеко неспокойно. Опальный дядя Жора, одумавшись, робко стучал в дверь к своей благоверной. Он стоял на коленях, и жалобно причитал:

— Жабушка,пусти меня,здесь так холодно и сыро. Я люблю тебя, слышишь? Ну,погорячились,с кем не бывает?

— Погорячились? — раздался приглушенный вопль за дверью. — Да я об тебя, гад, руку сломала, мне гипс наложили! Убирайся прочь, придурок!

Но дядя Жора обладал завидным терпением. Он продолжал канючить, прильнув к замочной скважине:

— У Жабы лапка болит? А у меня мордочка поцарапана. И потом, Бармалюга, — вдруг встрепенулся он, — бой был нечестный, я поддавался!

— Пошёл прочь, скотина! — выходила из себя нелегальная половина дяди Жоры.

— Ах, так! Ну, хорошо, я ухожу! Сдохните, змеи, чтобы нормальные мужики жили спокойно! — с этими словами теперь уже, надо понимать, бывший сосед встал с колен, отряхнул «пузыри» на штанах и неуверенной походкой направился к лифту.

А я подумала: «Ох уж эти влюбленные!» Пожалуй, если бы они немного интеллигентней выражали свои мысли, вполне могли бы добиться взаимопонимания.

ГЛАВА 3

Я и действительно на следующий день попала на прием к врачу-косметологу. Звался он Яков Яковлевич и, благодаря стараниям Изольды Марковны, отнесся к моей скромной персоне весьма внимательно. В результате совместных усилий, на принадлежащем мне лице не только ликвидировали последствия травмы, но и слегка подкорректировали отдельные детали. В частности: уменьшили нос и нивелировали носогубные складки. Правда, и стоили все эти чудеса безумных денег. Кредит, пожалуй, буду выплачивать ближайшие лет двести. Но, дело, безусловно, стоило того!

— Если ты не красавица, то мужики попросту зажались! — всплеснула руками Изольда Марковна, когда я после всех коррекций предстала перед ней.

— Ха! А что будет, когда спадёт отёк, и исчезнут синяки под глазами! — воскликнула я, стараясь не глядеть на свой неземной образ в зеркало, висевшее на стене в прихожей.

— Ой! Так ты, стало быть, полуфабрикат? — изумилась соседка.

— Ну, что-то вроде того, — потупив глаза, ответила я. — А где, кстати, Ваша собака?

— Жасмин закрыта в спальне, на всякий случай. Я ведь не знала, что из тебя сделает наше светило. К тому же руки у Яшки всегда росли из задницы! Жасмин могла перепугаться и впасть в истерику. Девочка безумно впечатлительная, — вздохнула Изольда Марковна.

Я, должно быть, позеленела от ужаса. Едва придя в себя, тут же попыталась уточнить:

— Откуда, говорите, растут конечности у Якова?

— Ой, ну про все я, право, не знаю. Только про руки могу говорить. Когда он работал у нас в прозекторской..

— Хватит! — вырвалось у меня. — Больше ни слова о морге!

— Ну, как скажешь, чего орать-то? Я просто хочу сказать, что трупы он вскрывал неважно, а вот на живых, видимо, изьяны его работы не так видны. Да, ладно, не мочрь себе голову. Все будет хорошо или около того!

— Это обнадеживает, что «около», — вздохнула я.

— Тебе надо развеяться! Путешествие! Вот, что является залогом хорошего настроения! — воскликнула Изольда Марковна.

— Согласна! Только залогом хорошего вида являлись деньги. А их, ваш патологоанатом, у меня выгреб до копейки.

— Эх, ты зришь в корень, — согласилась моя спасительница и, театрально закатив глаза к потолку, кокетливо поправила рыжую чёлку. — Но знаешь ли ты, — вдруг оживилась она, — когда, казалось бы нет совсем вариантов, всегда остается еврейский вариант!

— Интересно какой, — насторожилась я. — Провести отпуск в прозекторской в качестве экспоната?

— Не-а, — игриво покачала головой Изольда Марковна. — Можно поехать в гости! Дёшево и сердито! Свались кому-нибудь, как снег на голову. Пока они опомнятся, тебя уже и след простыл!

— А что, блестящая идея! Вот только припухлость с лица сойдёт и можно воспользоваться чьим-нибудь гостеприимством!

— Решено! — легонько ударила меня по плечу хозяйка Жасмин. — И это правильно. Тоску из глаз обычно замечательно изгоняют новые впечатления. Когда остаёшься одна, первым делом следует сделать что?

— Что?

— Следует тщательно осмотреться по сторонам! — хлопнула в ладоши соседка.

— Раньше я полагала, что данное действие важно при переходе дороги на красный сигнал светофора.

— Это везде пригодится! — заверила Изольда Марковна.

Вернувшись домой, я умышленно не смотрелась в зеркало. Лучше себя созерцать изнутри, как делают восточные мудрецы. Сменить обстановку, мысль конечно, неплохая, но вот от себя убежать ещё никому не удавалось. А попытаться, безусловно, стоит. Грустное это время — сезон дождей. Небо постоянно в депрессии, солнце недовольно хмурится, листья безнадежно опадают. Словом, тоска... Я уселась на диван и, завернувшись в мягкий плед, погрузилась в воспоминания. У него была интересная фамилия: «Орис». Должно быть, прибалтийская. Но мне он однажды доверительно признался в том, что является последним из Орисов, тех самых владельцев швейцарской часовой фирмы. И только огромная любовь к России и неиссякаемая потребность состояться самому как индивидуальному предпринимателю, не позволяют ему поселиться в Швейцарии и наслаждаться жизнью богатых бездельников. Помню, я весь вечер рыдала у него на плече и убеждала в том, что если бы он был простым сантехником, а не потомком европейских миллионеров, то обожание моё не знало бы границ. Наследник великой династии только снисходительно улыбался. О том, какая я идиотка, стало известно на следующий день. В Интернете я прочла, что в 1904 году Пол Каттин и Жорж Кристиан открыли фабрику по производству часов Орис в г.Холштейн — пригороде Базеля. Название часов Орис повторяет название речки, протекающей в этой части Швейцарии.

Мой приятель в списках наследников не значился. Мы больше не возвращались к этой теме, но обиду я в душе затаила.

Вне всяких сомнений, я его идеализировала. По множеству причин. Одна из них состояла в том, что мне уже давно хотелось собственноручно кого-нибудь причислить к лику святых, чтобы самозабвенно поклоняться ему, всякий раз отдавая в качестве жертвоприношения, свое сердце. Попался Орис, его и вознесла.

Изначально он представлялся мне стремительным завоевателем, который ворвался в мою монотонную жизнь с одной единственной целью: сделать её лучше, светлее, радостнее. Собственно говоря, так оно и было первое время, точнее — первые двадцать четыре часа. Потом с каждым разом Орис все меньше смахивал на доброго ангела. Нет, он совсем не удаивал быть со мной подчеркнута деликатным или по-мужски снисходительным. Однако у него имелось стратегическое оружие — обаяние. И еще в арсенале достоинств присутствовал юмор, а это, как известно, лакомство для посвященных. И всегда срабатывает на все сто.

Но сейчас его образ для меня ассоциируется с танком, такой тяжелой, лобастой машиной, беспощадно уничтожившей все зелёные всходы в моей душе. Вот вроде бы всё понимаю, а от тоски избавиться никак не могу. Иногда, после завершённого романа чувствуешь себя слегка разочарованной, а в случае с Орисом — опрокинутой.

Моё погружение в прошлое прервал резкий телефонный звонок.

— Алло, — испуганно прохрипела я.

— Привет, подруга! — буквально выскочил из трубки звонкий и задорный голос моей одноклассницы Светки Петровой. — Куда пропала? Уже целый месяц не выходишь на сайт нашей школы. Признавайся, что случилось?

— Хорошего? Ничего. Так, мелкие неприятности в личной жизни, небольшие проблемы со здоровьем, но уже почти всё пришло в норму.

— Судя по голосу, ещё не пришло, — констатировала Светка. — Послушай, приезжай в гости? Сто лет не виделись. Пообщаемся, вспомним былое, выпьем за встречу, глядишь — полегчает. У меня, признаться, тоже не лучшие времена.

— А что, пожалуй, приеду! — ухватилась я за предложение. — Это как раз то, что мне нужно. Знаешь, недели через две, если не случится всемирного потопа, я вполне смогу выехать. Но с экстравагантной мыслью надо переспать. Завтра позвоню тебе и сообщу окончательное решение.

Распрощавшись с подругой, я немедленно позвонила шефу и договорилась о небольшом десятидневном отдыхе. Потом по Интернету заказала билеты на нужную дату и принялась писать список необходимых мне в поездке вещей. Последний оказался невероятно скучен и мал. Джинсы, брюки, пара блузок, куртка. На этом моя фантазия закончилась. Из косметики возьму только ночной крем, из украшений — ничего. Поездка к подруге все-таки, не на какой-нибудь курорт ведь! На следующий день я сообщила Светке о дате своего приезда.

— Это здорово! — весело отреагировала она. А у меня для тебя сюрприз! Я нашла кавалера, который скрасит твой досуг во время пребывания здесь.

— Надеюсь, его услуги встанут мне в кругленькую сумму? — испугалась я, — одна моя знакомая говорит, что в нашем возрасте надо уже самим доплачивать мужчинам.

— Ха, дорогая, у тебя неверные сведения. Вы там, похоже, безнадёжно отстали от жизни. Наши с тобой ровесники говорят, что теперь согласие женщины их больше пугает, чем радует! Так что не дрейфь! Совершенно бесплатно, — успокоила подруга. — Это приятель моего парня. Он недавно развелся с женой и сейчас свободен. Кстати, я дала ему твой электронный адрес, и вы можете предварительно списаться и познакомиться. По-моему очень даже интересно!

Новоиспечённый жених не заставил себя долго ждать. Он буквально ворвался на мой рабочий стол из интернетных глубин. Мы стали в режиме нон-стоп общаться по ICQ. Понятное дело, что на работу времени совершенно не оставалось.

— Кватч. Александр Кватч. — представился он в духе Джеймса Бонда. — Можно просто: Алекс.

— Звучит многообещающе, — ответила я ему. Расскажи о себе.

— Рост 190 см, вес 86 кг, работаю в нефтяной компании. Я — сгусток обаяния и темперамента. Верю в смерть после жизни, в любовь после секса и в крем после бритья... Одеваюсь в самых дорогих продуктовых магазинах..

А мои отношения с женщинами не складываются в чемоданчик.. Регулярно делаю две вещи: сплю с Анджелиной Джоли и вру...

— Неплохо, — оценила я его параметры. — Похоже ты видный парень.

— Я обалденный! — подтвердил он.

— Что ж, самопрезентация — пять баллов, по пятибалльной шкале естественно!

— Теперь твоя очередь представляться, — написал Кватч.

Его просьба привела меня в некоторое замешательство. Как себя подать, чтобы заинтересовать собеседника? Не могу же написать: «Я обалденная!» Во-первых, потому что сама так не считаю, во-вторых, не хочу повторяться. Может быть, соврать, что в свободное время прыгаю на батуте или занимаюсь йогой? Не смешно, скорее глупо. У кого-то недавно прочитала: «Когда не знаешь, что сказать — говори правду». Вот я и отстучала на клавиатуре:

— Вообрази себе хрупкую шатенку средних лет, с голубыми глазами.

— Хм, признаться, задача не из лёгких. Ну, хорошо, с внешностью, худо-бедно разобрались, а как быть со всем остальным? Я имею в виду твои увлечения, пристрастия, черты характера.

Не мудрствуя лукаво, я ответила:

— Беспечна, импульсивна, весела. Верю в доброе начало и достойный конец, обожаю горький шоколад и откровенные сцены в кинофильмах. В свободное время

читаю дамские романы и занимаюсь разведением пираний в домашних условиях.

— В тебе есть чертовщинка, да? — спросил Кватч.

— Разве что самую малость.

Мы обменялись фотографиями в конце дня и остались довольны друг другом. На снимке я увидела умопомрачительного bruneta, небрежно опиравшегося на автомобиль представительского класса. Он мне понравился. Он просто не мог не понравиться. Все последующие дни были скрашены непринуждённым виртуальным флиртом. Мой новый приятель оказался настоящим сказочником. Братья Гримм на его фоне являли собой печальное зрелище! Кватч мне бессовестно льстил, давал смелые обещания и практически признавался в любви. Вероятно, в деле обольщения женщин он был настоящий профи. И бесспорно обладал харизмой, которая чувствовалась на огромном расстоянии. Раньше и предположить не могла, что переписка может так затягивать! Я, конечно, понимала, что все это пустые фразы, которые ни к чему не обязывают, но на моё больное сердце они действовали, как целительный бальзам. Вечерами я распечатывала наши диалоги и перечитывала их по несколько раз. Идиотка.

Я решительно пересмотрела, собранные мной в поездку вещи. Теперь они были совсем неактуальны. Волевым решением я вытряхнула из сумки всё содержимое. Итак, начинаем сначала. Мне вспомнилось, что одна западная поп-дива недавно заявила во всеуслышание: «Неважно сколько женщине лет, главное, подобрать правильную мини-юбку!» Согласна с ней на все сто. Никаких брюк

с собой, только платья, причем самые легкомысленные из тех, которые имеются. И обязательно васильковый костюм. Из косметики я беру... всё. Вот теперь другое дело. Даже если не встречу с великолепным Сашей, а вдруг случится другой мужчина?

ГЛАВА 4

Я по-разному представляла встречу с моим новым пока ещё только виртуальным другом. Как там говорится? Мечтать не вредно? Пожалуй, что так. Особенно, когда летишь в самолете. Здесь уже находишься на облаках по умолчанию. Итак, он непременно примчится в аэропорт с цветами. Это будут алые розы. Нет, лучше белые. Да, точно, это будут белые розы. Вот он стоит, слегка наклонив голову, и жадно всматривается в лица, стараясь узнать меня. Я, конечно, подойду незаметно и окликну его. Наши глаза встретятся, и невидимая молния поразит обоих. Нет, для начала только его. Все вокруг на какое-то мгновение перестанет для нас существовать. Он бросится ко мне и заключит в крепкие объятия. Потом вручит розы. Да сдались мне эти цветы! Что я роз не видела, в самом деле! А потом мы поедem... И куда мы поедem? К нему. Да точно. Куда же ещё?!

— Что желаете? Чай, кофе, сок? — обратилась ко мне стюардесса, предлагая напитки.

Я взяла чай с лимоном и опять погрузилась в раздумья. Он устроит для меня романтический вечер при свечах. Включит негромкую музыку, наполнит бокалы вином или шампанским. По телу разольётся приятное тепло...

— Девушка! Проснитесь! Вы же на себя чай льёте! — раздался женский голос справа.

Чёрт! И правда облила себе блузку. Размечталась!

Кватч меня не встретил. Более того, он укатил в командировку на два дня. Сказать, что я расстроилась, это ничего не сказать.

— Если имеются два способа сделать что-то, причём один из них ведёт к катастрофе, то кто-нибудь обязательно выберёт именно этот способ, — задумчиво произнесла я, — так, по-моему, гласит закон Мерфи.

— Да, брось ты! Бутерброд падает маслом вниз не по закону Мерфи, а по закону физики. Тоже мне, придумала катастрофу! Подумаешь, Кватч срулил в командировку. Не думай о нём. Зря я вас познакомила. Теперь чувствую себя виноватой, — сокрушалась Светка. — А он вернётся и обязательно тебе позвонит. Интрига ведь остаётся.

— Знаешь, пожалуй, так даже лучше. По крайней мере, не будет горького разочарования оттого, что он оказался менее интересным, чем я его себе придумала. Вся эта любовь по переписке ассоциируется у меня с новым парфюмом. Сначала ты читаешь о нем в модном журнале приблизительно следующее: «Будьте готовы к самым смелым экспериментам с новым ароматом таким-то! Он захлестнет Вас огнем желаний и страстей, и сумеет пробудить задремавшие в глубине Вашей души скрытые чувства. Дерзкий и провокационный, балансирующий на грани, немного скандальный и претенциозный, он знает толк в тонкой игре соблазнения и плетения интриг!» Потом по телевизору длинноногая блондинка несет этот флакон

духов в ладонях и томно сообщает: «Мой парфюм, новый искуситель мужских сердец, будет совращать вас пьянящим ароматом жасмина, провоцировать своей пикантной простотой и откровенно кокетничать!» И вот ты уже бежишь, спотыкаясь, в магазин, покупаешь пузырек с воделенными духами. Практически, не отходя от кассы, выливаешь их на себя, и сразу же испытываешь глубокое разочарование: мир вовсе не бросился к твоим ногам, проходящие мимо мужчины проходят дальше, не поворачивая головы, а новое приобретение является весьма неприятным ароматом, напоминающим запах вареной моркови, приправленной полевой ромашкой.

— Да, — согласилась подруга. — Это как представление о публичном человеке, когда на самом деле всё далеко не так, как рисовало воображение... Но вы увидите, обещаю.

Взяв себя в руки, я выбросила виртуального приятеля из головы и принялась наслаждаться отпуском. Остановилась я у Светки. Ей принадлежала однокомнатная хрущевка на окраине города. Квартира была небольшая, но достаточно уютная. Первые сутки мы без устали болтали с подругой обо всем, что было так давно и уже казалось неправдой.

— А помнишь, в пятом классе я принесла в своей шапке котёнка в школу? А ты его у меня выменяла на яблоко? — вдруг вспомнила Светка.

— Конечно, как такое забыть, — рассмеялась я.

История и вправду вышла забавно-печальная. Однажды у Светкиной бабушки появились котята, точнее

у кошки, которая жила у Светкиной бабушки. А может быть, всё это только легенда, а котенок попросту приблудился. Кто теперь разберёт? Светка, добрая душа, решила пристроить котёнка в хорошие руки и притащила его в школу. Поскольку, яблоко в тот день было только у меня, Светка отчётливо поняла: мои руки — самые надежные в классе. Но я тоже не промах. Дабы подстраховаться от форс-мажорных обстоятельств, которые прописаны в любом контракте, я, на всякий случай, откусила-таки от своего яблока и лишь потом отдала его Светке в обмен на котёнка. Котёнок, надо заметить, был прехорошенький и представлял собой такое крохотное, пушистое существо, подкупающее своей наивностью и беззащитностью. Я его с большим удовольствием засунула в свой портфель и принесла домой. Реакция моих родителей на нового члена семьи, откровенно говоря, не была восторженной. Мама долго сокрушалась и сообщила пришедшему вечером с работы отцу: «Наша дочь поселила в доме квартиранта». На что отец, воспринявший информацию всерьёз, озабоченно спросил: «Какого еще квартиранта?». Помню: сердце моё в тот момент замерло. Я напряжённо следила за диалогом родителей. Мама ответила: «Да вон, мявкает под тумбочкой!» Домашнего любимца мне, тем не менее, разрешили оставить. Все своё свободное время я проводила с ним. Бесконечно тискала и купала, купала и тискала и зацеловывала, зацеловывала, зацеловывала. Возможно, я его залюбила бы до смерти, да только вот в одно не самое прекрасное время мои руки и лицо покрылись отвратительными лишаями.

Родители привели меня в кожно-венерологический диспансер, где я встретила свою одноклассницу, которая уже была обрита наголо. Как выяснилось, котенок был болен, а поскольку подруга использовала свою шапку в качестве сумки-перевозки животного, то все эти болячки появились соответственно на волосистой части головы. С локонами ей пришлось распрощаться надолго. К счастью, со мной поступили не столь беспощадно. Волосы мне на голове всё-таки оставили, но вот руки и лицо ежедневно смазывали йодом и щедро поливали несносной мазью Вишневского. Эти две недели интенсивного лечения были самыми противными в моей детской жизни. Лишай со временем сошел, волосы у моей подруги выросли, а вот с котёнком, к сожалению, пришлось расстаться.

После вечера воспоминаний мы перешли на личности. Светка, посмотрев на меня внимательно впервые за весь вечер, безапелляционно произнесла:

— Из тебя нужно сделать блондинку. Немедленно.

— Зачем? — возмутилась я, — мне нравится мой русый цвет. А вот покрасишь волосы белой краской и вмиг превратишься в легкомысленную особу.

— Так в этом и есть вся прелесть! — заявила Светка, выбегая из кухни. Она вернулась через пару минут с яркой коробочкой в руках. — Вот! Берегла для себя, но так и быть отдам тебе!

— Что это? — испугалась я.

— Краска для волос. Самая лучшая, болгарская.

— О, нет! — запротестовала я. Краситься самостоятельно уже неактуально! Давай я тебе пообещаю, что,

вернувшись домой, первым делом пойду в салон и радикально изменю свой имидж.

— Ты мне не доверяешь? — возмутилась Светка.

В этот момент она уже вытащила из коробки тюбик с краской и пластиковую бутылочку с белой жидкостью. Ловким движением смешала ингредиенты и принялась усиленно взбалтывать содержимое флакончика.

— Вот, потряси, — сказала подруга и сунула мне сосуд в руки, — а я найду, чем тебя прикрыть.

Я послушно стала выполнять приказания новоиспеченного парикмахера. Но тут случилось непредвиденное. Видимо во флаконе произошла ядерная реакция вместо химической, потому что крышку с бутылочки неожиданно сорвало и белая пена под давлением выплеснулась наружу. Она была везде: на холодильнике, на стенах, частично на окне и полу.

— Что ты натворила? — завопила Светка, хватаясь за сердце.

— Ничего, — растеряно пожала я плечами. — Просто трясла, как ты велела.

— Быстро садись! — скомандовала подруга, решительно натягивая резиновые перчатки.

Прежде, чем я успела опомниться, она уже собирала белую слизь по всей комнате и мазала её мне на голову.

— Зачем ты это делаешь? — негодовала я, пытаюсь отмахнуться от навязчивой подруги.

— А что, добру пропадать? — ответила Светка, продолжая втирать мне в волосы расплескавшуюся по стенам краску.

— Я поняла. Ты мне просто мстишь за пятый класс.

— Конечно. Для этого я тебя и пригласила.

Надо отдать должное Светке, справилась она быстро. Уже минут через десять вся краска была собрана мне на волосы. В заключение сеанса мою многострадальную голову покрыли целлофановым пакетом. Подруга вздохнула с чувством выполненного долга и торжественно произнесла:

— Через сорок минут надо смывать. Ни больше, ни меньше. Не проспи.

Ну да, проспишь тут. Сердце моё бешено колотилось. Если это такая термоядерная смесь, в лучшем случае у меня просто отвалятся волосы, в худшем, отпадут еще и уши. Положенные мне сорок минут я просидела как на иголках. Когда ненавистная краска была смыта, а пряди высушены, чудес не произошло. Честно говоря, в платиновую блондинку я не превратилась. Больше походила на только что вылупившегося желтого цыпленка.

— Это ужасно! — воскликнула я, увидев себя в зеркале. — Права была моя тётка, которая никогда не имела подруг. От них одно зло. Если мужа не уведут, то внешний вид испортят!

Светка посмотрела на плоды своего труда и, как ни в чём не бывало, сообщила:

— Одного раза мало. Надо повторить.

— Нет уж! — запротестовала я, — довольно экспериментов. Завтра пойду в ближайшую парикмахерскую и верну свой цвет волос.

Подруга, конечно, тоже была расстроена, только виду не подавала. Сегодня она потерпела полный провал, как

имиджмейкер, колорист и парикмахер в одном флаконе. С тяжёлым камнем на душе мы вернулись в кухню. Где же ещё можно поднять себе настроение, упавшее ниже уровня моря? Правильно! Только в непосредственной близости от холодильника. Светка, чувствуя свою вину, выставила на стол все свои стратегические запасы, включая красную икру и бутылку «Мартини». Жизнь явно начинала налаживаться. Два часа, проведённые в тесной четырехметровой столовой прошли совершенно незаметно. Наша беседа касалась всего и вскоре приняла оживлённый характер. Мы смеялись, тараторили, постоянно перебывая друг друга на полуслове. От бывшего расстройства не осталось и следа. В итоге, в приступе откровенности, я залпом рассказала подробности своего последнего романа. Подруга внимательно слушала и сокрушенно качала головой, сопереживая моим страданиям.

— А кому в данный момент принадлежит твоё сердце? — полюбопытствовала я, как мне показалось весьма деликатно.

— Моей грудной клетке, — ответила Светка, грустно вздохнув. — Вчера на ниве любви я потерпела очередное полное фиаско.

— Расскажи немедленно! — потребовала я, забившись в угол на крошечном диванчике.

— Две недели назад, я встретила одного человека. То, что он мужчина моей мечты, я поняла сразу. Во-первых, у него имелась роскошная машина, во-вторых, он был похож на нашего одноклассника, который мне всегда нравился, а главное, он говорил правильные вещи, те, которые

хочет слышать каждая женщина, а именно: что словам предпочитает дело, что он надежный, как швейцарский банк и вовсе не сторонник мимолетных встреч, а приверженец основательных, долгих отношений. . . И еще он сильный, смелый, ловкий, умелый! Вдобавок имеет табельное оружие и умеет его держать в руках!!! Сей факт, понятное дело, добил меня окончательно!

— Все ясно! И ты, конечно, поверила ему? Позволь, угадаю: он был охранник? Скорее всего, сторожил детский сад или аптеку?

Но, вставив свои пять копеек, я тут же пожалела о бестактном замечании. У самой рыльце в пуху, а над подушкой взялась потешаться. Нехорошо.

Однако, Светка продолжала, не взирая на мой выпад:

— Внешне ухажёр был просто настоящий мачо с карими миндалевидными глазами и плотным торсом. Мы, как водится, посидели в кафе, погуляли в сквере, и уже через две недели я оказалась в его квартире, точнее в постели. Феерии, конечно, не произошло. Был обычный ознакомительный секс, в течении которого мы сменили три позы и два презерватива. В перерывах мой возлюбленный показал мне свои фото в Египте с обнаженной волосатой грудью в обнимку с полуголыми тетками. Но, особую пикантность данной ситуации придало то, что нас обнаружила его мамаша, как это всегда бывает, на самом интересном месте. Я не уточнила, что секс-символ эпохи, несмотря на свои сорок лет, проживал с матерью, поскольку оставил квартиру жене и детям. Супруга от него ушла два года назад. Точнее он застукал её в чужой машине,

целующуюся с молодым студентом. Мой герой адюльтера стерпеть не смог и хладнокровно развёлся, несмотря на крокодильи слёзы блудницы.

— Так что вам сказала, пришедшая не вовремя мамаша? — уточнила я. — Держу пари, она взялась за голову и сокрушалась: «Бедный мальчик! Как ему неудобно! Эта корова разлеглась на всю кровать!» Да?

— Скандалов не было, с лестницы меня не спустили. Все закончилось весьма интеллигентно. Мы даже бросили друг другу: «Добрый вечер!» Меня отвезли домой и поцеловали в носик. Потом следовали регулярные звонки. Я, естественно, прибывала в полной эйфории. Словом, распланировала все на сто лет вперёд, включая свадьбу, бесконечные роды и смерть в один день от оргазма. Вчера был очередной дежурный телефонный звонок от ухаже-ра. Он мне сообщал, что встретиться со мной не может, так как от его друга тоже ушла жена, и он пойдёт утирать сопли товарищу по оружию. По ходу пьесы он мне сообщил, что приятель, пребывая в истерике, задал вопрос: «Скажи, , вот ты два года в разводе, тебе хоть что-нибудь приличное попало?» На что мой возлюбленный чисто-сердечно ответил: «Нет, ничего!»

— Караул! Вот подлец! Это нельзя спускать на тормозах! — воскликнула я, давясь от возмущения красной икрой.

Похлопав меня по спине рукой, Светка продолжала повествование:

— Я от такого признания, мягко сказать прибалдела. Потом все-таки уточнила растеряно: «А как же я, Малыш?»

Он что-то невнятное проямлил весьма неубедительно. Я решила блефовать: «Скажи, твой друг хорош собой?» На это следовал ответ, что приятель весьма недурен. Тогда я вышла с предложением: «Может, подаришь меня своему другу?» Ну, просто спросила. Дальше было как в песне: «Ты меня не понял, я же пошутила!» Он рывкнул, что дарить меня никому не собирается!

— Вот интересно, почему? — опять влезла я, — то ли от жадности решил: так не доставайся же ты никому! То ли другу не хотел свинью подложить.

— Спасибо, подруга, — покачала головой Светка, — ты знаешь, как утешить!

— Прости, пошутила неудачно, — стала неловко оправдываться я, — так что же дальше было?

— Я призналась, что просто хотела услышать от него заверения, будто он меня никому не отдаст, поскольку любит безумно. Его ответ, конечно, ошеломил!!! Так меня ещё никто не ставил на место. Пять баллов ему! Он ответил: «Мне в тебе, безусловно, многое нравится, но я тебя ЕЩЕ НЕ ЛЮБЛЮ!» Па-па-па-пам!

— А что же ты? — нетерпеливо спросила я.

— Ответила так: «НЕ ЛЮБИШЬ? ПОШЕЛ ВОН!»

На этом, шумно выдохнув, Светка закончила своё повествование.

— Больше не звонил? — зачем-то спросила я.

Светка отрицательно покачала в ответ головой.

— Скажи, а чей же тогда друг мой виртуальный знакомый, с которым я переписываюсь последние две недели?

— А это уже совсем другая история, — восторженно воскликнула Светка, сделав глоток вермута. Встречаюсь я тут с одним женатиком. Он работает в солидном банке. Серьезный мужчина без вредных привычек. У нас такой хронический вялотекущий роман. Из той оперы, что и бросить жалко и нести тяжело.

— Понятно. Скажи мне кто твой друг, и я скажу, кто ты.

— Да, нет. Они совсем разные. Мой женатик и твой виртуальный приятель. Но, думаю, вы ещё познакомитесь, и ты всё увидишь сама.

На следующий день в парикмахерской меня превратили в настоящую платиновую блондинку. Светка пришла в неописуемый восторг:

— О! То, что надо. Мне именно такого результата и хотелось добиться.

— Будем считать, тебе это удалось, — согласилась я с подругой. Новый цвет меня, несомненно, освежал.

— Кстати, пока тебя там сушили, мне позвонил женатик, то есть Игорь. Вернулся твой компьютерный маньяк. Вечером идём в ресторан.

Они заявили обоим. Один — компактный и уютный из разряда карманных мужичков, которого тут же захотелось прибрать к рукам. Другой — высокий и широкоплечий, словом, полная противоположность первому. Я догадалась, что коротышка принадлежит Светке. В фактурном мужчине сразу узнала своего виртуального друга. Конечно, я представляла его более мужественным и более серьёзным, более идеальным, но этот земной вариант тоже был

весьма недурён. Вот он, мужчина моей мечты! Да нет, что там! Так смело я никогда не мечтала. Должно быть, и я произвела неплохое впечатление на нового знакомого. Еще бы! Мой васильковый костюм срязит кого угодно. Он выгодно подчёркивает достоинства моей фигуры, делая её практически безупречной. И умелый макияж, который я наводила два с половиной часа, чего-нибудь да стоит!

— А ты хорошенькая! — сообщил мне Кватч, окинув быстрым взглядом то ли с ног до головы, то ли с головы до ног.

— Старалась, — доверительно ответила ему я.

Мы вчетвером расположились на крошечной Светкиной кухне, говорили много и, по большей части сумбурно. Вдруг пришло спонтанное решение срочно выпить белого вина «для более полного взаимопонимания друг друга». Но я думаю, что в основном для храбрости. Кстати, было заметно, что у Кватча тряслись руки, когда он откупоривал бутылку. Безусловно, мне это польстило. Спустя некоторое время, стены маленькой кухни начали давить, и мы всей весёлой компанией отправились в ресторан. Надо отметить, что выбранное нашими кавалерами место для «продолжения банкета» было весьма достойным. Приглушенный свет, приятная музыка, безупречные манеры персонала, да и вся атмосфера в целом настраивала на романтический лад.

Но едва нам принесли меню, Светкин кавалер подпрыгнул, как ужаленный:

— Ты посмотри, какие цены они тут заломили! Здесь одна селёдка стоит так, как будто она всю жизнь плавала в

бассейне у американского президента и тот кормил её с руки. А эта колбаска к пиву, так и, вообще, в одной цене с баллистической ракетой средней дальности.

— Да, ладно, Игорь, не суетись, справимся, — робко Кватч уговаривал своего друга.

Но последний продолжал отчаянно брызжать, тряся в руках злосчастное меню. Подошедшая к столу официантка смущенно переминалась с ноги на ногу и ошалело переводила свой взгляд с одного посетителя на другого.

— Граждане банкиры и нефтяники, — обратилась я к собранию, — предлагаю переместиться в пельменную. Она, если мне не изменяет память, находится здесь недалеко. Надеюсь, порция пельменей будет дешевле системы ПРО «Патриот»?

Вечер растаял на Светкиной кухне. Это были обычные дружеские посиделки. Любви с первого взгляда не случилось. Со второго тоже.. Осталось только слегка щемящее душу разочарование. Вот так ничем завершился виртуальный роман. А потом закончился отпуск...

ГЛАВА 5

С корабля я попала практически сразу на бал. А точнее, едва получив свой багаж в аэропорту, помчалась в гости к своей сестре. Повод был весомый. Торжество по поводу дня рождения её мужа. Гришка был отличный парень, обезоруживающий своей простотой. Он до сих пор по-детски радовался всем праздникам, особенно тем, на которые полагались подарки.

Несмотря на то, что я сменила часовые пояса, а может быть, благодаря этому, в гости я заявила раньше установленного времени.

— Ой, какая к нам дамочка пришла! Обалдеть! Натуральная блондинка! — воскликнула сестра, бросаясь мне на шею. — Пожалуй, с новым цветом волос ты стала гораздо интересней.

— Правда? Тебе нравится? Это все Светкины проделки. А еще я слегка подправила себе нос. Вот смотри, — при этих словах я покрутила органом обоняния в разные стороны. — Теперь не буду его совать в чужие дела!

Верка подошла вплотную и стала внимательно рассматривать плоды пластической коррекции. Потом, не удержавшись от соблазна, провела указательным пальцем по моему носу, словно пытаясь убедиться в его натуральности.

— Неплохо, — наконец констатировала она, — главное, ты не утратила своей индивидуальности. И швов никаких не видно. Чувствуется, что проведена ювелирная работа. Наверное, безумных денег стоит. Скажи, только честно: больно было?

— Конечно, имелись неприятные моменты, но это уже позади, — махнула я рукой. — Главное, что я избавилась от комплексов, преследовавших меня с детства.

— Гришка! — вдруг крикнула сестра куда-то вглубь квартиры, — Кирка себе нос отрезала! Я тоже хочу! И вот, что я придумала! Обрезки с моего лица, пусть пришьют тебе. А уж, в какое место, я врачам отдельно сообщу!

— Ну, вот! Взяла и тайну разболтала, — поморщилась я, — больше никому не рассказывай! Мне это неприятно.

— Да? Ну, извини. Это всё от зависти. Слушай, я как раз не успела сделать селёдку под шубой, помоги, а?

— С удовольствием, — ответила я, просто для того, чтобы ответить. Удовольствия в этом, конечно, не видела никакого. Опять селёдка! Просто дежавю.

Наскоро приняв душ, я направилась на кухню, где обнаружила заспанного Григория, как раз того самого виновника торжества. Мы с ним расцеловались по-родственному, затем я произнесла пожелания счастья, долгих лет жизни и вручила привезенный в подарок коньяк. После поздравительных процедур, с чувством выполненного долга, принялась обрабатывать селёдку. Я ловко вспарывала брюхо соленой рыбе и вытряхивала ненужное содержимое в заранее приготовленную чашку. Зрелище, надо сказать, не для слабонервных. Но муж моей сестры, очевидно, обладал устойчивой психикой. За моими слаженными действиями он следил очень внимательно, как будто боялся, что я селёдочные потроха вытряхну корысти ради в свою сумку, а не в ёмкость на столе. Потом и вовсе схватил кусок хлеба, и намотал на него селёдочную требуху. Все это он принялся есть с нескрываемым удовольствием. Моя сестра Верка, застав его за данным занятием, отреагировала немедленно:

— Послушай, Гришка, ты бы здесь не гурманил, а, пошел да съел лучше нормальной еды — китайской лапши из пакетика, если уж сил нет дожидаться застолья!

Услышав всё это, я просто прыснула от смеха:

— Ой, подумать только! Селёдочные потроха у них являются деликатесом, а засушенный суп из тараканов китайского производства диетической едой!

— Эх, ничего вы не понимаете, — махнул рукой Гришка и удалился прочь из кухни, дожёвывая свой сказочный бутерброд.

— Смешные вы, — заметила я, продолжая терзать несчастную рыбу.

— Да уж, обхохочешься с этим Гришкой, — покачала огненно-рыжей головой Верка. — Вот вчера спрашиваю у него: «Скажи, дорогой, а что тебе в моей фигуре нравится больше всего?» А он, не задумываясь, отвечает: «Волосы!»

— Хорошо, что не брови, — давась от смеха, сказала я.

— Очень смешно, — фыркнула Верка, не разделяя моего веселья.

— А как Артемка учится? — поинтересовалась я, решив перевести разговор на другую тему.

— Замечательно, — сообщила сестра, протирая фу-жеры, — мы решили двойки в его дневнике измерять в сантиметрах, поскольку поштучно счёту они уже давно не поддаются. В прошлое воскресенье я опрометчиво испортила себе своё леденцовое настроение, тем, что собралась проверить успеваемость сына. Дневник мне не давали в течение двух часов под разными предложениями. Но после сеанса гипноза и попыток документ был обнаружен на верхней полке шифоньера где-то между трусов. В дневнике, понятное дело, стройными рядами красовались двойки и единицы. Я ему пообещала, что если он не исправит этого положения, то ему совсем не обязательно ждать призыва в армию. Дедовщина для него начнется уже сейчас.

— Чем запугивать ребёнка лучше сходить в школу и выяснить в чём причина неуспеваемости, — посоветовала я, щедро поливая селёдочную шубейку майонезом.

— Вчера только была на родительском собрании. Школьный психолог сообщил, что у сына низкий уровень притязаний и мотивации. Что это такое я толком не поняла, но чертей дать решила на всякий случай.

В этот момент в кухню, размахивая газетой, вбежал Гришка:

— Пока вы тут крошите салаты, — торжественно сообщил он, — группа учёных из Бристольского университета Великобритании, доказала, что людям, выпившим пива, лица противоположного пола казались на 10 % привлекательнее, чем тем, кто пива не пил. Более того, повторная проверка показала, что у лиц мужского пола эффект длится целые сутки.

— И что? — спросила Верка, подбоченившись.

— Пора выпить, вот что! — выдохнул Гришка. — И с пластикой можно подождать.

ГЛАВА 6

В восемь часов утра я, как правило, пью горячий несладкий чай вприкуску с мелкими кусочками шоколада и слушаю прогноз погоды по радио. Сегодня привычный распорядок начала дня был нарушен неожиданным визитом Изольды Марковны. Она решительно прошла в кухню и, придерживая правый карман махрового халата, тяжело опустилась на стул.

— Жеральдина в последние два дня странно повизгивает, когда пишет свои записки под кустами во время

прогулки, — начала соседка без предисловий. — Это очень тревожный симптом.

Из всего сказанного я поняла только то, что речь идет о собаке. Поэтому решила уточнить:

— Какие записки?

— Обыкновенные, — нахмурилась Изольда Марковна, — боли у собаки во время мочеиспускания, неужели непонятно?

Я кивнула в ответ головой, давая понять, что теперь до меня абсолютно все дошло.

— Необходимо сдать мочу на исследование, — продолжала соседка, — мне пришлось всю ночь ходить за Жеральдиной по пятам и собирать в целлофановый пакет скупые капли соломенной жидкости.

— Представляю, как это сложно! — вырвался у меня сочувственный вздох.

Изольда Марковна утвердительно кивнула, затем, засунув руку в карман халата, словно заправский фокусник, извлекла оттуда банку с собачьей мочой и уверенно поставила её на мой кухонный стол, где томился недоеденный шоколад.

— Вот что удалось нацедить, — прокомментировала она свои действия. Затем добавила: — Свези это в ветеринарную лабораторию, которая находится рядом с твоим офисом, очень тебя прошу. Возьми адрес, — она достала из второго кармана небольшую записку и протянула её мне.

Я брезгливо съежилась. Перспектива носиться по городу с собачьей мочой в обнимку совсем не радовала. Но отказать соседке в просьбе не представлялось возможным.

— А жидкость не прольётся, банка надёжно закрыта?

— Надёжно, — кивнула соседка, — но все равно носи в руках, чтобы ни одной капли не пропало.

Обреченно вздохнув, я уточнила:

— Скажите, во время транспортировки моча не пострадает? Я ведь поеду в метро, а там здорово трясет.

— Ты думаешь, моча взобьется в масло? — усмехнулась Изольда Марковна.

Что ж, спорить и придумывать разные причины бесполезно. Как говорится: глаза боятся — руки делают. Я поместила банку в пакет и, заверив соседку в добросовестном исполнении задания, приступила к сборам на работу.

Собачья лаборатория, судя по записям Изольды Марковны, находилась на втором этаже высотного офисного здания. Однако вход в него был только по пропускам. Сей факт, признаться, меня неприятно удивил. Неужели собачьи экскременты теперь исследуются в секретных лабораториях? К моему большому огорчению, здоровенный дядька, сидевший у турникета, был неумолим.

— В который раз вам повторяю, — гнусавил охранник, — вход только по пропускам!

— В который раз вам отвечаю, — все больше раздражалась я, — нет у меня пропуска и все тут!

— Тогда предъявите свой паспорт!

— И паспорт я не взяла! Забыла! Понимаете? За-бы-ла!

— Понимаю, но пропустить без документа не могу!

У меня на этот счет есть строгие указания от начальства, — от старательного выполнения своих должностных

инструкций у дядьки на лбу выступили капли пота, а в области макушки образовалось красное неровное пятно.

— Ну, пустите в порядке исключения, — уже канючила я. — Мне всего-то надо собачью мочу отнести на второй этаж!

— Что? — заорал охранник. — Вы ещё и нагадить в здании хотите? Здесь приличные люди, между прочим, работают, а вы тут со своей мочой!

— Да в том всё и дело, что не с моей, а с собачьей, — при этих словах я вытащила из пакета банку с соломенной жидкостью. — Вот видите?

Охранник непонимающе уставился на меня. Для пущей убедительности я открыла крышку с банки и поднесла последнюю к носу стража порядка. Запах мочевины вывел дядьку из себя окончательно. Его и без того огромные глаза повывлезали из орбит и, казалось, перевернулись вокруг собственной оси пару раз.

— Сумасшедшая! — завопил он, грубо отстраняя мою руку от своего лица. В результате этих действий, часть собачьей мочи, собранной Изольдой Марковной с таким трудом, выплеснулась на пол, а точнее на мой правый туфель. Здесь пришла очередь расшвырять мне. В порыве гнева я вылила все оставшееся соломенно-жёлтое содержимое банки на лысину охранника, стараясь попасть в аккурат на красное пятно. Скорее всего, совершенные мной действия были спонтанными и по большей части механическими. Но разве объяснишь это взбесившемуся дядьке, который, схватив меня в охапку, поволок к выходу.

Я была неприятно поражена, очнувшись на газоне. Ух, с лестницы меня до сегодняшнего дня ещё не спускали. Хорошо, что здесь всего пять ступеней, а то, держу пари, не досчиталась бы я половины ребер. Рядом со мной, на подмерзшей траве, валялась пустая банка с отколотым горлышком. Едва поднявшись с земли, я услышала мурлыканье мобильного телефона, доносившееся из сумки. Вызов исходил от Изольды Марковны.

— Кира! — кричала она в трубку. — Кира, я тебе дала неверный адрес. То, куда ты пошла, является инспекцией по борьбе с налоговыми преступлениями, а ветеринарная лаборатория — напротив. Слышишь?

— Слышу, слышу, — ответила я, отряхаясь, — где теперь только материал для исследования взять.

— Что? Не разобрала последних слов, повтори!

— Сейчас схожу еще туда, — ответила я и отключила телефон.

Ветеринарная лаборатория действительно оказалась в доме напротив здания со злым охранником. Всё бы ничего, да где же взять мочу? Гнев Изольды Марковны будет страшен. Но, как известно: выход из ситуации там, где вход. Главное — не унывать. Я подобрала с земли банку с отколотым горлышком, засунула её обратно в пакет и направилась к близлежащему Макдоналдсу. Что мне всегда нравилось в американских забегаловках, так это — бесплатные туалеты.

Через пятнадцать минут я уже сдавала мочу в ветеринарной лаборатории.

— У вас, что, целая псарня помочилась в одну банку? — удивленно спросила лаборантка, принимая из моих рук стеклянный сосуд с жидкостью.

— Нет, просто наша собака перед сбором мочи съела целый арбуз, — огрызнулась я.

Стоит ли уточнять, что результат исследований был великолепным.

ГЛАВА 7

Если хотите замедлить течение жизни, садитесь на жёсткую диету, а лучше и вовсе начните голодать. Дни без еды покажутся вам бесконечными, вдобавок освободится много лишнего времени. Несмотря на невыносимость бытия в данный период, к диетам или голоду прибегают хотя бы раз в жизни абсолютно все женщины и некоторые мужчины. Одних на это толкает лишний вес, других — болезни, третьих — философия. Что до меня, то я, вовсе не являясь сторонницей Каббалы или Буддизма, при помощи голода просто решила помолодеть, улучшить состояние души и тела, ну и оздоровиться, если получится.

Накануне ответственного события я отправилась в супермаркет. Компанию мне составила Верка. Мы ходили между продуктовых рядов, везя впереди себя огромную телегу. Мы всегда ходим с такой. Наполняя свою тару различными полуфабрикатами, я взахлеб рассказывала сестре о предстоящих планах:

— Понимаешь, самое главное выдержать три дня, а потом открывается второе дыхание. Организм освобождается

от шлаков и токсинов, соответственно омолаживается. Между прочим, даже однодневное воздержание от пищи обладает мощным оздоровительным эффектом. После выхода из голодания первым делом следует съесть салат из моркови, который сыграет роль своеобразной «метлы» и вычистит весь оставшийся «мусор» из органов пищеварения.

Верка слушала, кивала головой, но у самой кассы спросила:

— Если ты надумала голодать с завтрашнего дня, то зачем покупаешь продуктов на неделю?

— Как зачем? — опешила я. — К голоданию следует основательно подготовиться!

Экзекуция, а именно так мне представлялся процесс отказа от трапезы, была намечена на вторник, потом перенесена на среду и в итоге состоялась в субботу. Надо сказать, что первая половина дня далась мне вполне терпимо, но вот со второй — дела обстояли гораздо хуже. Я судорожно думала, куда себя деть, чтобы отвлечься от мысли о еде, которая активно доминировала в моём оголодавшем мозге. Можно, конечно, навеститься в гости к родственникам. Но хозяева непременно начнут угощать чем-нибудь вкусненьким, оспаривая моё увлечение. В итоге я сдамся, и все пойдет псу под хвост. Есть вариант сходить в кино, но там, на протяжении сеанса, со всех сторон раздаётся соблазнительный хруст попкорна. А это, понятное дело, сведет меня с ума. Лучше всего пойти в музей. Там, среди холодного оружия и гипсовых статуй, вряд ли потянет трапезничать. Если нечаянно не наткнёшься на натюрморт, естественно. Выход один: заклеить

себе рот скотчем и остаться дома. В муках и терзаниях я все-таки дождалась захода солнца. Но долгожданная ночь не принесла облегчения. Чувство голода слегка притупилось, но начался неприятный озноб. Я укуталась в тёплый махровый халат и только тогда смогла забыться тревожным прерывистым сном. На следующий день ощущения были ещё хуже. Меня донимала ужасная слабость, разбитость, тошнота. После морковного салата и вовсе открылась рвота. Я выпила горячий чай с маленькой шоколадкой, а ближе к обеду куриный бульон. И только после этих спасительных мероприятий немного ожила. Мощного оздоровительного эффекта, к сожалению, так и не случилось. Зато надолго пропало желание ставить над собой эксперименты.

Утром я проснулась от резкого и настойчивого звонка в дверь. Говоря попросту, меня как будто подкинуло взрывной волной.. Я бросила взгляд на часы. Стрелки растопырились на девять пятнадцать. Что же такое могло произойти в этот момент? Всеобщая мобилизация населения с последующим расстрелом, не иначе. Натянув шорты, я выбежала в прихожую. В дверь уже долбили кулаком и одновременно отчаянно скреблись. Безуспешно хлопнув по выключателю, я отворила щеколду, даже не спрашивая, кто пришёл. Это уже просто не имело значения. На лестничной площадке стояла Изольда Марковна со своей четвероногой подопечной. Обе находились в приподнятом настроении.

— Мы пришли уточнить, в котором часу ты сегодня проснёшься, — весело сообщила соседка.

— Трудно сказать, — пожалала плечами я. — Думаю в ближайший месяц уже, вообще, не усну.

— Мы тебя напугали, — делано огорчилась Изольда Марковна, театрально хватаясь за сердце и закатывая к потолку глаза.

— Ах, что вы! Сушие пустяки, — великодушно отмахнулась я. — Пару недель буду заикаться и писаться в постель. Всего-то!

— В твоём голосе угадывается раздражение. Что ж, прошу прощения. В качестве компенсации приглашаю тебя в гости на блины. С яблочным джемом, между прочим! — при этих словах соседка повела накрашенной бровью и кокетливо покачала головой. Её любимица нетерпеливо переминалась с лапы на лапу и недовольно поскуливала.

Про себя я подумала: «Если есть блины, то зачем свой организм истязать голоданием?» Но вслух произнесла:

— От блинов в вашем исполнении отказаться просто невозможно. Когда же начнется пиршество?

— Немедленно, — спокойно ответила Изольда Марковна и, подхватив собачонку, направилась к своей квартире.

Я, захлопнув дверь, посеменила за ней. Запах на кухне витал изумительный. Стол украшала высокая стопка румяных блинов.

— Небесное кушанье! — воскликнула я, отведав первый. — У вас просто золотые руки! Вот у меня блины всегда получаются толстыми и безвкусными. А ей можно дать кусочек? — спросила я, указывая на лохматое чудовище, которое стояло рядом со мной на задних лапах и жалостливо заглядывало мне в глаза.

— С ума сошла! — возмутилась Изольда Марковна. — Собакам нельзя мучное! Какой толк от куса жирного не прожаренного теста? Сплошной холестерин. К тому же, это стресс для поджелудочной железы.

После порции нравоучений я почувствовала, как третий, проглоченный мной блин, встал комом в пищеводе, а поджелудочная железа просто скукожилась в моём животе от ужаса. Видимо, это было последнее, что я употребила в своей жизни.

— Ну что ты сидишь с глазами бешеной селедки? Ешь, давай! Сравнила себя с Жаклин! — недовольно хлопнула ладонью по столу соседка.

— А причём тут жена американского президента? Или она жива только потому, что не ела ваших блинов?

— Не надо ехидничать! Я про свою Жаклин говорю. У неё желудок с напёрсток. То, что для тебя лёгкое лакомство, для собаки катастрофа!

Остальные пять блинов я съела исключительно из уважения к хозяйке. Мне пришлось смириться с мыслью, что отвратительные холестериновые бляшки выкатились из злосчастных кусков теста и закупорили просветы моих хрупких сосудов. Все это время неутомимая Жаклин отчаянно скребла передними лапами мою ногу и заговорщически подмигивала, выпрашивая кусочек ядовитого угощения. Я только вздыхала, бессильно раздувая щеки. Чувство тяжести в животе пришло одновременно с чувством глубокого сожаления. Вот опять утро началось с обжорства, вместо зарядки! Эх, пожалуй, в небесной канцелярии на меня уже завели не одно дело. И есть за что!

Взять хотя бы сегодняшний день: занимаюсь с утра празднословием, чревоугодием, к тому же отказала в угощении собаке-попрошайке...

— Что у тебя с личной жизнью? — бесцеремонно прервала мои размышления Изольда Марковна.

— Мне грустно без Него, — честно ответила я, наполняя глаза слезами.

— Он не вернется, — развела руками собеседница, — и это надо принять, как данность. Просто жить дальше, не делая реверанс прошлому. От мужчин, знаешь ли, лучше уходить «лёгкой джазовой походкой», а не вырывать их из себя с куском сердца. Своего сердца заметь.

— У вас так получалось? — недоверчиво спросила я.

— Нет! — искренне ответила собеседница. — Но к этому следует стремиться. И я не случайно завела этот разговор. У меня есть план!

— Относительно чего? — на всякий случай уточнила я, заранее подозревая, что окажусь причастной к новым замыслам моей соседки.

— Относительно твоих сердечных проблем! Я решила, во что бы то ни стало сделать тебя счастливой, — безапелляционно заявила она. — Тем более, что сама знаю, как не сладко жить в одиночестве. Тебе просто следует положиться на меня.

— У вас появился доступ к золотому запасу одиноких мужчин России? — усмехнулась я, допивая чай с лимоном.

— Практически к платиновому. Так ты мне даёшь карт-бланш?

— Забирайте, — отмахнулась я. — Хочется вам быть свахой, будьте. Вряд ли что из этого выйдет, но хоть повеселимся.

— Значит, договорились! Принеси мне свою фотографию.

— Прямо сейчас?

— Да, но только самую лучшую, — пригрозила соседка.

— А зачем вам она? Вы её разместите на стенде под названием: «Их разыскивает милиция?» — усмехнулась я.

— Неси и не спрашивай, — прошипела Изольда Марковна.

Я послушно побежала за снимками. Как любая уважающая себя особа постбальзаковского возраста я хранила особо яркие моменты своей жизни в бумажном носителе. Из имеющихся в наличие свежих фотографий мне приглянулись две. Изольда Марковна забраковала обе.

— Это еще что за групповой снимок? — возмутилась она, бесцеремонно тыча пальцем в мое лицо на фотографии.

— Здесь мы запечатлены с племянником в зоопарке. Совсем свежий снимок, между прочим.

— Я поняла. Кстати, из вас троих на этом фото лучше всего получилась шимпанзе. Ты не выдержишь с ней никакой конкуренции. Убери с глаз долой

— Хорошо, вот вам другой вариант, — я подала спесивой свахе вторую карточку. В этом снимке у меня была стопроцентная уверенность. Водородная бомба, а не фото! Там я красовалась в купальнике под пальмой на берегу Красного моря.

— Фу, какая пошлость, — поморщилась Изольда Марковна, — Во времена Древнего Рима тебя с такой фотографией еще могли взять к какому-нибудь патрицию в службу для секса с ослами во время оргий. Но сейчас в таком виде лучше сидеть на кухне или в твоём вонючем офисе, а не искать сексуальных встреч.

Сказать, что я опешила, значит, ничего не сказать. Единственное, что у меня получалось в тот момент, так это хлопать глазами и возмущенно дышать через нос.

— И не надо сопеть и обижаться на правду. Просто иди и сделай пару-тройку приличных снимков, — заявила в конец обнаглевшая сваха, брезгливо отшвырнув моё полуголое изображение.

Легко сказать: иди и сделай! Можно подумать все так просто. Услуги профессиональных фотографов стоят безумных денег. Да и сама по себе процедура наводит на меня ужас. Не люблю позировать и притворно улыбаться. Лично мне нравятся непосредственные фотографии, снятые врасплох. За помощью я решила обратиться к сестре. Верка откликнулась с большим воодушевлением:

— Мы в прошлом году купили новый фотоаппарат. Снимки получаются потрясающие. Так что, наводи красоту, а также приготовь торт, шампанское для антуража. Фотосессию проведем завтра с утра.

Папарацци слово сдержали и притащились в указанное время. Верка со знанием дела взяла процесс в свои руки. Она пересмотрела весь мой гардероб и в итоге велела надеть короткую джинсовую юбку и розовую блузку.

— Верхнюю пуговицу не застегивай, в этом вся изюминка. Туфли не обувай, лучше сапоги! — командовала сестра.

— По-моему, очень смело, даже вызывающе! — засомневалась я.

— Я бы даже сказал: атакующе! — хмыкнул Гришка, уминая кусок трюфельного торта.

— То, что надо! — безапелляционно заявила Верка, подняв большой палец вверх.

В поисках убойной позы прошло ещё часа два. Потом фоторепортеры принялись «ставить» мне лицо.

— Ну что ты сидишь с такой рожей? — кричала Верка, — Этот снимок только на памятник вешать в день похорон. Порви всех взглядом! Да что ты теперь скалишься, как старая волчица, которой оторвали пол хвоста? Надо улыбаться обольстительно, призывно! Вот так, так, замри! Готово!

К концу дня от постоянного напряжения скулы у меня свело основательно. Но дело, безусловно, стоило того. К чести моих папарацци, несколько достойных снимков получилось. Изольда Марковна была в восторге.

— Вот, совсем другое дело! — воскликнула она, — за такую девицу не стыдно и похлопотать. Можешь ведь, когда хочешь!

Конечно, я отдавала себе отчет, что Изольда Марковна большая авантюристка, обладающая свободным временем. Но даже и предположить не могла, что она с такой энергией возьмётся за дело. С моей точки зрения вся её затея не имела никакого смысла, но соседка, очевидно,

придерживалась другого мнения. Она позвонила мне в два часа ночи и тоном, которым объявляют начало войны, спросила:

— А ты, собственно, кого хочешь?

Учитывая поздний час, больше всего мне хотелось послать её к чёрту.

— Что вы имеете в виду? — уточнила я, зевая.

— Ну, нарисуй мне портрет идеального мужчины в твоём понятии от антропометрических параметров до человеческих качеств, — пояснила полуночница.

Я призадумалась. А действительно, кого же я хочу видеть рядом? Такой простой на первый взгляд вопрос, заданный в два часа ночи, застал меня врасплох. Естественно, что определенные представления о хорошем герое своего романа я имела, но по полочкам свои пожелания ещё никогда не раскладывала.

— Ты там что, уснула? — торопила меня сваха-самозванка на другом конце телефонного провода. — Только говори всё конкретно и чётко! Рост в сантиметрах, вес в килограммах.

— Состояние в долларах, — продолжила я, усмехнувшись.

— Неужели у тебя настолько математически выверенный, холодный расчёт даже без лёгкого напыления сентиментального романтизма? — праведно возмутилась Изольда Марковна.

— Налет есть, но, скорее всего, идиотизма.

Тут мне стало безумно смешно. Вот вообразила же себя старуха волшебницей! Точно сумасшедшая. А я ей

подстать! Но, как говорится: назвалась груздем — полезай в кузовок! И я, откашлявшись, озвучила свои мечты:

— Записывайте: возраст — сорок три года и ни минутой больше! Рост должен быть один метр восемьдесят три сантиметра! Не ниже! Я терпеть не могу низкорослых поклонников. Вот такой у меня бзик! Вес — девяносто килограмм, поскольку субтильные мачо тоже не в моём вкусе. Волосы на голове желательны, цвет глаз значения не имеет. Широкие плечи и красивые, сильные мужские руки в комплекте. Наличие образования, интеллекта — не обсуждается. И, наконец, любящий, щедрый, добрый, без вредных привычек и материальных проблем. Вот!

— Всё? — спросила Изольда Марковна.

— Все, — согласилась я. В трубке раздались гудки. Вероятно, добрая фея не ожидала от меня такой прыти. Она, небось, хотела мне втюхать шарамыжку-алкоголика и гордиться потом собой до пенсии! Нет уж! Не выйдет! Кто сказал, что будет легко? Но, в этот момент мой мозг, словно стрела, пронзила новая ужасающая мысль. Я подскочила в кровати и немедленно набрала номер соседки. Едва она взяла трубку, я прокричала:

— Допишите, пожалуйста, — тут я запнулась, не зная, как правильно сформулировать дополнительное соглашение к контракту.

— Чего дописать-то? — просипело бюро добрых услуг.

— Чтобы, чтобы...

— Чтобы что?

— Чтобы мужское достоинство было достойным, то есть функционировало! — выдохнула я.

— Хорошо, — невозмутимо ответила волшебница. —
Это все пожелания?

— Теперь да!

— Спокойной ночи.

С чувством выполненного долга я попыталась ещё раз заснуть.

ГЛАВА 8

Я, словно фурия, ворвалась в гостиную Изольды Марковны. При этом её Жаклин, или кто там она сегодня, залилась звонким отрывистым лаем.

— Какого чёрта! — завопила я. — Мы так не договаривались!

Я схватила стакан с водой со стола и сделала пару глотков. При этом четыре пары глаз так и впилась в меня.

— А зачем ты выпила собачье слабительное? — поинтересовалась Изольда Марковна. — Я только что развела лекарство для Жизель. Она употребила в подъезде дохлого жука и её уже три дня мучает вздутие живота, отсутствие стула и совесть.

Я поймала на себе осуждающий взгляд Жизель. Так. Отлично. Сегодня явно не мой день. Хорошо, что это была не крысиная отравка или удобрение для цветов. Надеюсь, отделаться только лёгким испугом.

— Да что, что произошло? — недоумевала моя соседка. — Объясни все спокойно.

— Случилось то, что он женат! Причём удачно! — заявила я, упав в кресло.

— Кто?

— Кто, кто! Конь в пальто! Климентий, конечно, к которому вы меня отправили на свидание.

— Ой, какая неприятность! — сокрушенно покачала головой соседка. — Но, право, ты в своих пожеланиях ничего не говорила о семейном положении кандидата, — Изольда Марковна подошла к секретеру и достала из выдвижного ящика сложенный вчетверо лист пожелтевшей бумаги. Пробежав глазами какие-то записи, она уверенно произнесла:

— Совершенно точно ничего не говорилось о семейном статусе!

— Действительно! Это же кандидат не в депутаты, а в постель! А там мне женатые мужики не нужны по определению! — не унималась я.

— И чего ты так завелась? Ну, подумаешь, вышла осечка. Ничего страшного. С кем не бывает. И потом, давно известно, что все хорошие мужчины уже на руках. Всё в мире относительно. Так-то...

— Нет. Извините, но такой вариант исключается. Уж лучше съесть дохлого жука! — я, нахмурившись, посмотрела на Жизель. Та, в свою очередь, не выдержав мой грозный взгляд, юркнула под стол.

— Отрицательный результат тоже результат. Давай лучше выпьем чего-нибудь пьяного, чтобы остановить твою истерику. Того и гляди, тик начнется на нервной почве.

Изольда Марковна извлекла из бара початую бутылку вина. Спиртное, разумеется, подействовало на меня успокаивающе, и я перестала метать гром и молнии. Из-под стола робко выползла Жизель и с интересом уставилась на меня,

впрочем, так же, как и её хозяйка. Я решила их больше не томить и сообщить все подробности неудачного свидания.

— Признаюсь, он мне понравился, — начала я, скрестив руки на груди, — высокий статный шатен отдалённо напоминающий Джо Дассена.

— Еще бы! Как заказывала: 43-186-90! Все согласно предписанию. Фирма веников не вяжет! — довольно потирая руки, перебила моё повествование соседка, но тут же жестом застегнула на молнию рот, давая понять, что больше мешать не будет.

— Вам может быть любопытно, — продолжала я, — как прошёл вечер? Замечательно. Мы мило общались в кафе, потом бродили по Нескучному саду. Два часа, прошедшие с начала встречи, пролетели незаметно. Выяснилось, что нам нравятся одни и те же фильмы, мы напеваем одни и те же песни и, вообще, понимаем друг друга с полуслова. Кстати, еще Агата Кристи как-то сказала, что взаимная привязанность мужчины и женщины всегда начинается с ошеломляющей иллюзии, будто они думают одинаково обо всем на свете. Пожалуй, маститая писательница разбиралась не только в убийствах, но и в любовных отношениях между полами. Я узнала, что его профессия как-то связана с астрономией, геодезией и ещё чем-то. Всё это казалось безумно романтичным. Мною овладело чувство застенчивости и лёгкого головокружения. Он показывал мне звёзды и называл их по имени. А потом мы искали линии Сомнера...

— Что вы искали? — опять вклинилась в мой рассказ хозяйка Жизель.

— Был такой американский моряк, — пустилась я в объяснения, — который предложил в позапрошлом веке способ определения географической широты и долготы местоположения наблюдателя по измеренным высотам небесных светил путём построения высотных линий положения.

Изольда Марковна непонимающе смотрела на меня, а потом все-таки уточнила:

— И что, эти линии проходят как раз через Нескучный сад? Или уже через твоё сердце?

— Да не вникайте вы в дебри геодезии и картографии! Вам это ни к чему. Это способ ярких звёзд. Им пользуются в мореходной и авиационной астрономии. Эх, — я отчаянно махнула рукой, — всё дело в том, что это было так интересно и так захватывающе. Словом, я увлеклась.

— Началось в колхозе лето, — возмущенно пожалала плечами Изольда Марковна. — Подумаешь! Показали ей звездюля на небе — она и растаяла! Ты что раньше их не видела?

— Я знала, что они есть, но не замечала.

Жизель, словно повинувшись внезапному порыву, запрыгнула мне на колени, глубоко и тяжело вздохнула, прикрыв глаза, наполненные неподражаемой собачьей грустью. Вероятно, и она про звёзды узнала только сегодня. Я бережно потрепала её за ушко и продолжала:

— А потом позвонила его жена. Видимо, интересовалась местонахождением суженного. Скорее всего, способ Сомнера ей неведом. Климентий, в свою очередь, не дрогнувшим голосом сообщил, что стоит в пробке

на набережной Яузы. А я в этот момент поняла, что ненавижу себя, его и все звёзды на небе, включая сомнеровские линии и самого этого американского моряка, который их придумал.

— Мне представляется, что ты напрасно драматизируешь. Как показывает практика, все порядочные семьянины, за редким исключением, в один прекрасный момент оказываются порядочными сволочами и заводят роман на стороне. Так уж они устроены, — начала свои рассуждения Изольда Марковна. — Другое дело, что женатый мужчина — это всегда напрасные терзания души. Как волка ни корми, он все равно в лес смотрит. Выход один: общаться для удовольствия, не растворяться в нем. Поскольку любить женатого мужчину — моветон. И ещё, будь уверена, что если не ты, то обязательно случится другая. Поэтому не мучай себя угрызениями совести. Нравится — пользуйся! Оставь ему тревожных дум смятенье. И ещё, я, конечно, не помню, как поэтому поводу высказывались классики, но вот Мэрилин Монро сказала: «Мужья, как правило, хороши в постели, когда изменяют женам». По моему весьма убедительно.

Я внимательно посмотрела на собеседницу. Какие, право, свободные взгляды у такой пожилой женщины. Хотя, что только не придумаешь, чтобы оправдать себя. И, завернув свой скверный поступок в красивый фантик, становишься гораздо приличнее.

— Пусть так, — согласилась я, — но есть ещё одно, что мне совсем не нравится. А именно — постоянные ограничения. Вот, например, хочу я ему позвонить вечером

и не могу! Желая с ним провести ночь — и опять не могу. Что с этим делать?

— Ничего. Просто завести второго поклонника, а лучше — десяток. Как говорится: деньги к деньгам, мужик к мужику!

— А выпьем за здравый смысл! — предложила я, взглянув на свои проблемы по-другому.

— Жизнь прекрасна и удивительна, — сообщила Изольда Марковна, — главное, её не усложнять без надобности.

ГЛАВА 9

Нет, она точно их брала на оптовом рынке за полцены, а потом предлагала мне в розницу. Новый кавалер позвонил буквально на следующий день. Чтобы не тратить время впустую, я сразу уточнила его семейное положение. Мужчина ответил, что не женат, чем порадовал меня безмерно. Помимо этого я узнала, что зовут его Андрей, что ему сорок три года, что давно уже трудится на телевидении в должности оператора. Новый знакомый вышел с неожиданным предложением выслать своё фото на мой почтовый ящик, чтобы «не было никаких сюрпризов». Я с готовностью продиктовала свой электронный адрес и через десять минут получила вождеденное письмо. На фотографии потенциальный жених красовался в шикарнейшей мексиканской шляпе с широкими полями на фоне стойки с бутылками вина. Надо сказать, что выглядел он вполне респектабельно.

Спустя четверть часа Андрей позвонил мне вновь, был словоохотлив, напорист и, пожалуй, весел. Мы обменялись любезными колкостями и договорились непременно встретиться в конце недели. В пятницу я сделала слегка небрежную укладку, легкий макияж, маникюр, педикюр, прихватила духи и все свои комплексы и отправилась на встречу с прекрасным. Пересечясь с оператором мы договорились у Останкинской башни. (Где же ещё встречаться с телевизионщиком?) Мне настоятельно рекомендовалось стоять у входа в метро и улыбаться, для узнаваемости. В своем брючном костюме, должно быть, я походила на диктора политических новостей главного телевизионного канала, чем весьма разочаровала оператора. Хотя, надо отметить справедливости ради, что и он пришёл без своей мексиканской шляпы, чем также расстроил меня. Что ни говори, а в головном уборе кавалер казался гораздо выше и стройнее. Оператор лихо провел меня к своему черному автомобилю и деликатно предложил расположиться в салоне. Мы немедленно рванули с места в карьер и через двести метров уткнулись в глухую пробку. Однако, по прошествии небольшого отрезка времени, мне хотелось выброситься из его автомобиля напрямик в поток машин. Андрей оказался безумно болтливым, говорил быстро, много и громко, и, как ему казалось, по-существу. Словом, совершенно доминировал и подавлял меня. Естественно с пристрастием выспрашивал: откуда я, где училась, крестилась, жила. Я чувствовала себя на приеме у фюрера в Гестапо. Что-то там врала, волновалась, путалась в показаниях. Пожалуй, в своих ответах я

не была убедительна, и поэтому яркого впечатления произвести не могла. В итоге от постоянного напряжения у меня разболелась голова.

Плохо ли, хорошо, но оператор маньяком не оказался и привез всего лишь на Арбат. Вероятно, всех своих дам он водил именно туда. А что? Во-первых, познавательно, во-вторых, со вкусом. Ну, в чём здесь можно упрекнуть? Надо сказать, что со временем эмоциональность «Шляпы» пошла на спад, он сделался менее шепутным и перестал меня раздражать. Совершив променад по Арбату, оператор все-таки затащил меня в кафе. А этот широкий жест означает всегда лишь одно: женщина понравилась. Я так осмелела, что сразу заказала себе чашку кофе со сливками. Оператор остался доволен моим скромным выбором. Себе он попросил стакан воды без газа. За распитием сих напитков, Андрей мне поведал о том, что практически исколесил всю Европу, присутствовал на раскопках в Каире, а сейчас снимает автошоу для центрального канала. Утолив жажду, мы решили свернуть нашу аудиенцию. Когда я собралась спуститься в метро, Андрей убедил меня в том, что ему будет безумно приятно отвезти меня домой. Мне пришлось уступить его скромному желанию. На обратном пути оператор был тихим, словно опустошенным. Видимо окончательно выдохся, обольщая меня. Уже по дороге домой я поняла, что встречаться с парнем больше не хочу, даже если в следующий раз он придет в шикарной мексиканской шляпе.

— Пробросается, — заявила Изольда Марковна, услышав вечером мой нехитрый рассказ. — Нормальный

мужик, холостой, внешность довольно приятная. Держался, как я поняла, вполне достойно. Вот зачем его гнать в шею? Если не относиться к чужим слабостям терпимо, есть шанс навсегда остаться одной

— Мне не в чем себя упрекнуть. Я была с ним вежлива и любезна. Старалась ответить на все интересующие его вопросы, а потом так и вовсе молчала, слушая отшлифованные фразы. Но в конце вечера утомилась безумно. Слишком его много было сегодня.

— Возможно, завтра ты о нем подумаешь по-другому.

— О, это вряд ли.

— Секс, знаешь ли, непредсказуем, — не сдавалась сваха.

— Но не в этом случае. Я взяла себе за правило: ни поцелуя без любви, ну, или без больших денег. И ещё у меня есть один тест, свой личный. Суть его состоит в следующем: готова я помыться туалет к приходу гостя ромашковым мылом или нет. Вот к приходу оператора — точно не помою. Да что тут долго рассуждать, не мой это мужчина и всё тут. Во всяком случае, сердце моё к нему осталось безучастно.

— А если все дело в самом сердце? Может, от кровоточащих ран оно покрылось толстой коркой, непроницаемой для любви? Что если его просто пролечить? Кстати, у меня есть знакомый врач-кардиолог. Его зовут...

— Нет, нет! Кардиологов мне точно не надо. Хватит с меня вашего Якова Яковлевича. У меня создалось впечатление, что каждое слово у ваших врачей выражается в долларовом эквиваленте. Кстати, вы не находите, что нос

у меня как будто опять вырос? — при этих словах я кончиком пальцев потрогала свой орган обоняния.

Изольда Марковна, бросив на меня насмешливый взгляд, заявила:

— Это он от вредности растет. А вдруг оператор все-таки позвонит?

— Не возьму трубку, — отрезала я.

— Ну, знаете, дорогая моя, если не находятся мужики, вероятно вы не правильно ищите! А, если находятся, но не задерживаются, вероятно, вы их не задерживаете, — после этой последней избитой фразы соседка отправилась восвояси. Я, признаться, вздохнула с облегчением.

Обидевшись на меня, Изольда Марковна взяла большую паузу. Она перестала заходить ко мне в гости и звонить по пустякам. Даже её собака презрительно отворачивалась от меня при случайной встрече. Но, что-то мне подсказывало, что так просто моя сваха не сдастся.

ГЛАВА 10

Зачастую мы рады помочь тем, кто не нуждается в нашей поддержке, и остаемся глухи к тому, кому она действительно необходима. Об этом я подумала, увидев перед собой соседа, еще минуту назад ломившегося в мою дверь.

— Добрый вечер, — важно произнёс дядя Жора и выразительно икнул, окатив меня запахом только что выпитого пива.

— Вечер добрый, — поморщилась я, должно быть, бестактно помахав рукой возле своего носа, что, впрочем,

было совершенно бесполезно, — ваша дверь напротив. Или я что-то пропустила?

— Нет, все так и есть, — утвердительно кивнул дядя Жора. — Дело у меня к тебе имеется.

Я окинула его быстрым взглядом с ног до головы. Интересно, какие у нас с ним могут быть общие дела? Не понятно.

— Ну, долго еще меня разглядывать будешь? Это невежливо, — сосед достал из кармана, мягко говоря, несвежий носовой платок и душевно высморкался в него. Потом утер им же скупые мужские слезы и внимательно уставился на меня.

— Излагай, — вздохнула я, перестав ему «выкаты»

— Помири меня с моей курицей.

«Хорошенькое дело, — подумала я, — осталось только попасть под раздачу и схлопотать по полной программе».

Вслух же, немного отпрянув вглубь квартиры, произнесла:

— Муж и жена — одна сатана. Так что разбирайтесь сами.

— Получается: моя хата с краю — ничего не знаю?

— Получается, что так, — заявила я, закрывая дверь. Но моя попытка оказалась тщетной. Дядя Жора лихо подставил ногу и продолжал разговор:

— Будь человеком, очень тебя прошу. Понимаешь, люблю я её стерву, до безумия люблю. Опять же идти мне больше некуда. Если Люська к себе не пустит, придётся заночевать у тебя.

— Что? — вырвался у меня крик праведного возмущения. — Только этого не хватало для полного счастья! Твоё присутствие в моей квартире внесет слишком большое разнообразие в мою жизнь. Я к этому решительно не готова!

— Тогда пошли.

Обреченно вздохнув, я направилась к соседней двери.

— Звони, — скомандовал сосед, — тебе она откроет.

— Ты хочешь взять крепость штурмом? — бросила я через плечо.

— Конечно, по-другому не получается, — дыша мне в затылок, прошептал дядя Жора.

Едва нажав кнопку звонка, я почувствовала огромное желание броситься наутек, как нашкодивший подросток. Дверь распахнулась сразу, словно за нами наблюдали в глазок. В первое мгновение мне показалось, что в квартире бушует огненное пламя, однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что в замешательство меня ввел оранжево-красный халат соседки. Она по-хозяйски выплыла на лестничную площадку, потеснив меня своей пышной, пылающей жаром, словно печь, грудью и прищурившись одним глазом, яростно почесала припухшей пятерней с облезлым маникюром свою толстую шею. На лбу у дамы висела бигуди, а между передних, прокуренных резцов, угрожающе торчала зубочистка.

— Здравствуйте, — расплылась я в идиотской улыбке. — Вот ваш муж. Получите, распишитесь.

— А ты почтальон, что ли? — прошипела сквозь зубы Люська, выплёвывая зубочистку.

— Нет, она голубь мира, — прогнусавил, выходя из-за моей спины, опальный муж.

— Слушай ты, бандероль облезлая, забирай свою голубицу и катись к едрене-фене!

Здесь уже я задохнулась от негодования и, взяв соседа за рукав, с вызовом произнесла:

— Ах, так! Ну, ладно! Пойдем, Жорик, ко мне, нас здесь не поняли! Такими хорошими мужиками в наше время не разбрасываются.

Дядя Жора слегка прибалдел от такого поворота событий, но тут же придя в себя, послушно поплелся за мной, горестно опустив голову. У входа в мою квартиру нас настигла Люська практически в два прыжка. Схватив опального мужа за шиворот, она с силой швырнула его на «свою территорию» и набросилась на меня, яростно сверкая своими глазищами:

— Ах ты, курва, чужих мужиков уводить вздумала? Я тебе сейчас все лохмы выдеру!

Откровенно говоря, мне сделалось по-настоящему страшно. Влюбленные женщины в гневе способны на все!

Пока я отражала натиск разъяренной соседки, дядя Жора на четвереньках вполз в Люськину квартиру и малодушно затаился там. Не дожидаясь окончательной расправы над собой, я захлопнула дверь перед носом взбесившейся тетки. Завтра, конечно, они помирятся и будут «дружить» против меня вдвоём. Ведь не зря умные люди говорят: «Две собаки дерутся, третья не лезь». Так нет же, понесла меня нелёгкая.

Не успела я отдышаться, как вновь раздался звонок, на этот раз телефонный. Из трубки донесся взволнованный голос Изольды Марковны:

— Что за пьяный дебош ты там устроила? — интересовалась она.

— Да так, налаживала личную жизнь дяди Жоры.

— Ты бы для начала свою наладила, а потом уже к другим лезла.

— Согласна, но чужой огород зеленее, — буркнула я.

— Оно и видно, — засмеялась Изольда Марковна и, помолчав, продолжила: — Сегодня урожайный день. У тебя два свидания.

— Насколько я понимаю, одно уже случилось?

— Нет. Первого испытуемого зовут Вячеслав, второго, кажется, Феликс. Они ещё перезвонят. Надеюсь, кто-нибудь из них тебе приглянется.

— Если кто-нибудь из них для начала придет, — с сомнением произнесла я.

— Ха-ха, девочка моя! Прибегут! Куда они на фиг денутся с подводной лодки?

— Прибегут, меня увидят и дёру! Я перестала себе нравиться, и этот факт меня ужасно угнетает. С каждым днем углубляются морщины, атакует целлюлит, желтеют оставшиеся зубы. Словом, престарелая невеста выглядит уже смешно.

— Гляди-ка, открыла Америку! — возмутилась соседка. — Всем к сорока годам хочется поменять лицо и задницу, а к шестидесяти — печень, сердце и прямую кишку! В этом и состоит мудрость жизни. Сквозь призму времени на такие

мелочи, как морщины уже перестаешь обращать внимание, потому что добавляется слишком много другого геморроя. Но ты не переживай, как говорил наш главный врач: до сорока пяти лет тяжело, потом легче. Итак, выше нос и вперед на поиски любовных приключений!

С Вячеславом мы условились встретиться в Измайловском парке. Осень стояла сухая и теплая, поэтому прогуляться среди пестрого великолепия деревьев и кустарников представлялось вполне логичным. Несмотря на бабье лето, на свидание потенциальный жених пришёл в зимних сапогах и пуховике, отчего беспрестанно потел и тяжело дышал. За спиной у кавалера висел огромный коричневый рюкзак, с которым обычно ходят в лес за грибами или хворостом. Создавалось такое ощущение, что все своё он носил с собой. Было в нём, безусловно, что-то комичное. Мы бродили по усыпанным жёлтыми листьями дорожкам и вели неспешную, обычную для первой встречи беседу. Точнее её вёл спутник, я же в основном помалкивала. Вячеслав мне поведал трогательную историю о том, что сам он неместный, а приехал из Молдавии. Совсем недавно, взяв огромную ссуду в банке, приобрел квартиру в Подмосковье. И теперь, дабы погасить кредит, трудится, не покладая рук на трех работах. Жизнь протекает стремительно и безрадостно. Однажды вечером, когда совсем одолела безумная тоска от одиночества в чужом городе, попробовал выйти на популярный сайт одноклассников. Не успел он развесить свои данные в Интернете, как на его страничку, словно мухи на мёд, слетелись бывшие одноклассницы. Около десяти подруг детства тут

же предложили скрасить его досуг, а если повезет, то и составить счастье. Многие были готовы выехать первым же поездом или даже самолетом.

— Ты не представляешь, — эмоционально рассказывал Вячеслав, — как они ко мне относились в школе! Я просто не существовал для них. А теперь у большинства проснулись ко мне настоящие, глубокие чувства. И они свято надеются, что я поверю в их неприкрытую ложь.

Отказав всем одноклассникам сразу и получив от этого несказанное удовольствие, Вячеслав решил поискать счастья на другом сайте. А поскольку времени на реальную любовь у него катастрофически не хватает, приходится до посинения стучать по клавишам клавиатуры в ночное время, получая сомнительное удовольствие от виртуального общения. Но всему рано или поздно приходит конец. И вот, достигнув точки кипения, он готов, в ущерб своей разносторонней трудовой деятельности, посвятить себя на пару тройку часов в неделю интимной связи с женщиной.

— Словом, мораль сей басни такова: в свободное от работы время вы не прочь? — усмехнулась я. — Простите, мне нужны отношения, а не встречи на бегу. Боюсь, не смогу вам помочь.

Я уже отошла на достаточное расстояние, когда услышала вслед:

— Сколько, когда и как связаться?

Признаюсь, я была польщена. Так меня еще не кадрили. Не поворачивая головы, спокойно ответила:

— Вам — бесплатно. О времени и месте сообщу дополнительно.

Уходила я со свидания огородами, путая по-лисьи следы.

Второй кавалер одет был по погоде. Но легче от этого не стало. Его и, правда, звали Феликс. Встретились мы у входа в метро. После чего продефилировали к ближайшему кафе. Там я скромно заказала себе сок, а Феликс жажнул пива с гренками. Выглядел очередной жених неплохо: высокий, хорошо сложенный и достаточно приятный на лицо. Его даже не портили бесчисленные канапушки, которые просыпались, казалось, даже на радужку глаз. В ходе доверительной беседы выяснилось, что Феликс Ясный Сокол прилетел из Тамбова, по профессии электромонтажник, собственного жилья не имеет и, главное, любит меня с первого взгляда уже целых шестнадцать минут. Для связки слов в предложении он постоянно повторял «вау!» и представлялся себе от этого безумно продвинутым и эмоциональным. На семнадцатой минуте нашей встречи я внезапно вспомнила, что с утра забыла выключить все электроприборы в квартире, включая фен и пылесос. Феликс загрустил, заказал себе ещё кружку пива с горя, а я, пеняя на рассеянность и искренне извиняясь, ретировалась.

Изольда Марковна не выдержала и позвонила сама, дабы устроить разбор полетов.

— Ты уже дома?

— Дома, — ответила я без тени недовольства.

— Что-то быстро у тебя закончились романтические встречи. Поди, сбежала, да?

— Вовсе нет, я добросовестно проработала оба варианта. И должна сообщить: здесь без вариантов.

— Я так и думала, — сухо заметила Изольда Марковна. — Тебе это представляется детской забавой, а надо посерьёзней относиться к делу.

— О чем Вы говорите! — вспыхнула я. — На что намекаете?

— Я довожу до твоего сведения, что ты уже не девочка. И в этом почтенном возрасте так разбрасываться женихами непозволительно.

В тоне свахи отчетливо звучала неприкрытая обида, но я была непреклонна:

— Ах, так! Ну и забирайте себе своих кавалеров! Что в них хорошего? Все женщины ищут мужчин, чтобы решить свои проблемы, а не приобрести новые.

— Минуточку, — перешла в наступление соседка, — а кто заказывал фактурных мужиков?

— К их внешности шел ещё целый список пожеланий, — не сдавалась я. — А здесь никакой эрудиции!

— Дорогая моя, один умный человек сказал: «Не важно знать, сколько на небе звёзд, важно знать, что они есть!»

— Хорошо подмечено, но к делу не относится!

— Так тебе следует обратиться в передачу: «Очевидное — невероятное». Где это ты видела высоких, широкоплечих, холостых мужчин без опилок в голове и с деньгами в кармане? Давно надо принять, как данность тот факт, что два в одном бывает только шампунем.

— И что теперь делать? — спросила я у собеседницы.

— По всей вероятности, предстоит расставить для себя приоритеты, — назидательным тоном произнесла Изольда Марковна, — вот чего ты больше хочешь? Либо

это молодой и красивый альфонс, либо зажиточный престарелый зануда-импотент.

— Да уж! — присвистнула я. — Выбор невелик. Главное, не промахнуться и не урвать стгоряча престарелого, уродливого, альфонса-импотента.

— Очень смешно, — рассердилась сваха. — Я между прочим, двух этих молодцев тебе показала, чтобы ты уже, наконец, поняла, что за толстым и красивым пнем только гадят!

— Признаюсь, было огромное желание...

ГЛАВА 11

Я как раз получала нагоняй по работе от начальника, когда позвонила моя наставница. Я имею ввиду Изольду Марковну, конечно. В свойственной её манере она обрушилась на меня:

— Ты просто обязана мне помочь! У нас только что был врач. Он диагностировал болезнь Паркинсона на фоне хронического цистита.

— Что вы говорите! Это все после того насекомого? — удивилась я.

— Какого ещё насекомого? С Жужей все нормально. Я про себя говорю, — начала терять терпение моя соседка.

— Позвольте, ну, что от меня-то требуется?

— Моя дочь передала посылку из Израиля. А мне теперь выходить из дома надолго противопоказано. Потому что я, как выяснилось, в любой момент могу забыть дорогу назад. Тебе придется забрать бандероль у моих знакомых.

— Диктуйте адрес, — вздохнула я. Признаюсь, я была несколько озадачена. Насколько мне известно, цистит — это всего-то частые позывы «до ветру», а болезнь Паркинсона — регулярные покачивания головой. Как эти два заболевания взаимосвязаны мне непонятно. А вот болезнь Альцгеймера, очень может быть. Иногда у меня возникало подозрение, что преподобная Изольда держала меня за круглую идиотку.

Мне назначили место встречи на Тульской у только что выстроенного бизнес-центра. От меня требовалось найти чёрный автомобиль с номером 101 ХВ. Минут через десять почти удалось справиться с поставленной задачей. Я поскреблась в дверь джипа, и её любезно отворили. В салоне находился мужчина лет сорока пяти с длинными волосами и забавным носом — картошкой. Он призывно хлопнул ладонью по пустому сиденью, предлагая мне сесть. Я, приподняв узкую юбку практически до ушей, влезла в автомобиль.

— Здравствуй! — весело приветствовал меня незнакомец.

— Добрый вечер! Я от Изольды Марковны.

— Понятное дело, что не ото Льва Валериановича, — продолжал веселиться обладатель машины. — Меня зовут Виктор.

— Очень приятно, Кира, — представилась я, совсем не разделяя его восторга.

Виктор задорно подпрыгнул на сиденье и добродушно протянул мне свою влажную руку.

— Извините, стесняюсь спросить, а где посылка? — решила я перейти к делу после дружеского рукопожатия.

— Может бандероль? — переспросил Виктор, — да, здесь недалеко, сейчас мигом доедем.

— Мигом? — недоверчиво переспросила я.

— Представьте себе!

Он завел машину, и мы рванули в неизвестном направлении. Так, понятно, очередные происки Изольды Марковны. Вот неугомонная тетка, подстроила мне новое свидание. И где она только находит всех этих новобранцев! Я внимательно посмотрела на мужчину. Он был счастливый обладатель совершенно непримечательной внешности. Словно вырубленные топором, грубоватые черты лица — большой мясистый нос, невыразительные глаза, крупные жёлтые зубы, удивительным образом торчащие в разные стороны. Нет, мне он совершенно не нравился, то ли не мой формат, то ли не мой типаж. Во время нашего передвижения на мобильный телефон позвонила сваха. Я умышленно не стала отвечать на её вызов. Пусть теперь пребывает в изнурительном неведении. Будет знать, как подстраивать западню.

Меня завели в какое-то полутёмное помещение.

— Это закрытый клуб, — шепнул мне кавалер, — выпьешь чего-нибудь?

— Кофе, пожалуй, — обреченно сообщила я.

Мы расположились на низком диване возле коротконового стеклянного стола. Виктор смотрел на меня с нескрываемым обожанием, как будто собирался съесть. Про себя я решила, что немедленно аннулирую наш с Изольдой Марковной договор. Не хочу я больше встречаться вслепую и тратить время впустую. Лучше

почитать интересную книгу у себя на диване или навести порядок в квартире.

— Твой кофе, — прервал мои мысли кавалер, указывая на чашку, только что принесенную официантом.

— Да, спасибо, — ответила я, — а ты?

— Как всегда заказал себе чайник зеленого чаю.

— Большой? — с ужасом поинтересовалась я.

— Да нет, пол-литра.

Ну, что ж, надеюсь, за полчаса он его выпьет, а нет, так я ему помогу. И наконец-то мы разбежимся в разные стороны. Успокоив себя такими мыслями, я принялась за кофе.

— Значит, желаешь закрутить роман? — насмешливо осведомился Виктор, наливая себе в чашку содержимое пузатого чайника.

— Да, сперва закручу роман, потом гайки, — в тон ему ответила я.

— А, может, с гаек сразу и начнем? — не унимался ухажер. — Ты же в анкете написала: «Секс на один-два раза».

— Нет, на один-два раза меня не интересуется. Минимум три, — прищурившись, припечатала я.

Виктор расхохотался.

— А ты мне нравишься! — доверительно сообщил он, осушив залпом чашку чая.

— Пойдите! — вдруг спохватилась я, — в какой анкете?

— Как в какой? — удивился Виктор, — в обыкновенной, на сайте знакомств. Мы же с тобой созвонились вчера и обо всём договорились.

— Ты уверен?

— Я что, похож на идиота!

— А какой у вас номер машины? — спросила я, переходя на «вы».

— 107 ХВ, а что?

— Скорее всего, идиотка я. Понимаете, меня послали за бандеролью. А я, похоже, села не в ту машину!

В этот момент у Виктора зазвонил мобильный телефон. Он посмотрел на номер, потом на меня:

— Вероятно, здесь и вправду вышло недоразумение. Подожди минутку, я отвечу.

Он отошел с трубкой на несколько метров, а я, в свою очередь, стала названивать Изольде Марковне.

— Тебя что там, черти с квасом съели? — недовольно проворчала она.

— Нет, слегка похитили, но скоро вернут. Скажите, а меня ещё ждут на Тульской?

— Сейчас узнаю, — Изольда Марковна по обыкновению бросила трубку, не дав себе труда попрощаться..

В этот момент к столу подошел Виктор.

— Где мы находимся? — спросила я, отчаянно вертя головой по сторонам.

— Басманный переулок, — ответил он мне, не скрывая своей досады.

— Какого дьявола вы увезли меня так далеко! — напустилась я на него.

— Какого дьявола ты сама влезла в мою машину?

— Я сразу сказала, что мне нужна посылка. И ещё внятно назвала своё имя!

— Откуда я мог знать, что ты имела ввиду под словом «посылка»? А имя и возраст у вас всегда вымышленные, — не сдавался Виктор, — сама испортила мне весь вечер. Расселась тут, кофе хлещет. А меня на Тульской, между прочим, женщина ждёт!

— А меня бандероль! — перешла на крик я.

— Ну, так поехали туда, пока не поздно! — с этими словами он схватил меня за руку и потащил к выходу.

Всю дорогу мы ехали молча. Безусловно, эта неразбериха произошла только из-за моей невнимательности. А может, зрение подвело. Нельзя постоянно читать дамские романы в метро. При первой же возможности пойду к окулисту, и выпишу себе очки. И линзы, линзы контактные, лучше голубые. Глаза станут бездонными и выразительными. Сколько несчастных утонет в них! Так, к окулисту иду уже завтра.

Бандероль я получила, а вот Виктору повезло меньше. Женщина его не дождалась. Но он совершенно не расстроился.

— Придётся отвезти тебя домой. Не пропадать же вечеру, в самом деле, — вышел мой новый знакомый с предложением.

— Спасибо, доберусь сама, — проявила я скромность.

— Поехали, чего уж там. Тем более, ты мне приглянулась.

— Не поверишь, старалась, как могла, — сказала я, в очередной раз, влезая в его машину.

— Может это судьба, как ты думаешь? — подмигнул он мне, заводя мотор.

— Сомневаюсь, — обреченно выдохнула я, — скорее всего просто нелепая ситуация.

Несмотря на путаницу с женщинами настроение у моего провожатого было превосходное. Теперь он болтал без остановки. В ходе его бесконечного монолога выяснилось, что новый герой представляет собой капитана третьего ранга тихоокеанского флота, правда, в отставке. Но было время, когда он, между прочим, командовал самым настоящим военным кораблём. Дальше следовал рассказ о дельфинах и про футбольную команду «Спартак», фанатом которой мой собеседник являлся. Потом перешли на личное. Виктор пребывал в счастливом разводе и воспитывал двадцатилетнюю дочь.

— А родился я в Калининграде, — признался он мне в завершении, — там и мореходку закончил. А ты была в Калининграде?

— Нет, — откровенно ответила я, пожав плечами.

— Как? Ты не была в Калининграде? — возмущенно воскликнул он.

— А, что, там уже все были? — уточнила я на всякий случай.

Покоритель морей заверил, что он меня непременно туда свезёт при первой же возможности. Должна признаться, некоторое обаяние в капитане тихоокеанского флота бесспорно присутствовало. В итоге я растаяла и продиктовала ему все-таки номер своего телефона, видимо, наивно полагая, что он не позвонит.

Возле входной двери в подъезд меня окликнул незнакомый пожилой мужчина невысокого роста в сером пальто:

— Добрый вечер, девушка! Вы случайно не подскажите, в какой квартире проживает Мария Васильевна?

— Нет, — скорее механически ответила я, прижимая к груди заветную бандероль.

— У неё ещё такая маленькая забавная собачонка имеется, — не отставал незнакомец.

— Так Вы, должно быть, имеете в виду Изольду Марковну? — отчего-то обрадовалась я.

— Да, пожалуй. Она иногда чудно себя называет.

— Изольда Марковна моя соседка по лестничной клетке. Пойдёмте, провожу, — любезно предложила я, открывая входную дверь.

— Нет, нет, спасибо. У меня к вам большая просьба, передайте ей, пожалуйста, это, — произнося свою просьбу, он протянул мне пухлую тетрадь с потертой коричневой обложкой. — Скажите, что Иван Петрович просил непременно прочесть. Там на последней странице мой телефон.

— Может быть, вы подниметесь? У нас лифт исправно работает. Через минуту будем на седьмом этаже!

— Я очень спешу, уж передайте, не считите за труд, — при этих словах Иван Петрович так трогательно, практически по-отечески дотронулся своей ладонью моей руки и умоляюще заглянул в глаза.

— Хорошо, — кивнула я головой и одна вошла в подъезд.

Ожидая лифт, я украдкой заглянула в тетрадь. Она была исписана мелким мужским почерком. Сразу стало понятно, что это стихи. Не удержавшись от соблазна, я прочла несколько строк:

*Ты можешь мне не отвечать,
Ты все равно не скажешь честно.
Моя любовь тебе чуть лестна.
Ты можешь мне не отвечать...*

Вот это да! Видимо, Иван Петрович является тайным поклонником моей соседки. Только вид у тетради совсем не презентабельный. Если все это распечатать и сброшюровать, а на первую страницу поместить фотографию Изольды Марковны в молодости, будет совсем другое дело. Однако, следует посоветоваться с автором. Инициатива, как известно, наказуема. Я позвонила в дверь Изольды Марковны. Никто не ответил. Странно, куда это они подевались с Жюли-Женевьевой? Ладно, зайду позже. Я направилась к себе. Поиски ключа, как обычно заняли чуть меньше получаса. Да еще эта бандероль под мышкой и тетрадь, которую пришлось зажать коленями. Не успев вставить ключ в замок, я услышала звонкий и тревожный лай, доносившийся из глубины квартиры. Неужели ломлюсь в чужую дверь? Я подняла глаза и внимательно посмотрела на номер. Номер был мой. Значит слуховые галлюцинации. Зрительные у меня сегодня уже были, когда я вошла в чужую машину. На сей раз все происходило вполне реально. Собачка повисла на моей ноге, едва я вошла в прихожую.

— А что ты здесь делаешь? — спросила я у незваной гостьи.

Но кроме безумного восторга её глаза больше ничего не выражали. В этот момент в моей сумке зазвонил мобильный телефон.

— Кира, — раздался в трубке хриплый голос Изольды Марковны, — меня срочно увезли в больницу. Единственное, что я успела, это забросить к тебе Жужжу. Будь таки добра, присмотри за ней. Воду меняй два раза в день. У меня в холодильнике вареная рыбка и рис. На два дня еды хватит. Гулять надо утром и вечером по сорок минут. Ты слышишь, Кира?

— Да-да, я слышу! Не переживайте за собаку. У меня имеется большой опыт общения с домашними животными. Вот уже год на моем иждивении находятся комнатные рыбки.

— Комнатные рыбки? — переспросила госпитализированная соседка.

— Ну, да! Они живут в аквариуме, и жалоб от них пока не поступало! — гордо сообщила я, вспомнив, кстати, что совсем забыла вчера покормить своих подопечных.

— Изольда Марковна, а с вами-то, что случилось? Как вы себя чувствуете?

— Гипертонический криз и склероз, словом, букет моей бабушки. Но все будет хорошо, я позвоню позже.

— А где вы находитесь?

— Говорят, что в кардиологии, но у меня есть подозрение, что в дурдоме.

Сообщив свою версию местонахождения, она отключилась. Я положила бандероль с тетрадью на калошницу и, присев на небольшой диван в прихожей, уставилось на невинное создание, копошившееся у моих ног.

— С этого дня и до возвращения Изольды Марковны нарекаю тебя Жучкой, чтобы не путаться в твоих бесчисленных

именах, — обратилась я, наконец, к своей новой квартирантке, — жить будем по моим правилам и никаких гвоздей! Поняла? И, вообще, скажи спасибо, что я только вчера отдала твоей хозяйке новый комплект своих ключей. А то сидела бы ты сейчас в подъезде и собирала блох!

Жучка отчаянно мотала головой, нетерпеливо перебирая задними лапами.

— Ясно, — вздохнула я, — жить будем по твоим правилам. Ну что ж, пошли, совершим вечерний променад.

Варная своему слову, я в течение сорока минут выгуливала шалопутную собаку, несмотря на страшную усталость. Мне даже и в голову не пришло сократить ночную прогулку. Казалось, недремлющее око соседки следит за нами из-под каждого куста. «Ничего, ничего, — мысленно утешала я себя — продержусь ещё пару недель!»

ГЛАВА 12

— Как моя девочка? — было первое, что интересовало Изольду Марковну утром.

— Прекрасно, — ответила я, — всю ночь спала у меня на голове, а утром с таким азартом вылизывала мои глаза, что они чуть не повылазили из орбит, да и лицо мне теперь можно не умывать еще года два.

— Этого не стоит позволять! Надеюсь, ты смыла косметику перед сном и не мазала на себя крем? — сурово уточнила соседка.

— Смыла, — вздохнула я, — а лицо натерла вареным карпом, чтобы собака совмещала полезное с приятным. Мы уже выходим на прогулку, я позвоню вам в обед.

Едва я приступила к работе в офисе, как в мое виртуальное пространство бесцеремонным образом проник Кватч. Минуточку! Когда я была рядом, он что-то времени для меня не находил, а тут объявился. Но сообщения сыпались, как из рога изобилия, интригуя и провоцируя:

— Кира! Я признаюсь тебе сейчас..

— В чём?

— Дурак я был, однозначно, круглый дурак! Мало тебе внимания уделял...

— С чего это вас, сударь, так торкнуло?

— Не перебивай! Слушай дальше, то есть, читай. Мне катастрофически тебя всё это время не хватает. Мне нужны твоя душа, твоя голова и тело, то есть всё. Твои ноги я люблю, как и свои. Короче, я хочу сказать тебе вот что: не бросай меня!

— Тебя бросить невозможно, можно потерять, — написала я в ответ. — Давно ты, видимо, не упражнялся в сладострастных «изрыганиях» и не шлифовал мастерство бабника и балагура. Хочется просто поговорить?

— Просто поговорить, конечно, хочется, но еще больше я по тебе скучаю... Нет, не буду утверждать, что остальные женщины глупы, корыстны, необаятельны, здесь другое: родного чего-то я лишился. Понимаешь, ты для меня являлась стимулом, опорой, думаю, что и я был тем же для тебя. Прошли дни, мы стали намного больше, чем просто виртуальные собеседники, бороздящие бескрайнее пространство всемирной паутины в поисках счастья. И когда ты выпала из сети, заменить тебя я не смог, да и не старался, если быть до конца откровенным. Образовалось

безвоздушное пространство у меня в мозгах, и этот вакуум составил примерно три четверти серого вещества, бессмысленно лежащего в черепной коробке. В результате, я не то чтобы тупеть стал, я стал дряхлеть... С твоим уходом меня **ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ ИНТЕРЕСУЕТ!!!** Работу пропускаю, пишу с ошибками, речь моя сбивчивая, груба и нецензурна. Солнце больше не заходит в мой кабинет, постоянно идут дожди (в основном в моей душе). Даже эротичные картины меня так не возбуждают, как прежде. Я полюбил дамские романы и сутками не выхожу из книжных магазинов, стараясь разобраться в дебрях женской психологии, вместо привычной воблы ем горький шоколад и регулярно собираю взносы на поддержку и содержание маленьких пираний. Тщетно вглядываясь в толпу, в надежде отыскать твои глаза и не находя их там, я подсознательно знакомлюсь с женщинами твоего возраста и с твоим именем. Но очередное разочарование накрывает меня с головой, как огромная, тяжелая океанская волна во время шторма. Кира, плохо мне без тебя!!!

Прочитав признание Кватча, я рассвирепела. Нет, он либо издевается, считая меня полной идиоткой, либо просто упражняется в эпистолярном жанре.! Ну, погоди, мастер словоблудия, сейчас ты получишь! Я написала:

— Хорошо, дорогой, раз тебе совсем худо без меня, так и быть, вылетаю первым же рейсом, встречай!

Ответ получила сразу:

— Знаешь, я сам приеду, ты посмотришь мне в глаза и сразу всё поймешь!

Вот оно что! Я уже все поняла! Ему захотелось сюда приехать и у меня остановиться! Поэтому он набросал несколько пылких строчек, решив, что я тут же расту.

— Боюсь, что не смогу составить тебе компанию. На следующей неделе убываю в командировку, — приврала я.

— Кира, я прилетаю к тебе завтра! — успокоил меня Кватч и вышел из сети. Или выпал.

Меня охватила жуткая паника. Только этого мне не доставало! В народе говорят: «Незванный гость — хуже татарина!» А в моем случае, даже хуже всего монголо-татарского ига! Из оцепенения меня вывел звонок мобильного телефона. Вызов исходил от Климентия:

— Кира, знаешь, я скучаю по тебе...

Так, сегодня на меня повышенный спрос. Ох, не к добру все это. Но, оставив при себе тревожные мысли, пропела в ответ:

— Правда? И я часто думаю о тебе...

— Правда. Я тоже часто, даже очень часто. Надо же вот такому случиться. Давно со мной такого не было, — очень проникновенно произнес Климентий своим песочным голосом.

— Ты же сознательно хотел завести роман! А в романе всегда так бывает! Или ты забыл?

— Нет, не забыл и шел на это осознанно, но я же не знал, что ты будешь — Ты!

— А если бы я не была Я, то и роман бы не закрутился.. Или это был бы неправильный роман, а скорее даже короткая черно-белая повесть...

— Как хорошо ты сказала: «черно-белая повесть».

Если была б не ты, то и возможно, ни одной строчки не получилось.

— Да, как в той песне из старого фильма: «А наш роман и не роман, а так: одно заглавие!»

— Надеюсь, что у нас кроме заглавия будет продолжение.

— Конечно, я допишу!

На этой счастливой ноте закончился мой сладкий диалог с кавалером, удачно женатым на другой.

Предварительно договорившись с Изольдой Марковной о посещении, я направилась в клинику. По пути приобрела фруктово-молочный набор, который положено приносить больным, очевидно для того, чтобы они не мучались долго всякого рода задержкой.

Пациентка кардиологии пребывала в прекрасном расположении духа. Судя по-всему, лечение шло на пользу, или просто Изольда Марковна основательно подготовилась к приёму гостей. Её волосы, несмотря на отсутствие подручных средств, аккуратно собраны в некое подобие причёски, глаза подкрашены, на щеках пылал наведённый румянец, а губы, хоть и отдавали синюшным оттенком, но все же были старательно обработаны гигиенической помадой до блеска. Здесь я отчётливо поняла, что меня всегда восхищает в приятельнице. Это, безусловно, желание хорошо выглядеть в любых обстоятельствах. В палате помимо Изольды Марковны находилась еще одна больная — худощавая невысокая женщина с перепуганными глазами.

— У вас практически VIP-палата, — констатировала я, озираясь по сторонам.

— Да, это по знакомству, — прошептала мне на ухо Изольда Марковна.

— Понятно, протекция из прозекторской, — подмигнула я собеседнице.

— Ты чем иронизировать лучше про мою собаку расскажи. Я так за неё переживаю.

— Ну, — начала я загадочно, — рыбку с рисом на завтрак она решительно бойкотировала, пришлось ей пожарить лягушек в кляре. От французского блюда наша Жузепа пришла в полный восторг и проглотила их целиком. Все бы было ничего, но только в животе у неё теперь постоянно раздаётся кваканье, а из задницы периодически высовывается лягушачья лапа и исподтишка норовит меня ущипнуть..

Здесь моё трогательное повествование прервал вошедший в палату врач. Это был высокий представительный мужчина средних лет с густой иссиня-чёрной шевелюрой и бородой такого же цвета. Возможно, именно последняя деталь придавал его достаточно ординарным чертам лица особую выразительность.

— Добрый вечер, кумушки, — доброжелательно произнес он, — как самочувствие?

— Все хорошо, — бойко ответила Изольда Марковна за всех и, приосанившись, как — будто даже помолодела. — Готовимся к полёту на Луну.

— Чего вы там не видели, на той Луне? — усмехнулся эскулап, остановив свой внимательный взгляд на мне.

«Наверное, сейчас выгонит, — пронеслось у меня в голове, — во-первых, я не надела синие пакетики на ноги,

во-вторых, время уже позднее, в-третьих, врачи постоянно чем-то недовольны». Однако врач, похоже, был настроен весьма дружелюбно.

— Это ваша дочь? — спросил он у Изольды Марковны?

— Нет, племянница.

Я решила не обращать внимания на маленькую неточность, допущенную пациенткой кардиологического отделения. Тем более, что бородатый эскулап как будто совсем не намеревался с пристрастием выяснять степень нашего родства.

— Олег Николаевич, — плачущим голосом произнесла женщина с соседней койки, — у меня завтра кардиография. Скажите, а я ещё своих детишек увижу?

— Конечно! — уверенно сообщил эскулап, повернувшись к расстроенной пациентке. — Вы и моих увидите. Я вам их приведу.

С этими словами врач вышел из палаты, а женщина на соседней койке разрыдалась в голос.

— Ступай домой, тебя там собака ждет, а я девушку сейчас успокою, — сказала мне Изольда Марковна, выпроваживая вслед за врачом из своих временных апартаментов.

— У меня назрела проблема, — доверительно сообщила я своей соседке уже в коридоре.

— Что опять? — нахмурилась она.

— С собакой все нормально, — предупредила я её беспокойство, — понимаете, мне как снег на голову завтра упадёт один мой знакомый.

— Ну, если ты уже сегодня об этом знаешь, получится это не снег на голову. Скорее помой.

— Или так. Я в полной растерянности. И отказать в ночлеге неудобно, и поместить его в своей кровати нет желания. А спрятаться — несолидно.

— Ой, тоже мне придумала проблему! Не можешь отказать — соглашайся. Посели его у меня. Пенсию я дома не храню. Собака проживает с тобой. А больше в моей квартире воровать нечего. Только не увлекайся им, пожалуйста. Все эти командировочные отношения всегда такие несерьёзные.

— Хорошо. Не буду. А вам большое спасибо за идею, — сердечно поблагодарила я Изольду Марковну.

— Большое пожалуйста. Кстати, все забываю тебя спросить, ты умеешь делать инъекции?

— Что, простите?

— Ну, уколы ставить умеешь?

— А, так бы сразу и сказали. Умею, но только внутривенные.

Изольда Марковна заразительно расхохоталась.

— Ой, ну, чудачка! — беззлобно произнесла она, вытирая слезы. — Надо же, что придумала! Давай так: услуга за услугу?

— С удовольствием сделаю все, что от меня зависит, — с готовностью пообещала я, прижимая руку к тому месту, где всегда думала, что находится душа.

— Отлично, — Изольда Марковна засунула руку в карман своего халата и извлекла оттуда небольшую ампулу с жидким содержимым. — Вот держи.

— Что это? — удивилась я, принимая из рук соседки ампулу и тщетно пытаясь прочесть почти стертые название лекарства. — Надеюсь никого не надо усыпить? Только

не говорите, что укол следует сделать собаке. На это я пойти не могу!

— Да я тебе бы и не доверила сделать укол моей девочке. Для этого, знаешь ли, квалификация нужна. Ты не бойся, в этой ампуле всего лишь анаболическое средство, которое способствует увеличению мышечной массы. Оно очень дефицитное и очень дорогое, поэтому будь с ним осторожна. Завтра к тебе придет один мой знакомый, зовут его Сергей. Парень спит и видит себя вторым Шварцнегером. Вот уже несколько месяцев он занимается в тренажерном зале, а толку нет никакого. Теперь решил прибегнуть к стероидным препаратам. По его просьбе я нашла это дефицитное средство. А тебе остается только ввести его аккуратно в ягодичную мышцу.

Я опешила. Такого непристойного предложения давненько мне не поступало. Сжимая драгоценную ампулу в руке, я спросила:

— А нельзя ли ему просто так отдать препарат и все? Пусть он сам себе и вводит эти гормоны хоть в ягодичные мышцы, хоть в любые другие?

— Нет, нельзя, — строго произнесла Изольда Марковна, — этот препарат запрещен на территории России. Поэтому, когда сделаешь укол, сразу уничтожь ампулу. Поняла?

— Поняла, — вздохнула я, ничего не понимая. — А вы уверены, что с ним не случится анафилактического шока?

— Не случится, — спокойно ответила пациентка кардиологического отделения. — Но ты, в любом случае, сразу после инъекции звони мне. Всё уяснила?

— Угу...

Дома меня ждал сюрприз. Надо сказать, что в последнее время это уже стало нормой. Другое дело, насколько все было приятно и радостно. Сегодня повод для веселья явно не наблюдался. На полу лежали истерзанная коричневая тетрадь с погрызенной обложкой и добросовестно изжеванными листами и растрепанная бандероль. Похоже, орудовали двое. Первый, барабашка, спихнул тетрадь с бандеролью, переданные для Изольды Марковны, с кашницы. Второй, его сообщник, точнее сообщница, не трудно догадаться кто, приняла подачу и расправилась с рукописью и бандеролью по своему усмотрению. Бумага с израильского подарка была надорвана, но поддавалась реставрации, а вот рукописи пришел полный конец.

— Какая зараза! — завопила я, тряся ошметками тетради у Жучки перед носом. — Зачем ты сожрала стихи? В них целая история любви, да что там, целая жизнь!

Я села на пол и стала судорожно расправлять пожомканные обрывки бумаги, стараясь хоть что-то сохранить. Но тщетно. Шредер в пасти у Жучки сработал добросовестно. Поэзия была уничтожена полностью. Рукописи, возможно и не горят, как утверждал классик, но сожрать их может каждый. Слезы, как горошины, скатывались по моим щекам и разбивались о напольную плитку. Но тут новая мысль повергла меня в ужас. Собака, у которой, судя по наблюдениям Изольды Марковны, желудок с наперсток, слопала полгектара леса или даже больше. В этот момент я стала судорожно вспоминать, сколько там зеленых насаждений требуется на производство одной тетради? Боже мой, как пройдет процесс переработки древесины в животе

у Жучки, и во что выльются завтра стихи про любовь к Изольде Марковне? Или они вывалятся, как желуди? Ой! Что мне делать! Я схватила в руки лохматое создание и начала пристально рассматривать. Признаков нездоровья у собаки совсем не наблюдалась. Напротив, она была весела, энергична и изо всех сил пыталась дотянуться кончиком своего языка до моего носа. Но это меня совсем не утешало. А если ночью у собаки случится непроходимость кишечника и она погибнет лежа, как обычно, у меня на голове? Этого допустить никак нельзя. Я вытащила из сумки телефон и набрала ноль три.

— Скорая слушает, — прогнусавили в трубке.

— Понимаете, моя собака только что съела все стихи Ивана Петровича. Я в отчаянии. Что предпринять? Куда обратиться?

— Собаке могут помочь в ветеринарной клинике, а вам в психиатрическом диспансере, — припечатал мерзкий голос и отключился.

Несмотря на грубость медицинского работника, доля здравого смысла в ответе все-таки была.

— Так, одевайся! — скомандовала я Жучке, — Мы идем в лечебницу. Там тебе поставят градусник, а, если повезет, то клизму, и, может быть, все обойдется. В противном случае, пусть усыпят меня, потому что гнев Изольды Марковны будет страшен.

Ветеринарная клиника закончила свою работу два часа назад. Дежурных врачей там предусмотрено не было. Постояв минут пять у закрытой двери, мы побрели к своему дому. Надо уточнить, что понуро плелась только я,

Жучка же, напротив, тянула поводок и норовила пуститься галопом. Интересно, а кормить её сегодня полагается? Как ни крути, а бумага совсем низкокалорийная. А одной поэзией сыт не будешь. Тут мне в голову пришла потрясающая идея. Масло! Вазелиновое масло! Вот в чем наше спасение. Как я могла забыть эту историю! Дело в том, что однажды, когда я ещё училась в школе, меня на несколько часов оставили с трехлетним двоюродным братом. Он был довольно шустрый малый и совершенно не сидел на месте. Ребенок незаметно залез в мой портфель, вытащил оттуда монетку советского образца достоинством в три копейки и, должно быть, из любопытства, а может, попросту вообразив себя свиньёй-копилкой, засунул денежку себе в рот. Потом ничего умнее не придумал, как завалиться на диван и задрать ноги. Монетка, естественно, попала в горло. Тут он соскочил, стал орать и, задыхаясь, колотить себя кулаками по животу. На его и моё счастье металлический предмет быстро провалился в желудок. После выяснений обстоятельств случившегося, моя мама с укором его спросила:

— Зачем же ты, Саша, три копейки проглотил?

На это перепуганный мальчик, оправдываясь, ответил:

— Тетенька, я не три, я только одну!

Потом пострадавшему дали выпить вазелинового масла и вскоре монетку в целости и невредимости обнаружили в горшке. А младшего брата, который проглотил «троячок», да вдобавок шиворот-навыворот проносил слово «троллейбус», еще долго так и дразнили: «Бустралей».

Жучка выпила масло добросовестно, но без особого удовольствия. Ужин мы решили отдать врагу и завалились спать голодные и утомленные.

ГЛАВА 13

Кватч свое слово сдержал и после утреннего звонка из аэропорта, через два часа нарисовался у моей двери. Должна признать, выглядел гость столицы великолепно. Светлый костюм, в который он был одет, выгодно оттенял бронзовый загар. Белозубая улыбка просто завораживала, а поток комплиментов совершенно обезоруживал. «Сейчас я влюблюсь!» — пронеслась в моей голове шальная мысль. Но это уже лишнее. И, памятуя предупреждение моей наставницы о командировочных авантюристах, я отвела Кватча за руку в соседнюю квартиру. Если он и опешил от такого поворота событий, то внешне этого никак не показал.

— Чувствуй себя как дома, но не забывай, что ты в гостях, — напутствовала я приятеля. Еда в магазине, вождь мирового пролетариата в Мавзолее, Мавзолей на Красной площади. Сейчас уйду на работу, вернусь поздно. А ты, кстати, зачем приехал?

— Я здесь с частным дружественным визитом. Спасибо за гостеприимство. Знаешь, у меня есть предложение: давай вечером куда-нибудь сходим? — произнес Кватч сладко-пряным голосом, призывно заглядывая мне в глаза.

— Нет. Сегодня без меня. Вечером нужно навестить приятельницу в больнице, а потом выгулять собаку, оставленную на мое попечение. Так что развлекай себя сам. Вот тебе ключи, если надумаешь выйти. Только будь

осторожен, здесь совсем другие скорости. Кстати, в метро приняли новые правила проезда, имей ввиду!

— Мне все равно. Я и старых-то не знал.

— Тебе легче. А я вот ночь напролет учила наизусть, боялась, что при незнании последних положений меня не впустят в подземку или выведут оттуда за ухо. Теперь нельзя заходить в метро в пачкающей одежде и попрошайничать в вагонах...

— А, понял! Это как раз то, чем ты там обычно занимаешься!

— Угадал. Пять баллов тебе за сообразительность. Я убегаю, но завтра мы обязательно что-нибудь придумаем. Не обижайся, ладно?

— Хорошо, не буду, — заверил меня Кватч.

Распроставшись с гостем, я с чувством выполненного долга отправилась в свой офис. Весь рабочий день, безусловно, пошёл насмарку. Его смело можно было скомкать и выбросить в корзину. Производительность труда равнялась нулю. Положенные восемь часов я мысленно отсутствовала. Мои думы были возле незваного гостя. Не влюбиться в этого парня просто невозможно. До чего хорош, зараза: высокий, статный, подтянутый, обаятельный! А ещё такой спонтанный и пылкий и, главное — уверенный в себе. И глаза невероятно выразительные с каким-то восточным азартом. Нет, как ни крути, а это очередная моя погибель. Убеждена, что опять наткнусь на характерную закономерность: через парутройку дней он уедет, а я буду страдать и ждать как ненормальная его звонков и сообщений по Интернету. Это мы уже

проходили. Самое лучшее — избегать встреч под любыми предложениями. Я буду стараться. Наверное.

В обеденный перерыв позвонил Виктор.

— Привет, Кируся! — задорно прокричал он мне в ухо.

— Привет, привет, — ответила я без особого энтузиазма.

Но, очевидно, капитана дальнего плавания мой упавший голос совсем не смущал и он продолжил:

— А, знаешь ли ты, что у настоящего мужчины есть две страсти: футбол и женщины?

— Теперь знаю.

— Как ты относишься к футболу? — не унимался «свежий» поклонник.

— Я в него не верю и не играю, если ты об этом. А также не фанатею, не болею, не смотрю.

— Жаль, хотел вот тебя в спортивный клуб пригласить. Сегодня интересная игра. Наши рубятся с англичанами.

— Я думаю, футболисты простят мне моё отсутствие. Ты уж там оторвись за меня как следует, только не охрипни.

— Договорились, — разочаровано произнес Виктор и отключился.

Первым делом по возвращении домой, я, понятное дело, наведальась к гостю. Но... только из приличия. Я это так объяснила себе. Очевидно, Кватч весь день болтался по городу и вернулся незадолго до моего прихода. Он почему-то открыл дверь в пиджаке и в семейных трусах, чем поверг меня в некоторое смятение. Сам же, судя по-всему, чувствовал себя вполне комфортно.

— Вот, зашла тебя навестить, — пролепетала я, отводя взгляд и заливаясь, как школьница, стыдливым румянцем..

— Ты пришла меня навестить? — переспросил он, обольстительно улыбаясь.— Я думал, что свести меня с ума. Весь день только и делал, что складывал секунды в минуты, минуты в часы. Утомительное, признаюсь тебе занятие. Но ты вернулась, и теперь всё будет хорошо, — он преданно заглянул мне в глаза.

— У меня к тебе есть предложение. Что если мы поужинаем вместе?

— Поддерживаю, обеими руками. Тебе помочь?

— Нет, нет. Сейчас я погуляю с собакой, что-нибудь соображу с ужином и позвоню тебе.

— Я могу выручить с животным, — проявил трогательную любезность Кватч.

— Ой, эту процедуру я никому доверить не могу. Так что ты отдыхай, телевизор посмотри или ещё что-нибудь придумай.

— Я пока приму душ, — многообещающе прохрипел Кватч.

— А знаешь, было бы неплохо, — ответила я, окончательно смутившись.

Прогулку с Жучкой пришлось сократить. Собака, естественно, осталась недовольна. Она сидела под табуреткой и, исподлобья поглядывая на меня, недовольно кряхтела.

— Не будь эгоисткой, — бросила я ей, пробегая мимо. — Мы все наверстаем. Позже. Если хочешь, завтра погуляем семьдесят минут вместо положенных сорока.

Поскольку гостей я принимаю редко, то всегда перед их приходом безумно волнуюсь. Сегодняшний день не стал исключением. Однако в этих переживаниях имелась и положительная сторона. Дело в том, что катализатором моей физической активности всегда является ожидание милого сердцу человека. В такой момент я могу переделать тысячу дел за короткий промежуток времени. Откуда появляется вся эта сноровка мне доподлинно неизвестно, но я подозреваю, что все зависит от количества адреналина в моей крови. Скажу откровенно: сегодня энергетический гормон выработался в избытке. Я словно ведьма в ступе носилась по квартире с веником и шваброй. Даже туалет вымыла ромашковым мылом, как будто Кватч первым делом победит именно туда. Правда, с ужином я не стала мудрствовать лукаво. Ограничилась просто курицей, а эта птица всегда меня выручает. Я натерла её бока приправой для свинины (другой у меня не было), затем щедро облила пернатую майонезом. Последним штрихом был лимон, умело вставленный между куриных лап. Вот и всё. Кулинарный шедевр готов. Курица отправилась загорать в «солярий», а я принялась наводить красоту. В поставленную мной задачу входило как следует вдарить по сексу, то есть смотреться обольстительно, но не вычурно. Всё это решалось при помощи кокетливого розового платья в белый горох. Для того чтобы выглядеть моложаво и непосредственно, я слегка растрепала волосы и накрасила губы бледно розовой помадой. Когда мы с курицей были уже практически готовы к встрече с прекрасным, раздался телефонный звонок. Из трубки буквально выпрыгнула Светка.

— Алло, Кира, как дела? Опять пропала, не звонишь, не пишешь, — захлебываясь от возбуждения, затараторила подруга.

— Ой, тут такое дело, — не удержалась я, — представляешь, Кватч приехал!

— Что ты говоришь? — искренне удивилась Светка. — Навсегда?

— Думаю, нет. Но мне бы этого очень хотелось. Он так дерзок в своих желаниях, так убедителен в своих признаниях, так расточителен в своих комплиментах, так беспечен в своих обещаниях, что я совершенно теряю голову уже от одной только мысли о нем!

— Кира, — каким-то ледяным голосом произнесла Светка, — гони его прочь.

— Это ещё почему? — насторожилась я.

— Гони и всё.

— Да можешь ты мне объяснить, что случилось?

— Здесь выяснились такие факты... Словом, он собирается жениться на молоденькой девчонке, которая практически годится ему в дочери. Ей он сказал, что поехал в командировку, а сам решил поразвлечься с тобой. У одних — мальчишник, у него — москвичник, — нервно хихикнула Светка.

— Это тебе Игорь информацию слил? — осведомилась я.

— Какая разница кто. Дело обстоит так, а не иначе. А на меня зла не таи. Я ведь не подозревала, что у вас будет продолжение. Думала так, легкий флирт и ничего личного, — оправдывалась Светка.

— Да уж, а я влюбилась в него с разбегу, — слетело с моего языка невольное признание.

— Понимаешь, он мастер придумывать истории, давать пустые обещания. Не верь ему. Прости, если причиняю боль, но считаю, что просто обязана тебя предупредить.

— Спасибо, — упавшим голосом произнесла я, присев на краешек стула.

Должно быть, мы ещё о чем-то говорили со Светкой, но я уже не вникала в смысл слов. Предательские слезы катились по щекам, беспощадно смывая искусный макияж. Я долго сидела в каком-то оцепенении, слушая равномерные гудки, доносившиеся из прижатой к уху трубки. Вот уж поистине, если вам кажется, что всё хорошо, значит, вы чего-то не знаете. Мне припомнились слова одного современного польского писателя, который утверждал, что женщинами «манипулировать легко», с тех пор, как заметишь, что сильнее всего они привязываются к мужчинам, которые «умеют слушать, выказывать нежность и смешить». Подписываюсь под каждым его словом. Наши легкие, беззаботные разговоры по ICQ с его остроумными выпадами, мимолетные встречи и море комплиментов подготовили благодатную почву для «любовного настроения». А у влюбленного человека ослаблен иммунитет по определению. Его легко обидеть, но очень просто им управлять. Не могу припомнить, когда я в последний раз чувствовала себя такой идиоткой на этой неделе. Совершенно неожиданно для себя я набрала номер Изольды Марковны.

— Чего тебе не спится? — недовольно буркнула пациентка сердечного отделения.

— У него..., — разрыдалась я в полный голос, — у него есть молодая невеста, а я зажарила курицу с лимоном и напялила платье!

— И что ты хотела доказать той невесте, напялив на курицу платье? — делано удивилась Изольда Марковна.

— Он писал, что любит, и так выразительно смотрел на меня, — продолжала скулить я, не обращая внимания на сарказм пожилой дамы.

— А ты, молодая, поверила ему? — усмехнулась соседка. — Ну, всё, прекращай уже свои народные причитания. Тебе, видимо, нравится с маниакальным постоянством терзать свою душу! Кстати, всегда думала, что ты в этих делах стреляная птица.

— Да, я тоже так думала, а вот опять на те же грабли! И всё потому, что он был умён, статен и чертовски обаятелен.

— Уж, конечно, если бы он был шириной в два обхвата, невысок ростом, беден и глуп, ты бы так не убивалась. В подобных случаях обычно вспоминается старая песня: «А мне плевать на твой обман, найду ещё кудрявее!» — затянула наставница в стиле Надежды Бабкиной.

— Петь что-то совсем не хочется. Не в голосе я сегодня.

— А ты не пой, ты действуй! Обзвони всех своих приятелей, сообщи им ненароком, что по такому-то адресу имеются две курицы, одна зажаренная с лимоном, другая в платье и в собственном соку. А там, кто первый встал, того и тапочки, — припечатала Изольда Марковна и отключилась.

Кто-то сказал, что совет — это всегда исповедь. А вот советы Изольды Марковны представляют собой ни что иное, как руководство к действию. И я по-прежнему доверяю им. Свистать всех наверх! Где там мой Нептун? Я немедленно набрала номер Виктора.

— Добрый вечер, Кира! Как твои дела? — поинтересовался капитан третьего ранга тихоокеанского флота.

— Хочу признаться, что глубоко заблуждалась утром!

— Что ты говоришь? И в чём же?

— Знаешь, пожалуй, я обожаю футбол. А мужики в трусах на поле вводят меня просто в неопишуемый восторг.

— Я понял. Через полчаса приеду за тобой. Мы еще успеваем к дополнительному времени.

Сменив романтическое платье на джинсы и майку и, предусмотрительно отключив телефон, я отправилась на свидание. Жучку прихватила с собой, так, на всякий случай. А случаи, как известно, бывают всякие.

ГЛАВА 14

Изольда Марковна как-то говорила, что животные всегда безошибочно выбирают больной орган у человека и именно на него норовят примоститься. Жучка уже давно поняла, что в моем организме слабое место — голова. Поэтому я совсем не удивилась, обнаружив утром собаку на своей подушке. Самочувствие, к сожалению, оставляло желать лучшего. Либо я много выпила пива, либо разнервничалась за исход игры. Хорошо бы ещё вспомнить, за кого конкретно вчера я так отчаянно болела. Волевым усилием я подняла себя с кровати.

Зеркало добросовестно отразила мой неповторимый облик. Волосы торчали в разные стороны, под глазами образовались синеватые мешки, в которых, по всей видимости, скопилось лишнее пиво. Да уж, в такие минуты себя лучше не видеть и никому не показывать. Но Жучке, такой же заспанной и взъерошенной, всего этого объяснить не представлялось никакой возможности. Она нетерпеливо сучила лапами и звонко повизгивала. Ну что ж, сегодня суббота, время раннее, все приличные люди ещё досматривают сны и если пройти огородами, есть шанс никому не попасться на глаза. Я натянула на ночную сорочку длинный махровый халат, сверху накинула ветровку и, ощущая каждый свой шаг в голове, выплыла вместе с собакой на утреннюю прогулку. Жучка уже почти собралась примоститься у первого попавшегося куста, активно источавшего запах собачей мочи, как вдруг встрепенулась, резко подскочила и бросилась к стоявшей у скамейки черной машине. Мой крик повис в воздухе на полуслове, как только я увидела, что из этого автомобиля вываливается капитан третьего ранга, а точнее Виктор, с огромным букетом белых роз и направляется ко мне. Я отчаянно схватила себя за ухо в надежде, что это сон, и карнавальный наряд лахудры останется не замеченным широкой общественностью. Должно быть, мои глаза за какие-то доли секунды утратили сонное выражение и приобрели взгляд коровы, объевшейся галлюциногенными грибами.

— Это тебе, Кира, — торжественно произнес Виктор, протягивая букет.

— С ума сойти, — растеряно произнесла я, принимая цветы. — Мы с Жучкой даже прибалдели от неожиданности. Ты, что, получается, всю ночь простоял под моими окнами?

— Нет, к сожалению, мне в мои сорок семь бессонную ночь выдержать уже сложно. Но в душе я все тот же мальчишка. Ты вчера мимоходом сообщила, что в семь часов выходишь на прогулку со своей собакой. И вот, как сказал классик: «Чуть свет и я у ваших ног!»

— Спасибо за розы. Мне очень приятно.

— Пожалуйста. Не буду вам мешать. Найдешь время — мигай. Я перезвоню.

Будь у меня чувство юмора, я бы восприняла ситуацию, как фарс и не мучалась от неловкости. Но с другой стороны подумала: предупреждать надо! За что боролся, на то и напоролся. Да, я бываю и такой: неумытой и несурьезной. Я — многогранная! Поэтому со мной весело.

Проскочить незамеченной в свою квартиру мне не удалось. На лестничной площадке стоял Кватч в своем сногшибательном светлом костюме. Сперва он меня не узнал. Но когда из лифта выскочила Жучка, процесс идентификации случился.

— Доброе утро, Кира, — произнес Кватч, нахмурившись.

— Утро доброе, — ответила я с подчёркнутым равнодушием.

— Ну и куда же ты вчера пропала? Испугалась что ли?

— Тебя что ли? — передразнила я его. — Ну да, напугаешь бабу высоким каблуком!

Кватч выглядел каким-то потерянным. Он неуверенно переминался с ноги на ногу.

— Вот и я так думаю. Звонил тебе раз сто, а твой телефон был отключен. Ты не думай, я не тащу никого в постель..

— Да? Жаль, я уже было собралась.

— Зря ты так, — продолжал Кватч. — Я всю ночь не спал.

— Принимай в таких случаях слабительное. По крайней мере, тебе будет, чем заняться, — припечатала я, скрываясь за своей дверью.

Нет, что за напасть! По какому-то невероятному стечению обстоятельств я постоянно оказываюсь перед своими кавалерами не в самом лучшем свете. Терпеть не могу такие ситуации. Эх, вот была бы я знаменитой поэтессой или писательницей, пришли бы ко мне с телевидения снимать популярную передачу: «Не все дома». Мы бы сели с Жучкой и Изольдой Марковной за стол, торт разрезали, чай по чашкам разлили. Надеюсь, на время съёмок мне соседка одолжила бы свой сервиз и вон ту синюю вазу под фрукты, что стоит в её спальне. И вот я сижу в своём васильковом костюме с причёской и макияжем, и говорю, обращаясь ко всем мужикам страны: «Что, сволочи, съели? Хрен вам, а не торт!».

В этот самый кульминационный момент раздался звонок в дверь. Кайфоломщиком оказался культурист-неудачник.

— Добрый день, меня зовут Сергей. Изольда Марковна, сказала, что вы в курсе, — представился гость.

— Да, конечно, вы проходите, — вежливо предложила я, пропуская мужчину в квартиру. Само собой, про это «маленькое, но весьма ответственное поручение» мой мозг совершенно забыл. И теперь, при виде «знакомого» соседки, меня сразу бросило в жар. Всё осложнялось тем, что я совершенно не помнила, где эта дурацкая ампула! Должно быть, как это всегда бывает, засунула куда-нибудь машинально. Ну не могла же, в самом деле, просто выбросить и не заметить? Придя домой после больницы, я занялась воспитанием Жучки, потом мы поспешили в ветеринарную лечебницу, потом мне было совершенно не до ампулы. Пока я судорожно вспоминала свой позавчерашний вечер, Сергей не спеша разулся, снял куртку и извлёк из внутреннего кармана шприц.

— Такой подойдёт? — спросил он, заглядывая мне в глаза.

— Вполне! Давайте его сюда, а сами посидите на кухне. Мне следует руки обработать и препарат в шприц набрать.

— Без вопросов, — кивнул Сергей и пошёл в сопровождении Жучки на кухню.

Я тем временем схватила свою сумку и вытряхнула её содержимое на свою кровать. Ампулы там не было, как не было и в карманах плаща, и в джинсах. «Сейчас он меня придушит своими недокаченными руками, — пронеслось в голове, — и будет в чем-то прав».

Главное — не суетиться, а успокоиться и рассуждать здраво. Поскольку обнаружить ампулу не представляется

возможным, выход один: совершить подлог. Быстренько найду какое-нибудь другое лекарство и введу вместо анаболика. А про ампулу скажу, мол, раскрошилась в руке. Я бросилась к тумбочке с лекарствами, которая находилась в этой же комнате. Из двух ампул, по счастью завалывшихся у меня среди таблеток, выбрала спазмолитическое средство «Но-шпа». Вреда оно точно не принесет, а наоборот улучшит самочувствие, сняв мышечное напряжение. Отпилив колпачок и наполнив шприц пузырящейся жидкостью, я поспешила в кухню. Гость, уставившись в окно, терпеливо сидел на стуле.

— Ну, что, приступим к процедуре! — с напускной веселостью сообщила я. — Снимайте, Сергей, штаны.

Мой пациент послушно обнажил свою накаченную задницу. Укол я сделала быстро и, как мне показалось, качественно. Правда, у Сергея было несколько другое мнение:

— Как больно! В прошлый раз я даже не почувствовал! — выразил он своё недовольство.

— Всё потому, что препарат в этот раз свежий, — заверила я, — только вчера привезли из Израиля.

— Да? А мне говорили, что его производят в США.

— Так и есть, производят в США, Израиль закупает для себя, а мы перекупаем у Израиля.

— А зачем это Израилю? — не унимался Сергей. — Вы когда-нибудь видели еврея-качка? У них в основном мозг растет. А там, как известно, мышц нет.

Культурист своим недоверием начинал меня раздражать. Я решила сменить тему:

— Да бог с ними, с евреями. Вы лучше скажите, как себя чувствуете? Голова не болит? Или, может быть, где-нибудь чешется?

Сергей выпучил на меня свои бледно-голубые глаза:

— Нет, не чешется. А, что должно?

— Совсем не обязательно. Даже хорошо, что нет побочных эффектов. Может, все-таки посидите минут двадцать, пока лекарство впитается, то есть всосется, тьфу, чёрт, усвоится в смысле!

Но Сергей отрицательно покачал головой и решительно направился к выходу, бросив через плечо:

— Некогда мне здесь рассиживаться, дел полно! А за укол отдельное спасибо.

Закрыв за Сергеем дверь, я сразу же набрала номер телефона Изольды Марковны. Трубку она взяла практически после первого гудка, будто бы весь день ждала этого звонка.

— Ну, что, — произнесла она озабоченным голосом, — сделала укол?

— А Вы откуда знаете?

— Я всё знаю. Как он себя чувствует?

— Превосходно. Уже ушёл.

— Ушёл? Сам?

— Да, сам, а что мне его полагалось вынести на руках? — недоумевала я. — Это не входило в мои обязанности. А почему это вас так удивляет?

— Совсем не удивляет, — возразила Изольда Марковна. — Ты молодец, все сделала правильно, спасибо тебе. Просто препарат серьёзный, вот и беспокоюсь.

Разговор с пациенткой кардиологического отделения меня несколько насторожил. Эх, не надо было его так сразу отпускать. Вот сейчас свалится где-нибудь, покроется волдырями и пропадёт парень. Кто его знает, что там американцы подмешали. Стоп! Я же просто «Но-шпу» ввела, а это значит: все будет хорошо! Но из окна мне выглянуть все же захотелось. Сергей как раз усаживался в свой автомобиль, припаркованный рядом с машиной «Скорой помощи» недалеко от подъезда. «Должно быть, кому-то плохо», — подумала я и про себя порадовалась, что не мне и не моему «пациенту».

Спустя двадцать минут, мне позвонила сестра

— Приезжай к нам, как можно быстрее! Ты должна это видеть! — взволнованным голосом произнесла она.

— Да, что там у вас произошло? — испугалась я, схватившись за сердце, по обыкновению с другой стороны.

— Приезжай и сама все узнаешь.

— Можно тогда я собаку с собой возьму?

— А она воспитанная? — строго спросила сестра.

— Еще какая воспитанная! Обувь снимает сразу в подъезде!

— Бери, — смилостивилась Верка.

То, что в квартире атмосфера накалена до предела, чувствовалось уже с первого этажа.

— Ты посмотри, что он наделал! — завопила сестра, трясая своей рыжеволосой головой.

— Дай хоть войти для начала, — проворчала я, протискиваясь между ней и косяком в прихожую.

— Теперь у нас настоящий пожар в джунглях! — не унималась Верка, заламывая руки.

— Ну, показывай уже, а то мне безумно любопытно и ужас как позлорадствовать хочется!

Верка схватила меня за руку и потащила в гостиную. Там у стены стоял громоздкий нескладный диван какого-то огненно рыжего цвета.

— Откуда у вас этот танк? — удивилась я. — Артемка что ли сделал на уроке трудового воспитания?

— Очень остроумно, — взбеленилась Верка. — Этот, как ты говоришь танк, купил Гришка, не посоветовавшись со мной. Сюрприз он, видишь ли, приготовил.

В этот момент из спальни выплыл Григорий с опущенными плечами и понурой головой.

— Верочка, но на нем ведь так удобно спать, — засопел, оправдываясь, обвиняемый. — И потом ты уже три года все никак с выбором определиться не могла. А я пошёл и приобрел сразу.

— Вот именно, сразу! — передразнила мужа Верка. — Долго ли умеючи. Ты мне лучше скажи, кто к синезеленым обоям берет оранжевую мебель? К чему в этой комнате подходит этот диван?

— К твоим волосам! — пришла мне в голову спасительная идея! — Я поняла, Гришка подбирал диван к твоим волосам. Вот такой вот «заводной апельсин»!

Пока мы выясняли цветовую гамму гостиной, Жучка бесцеремонно запрыгнула на рыжий диван и, пробежавшись по нему из стороны в сторону, шкодно присела, моментально сделав на новой мебели огромную лужу.

— Какая зараза! — воскликнула я, внутренне сжавшись. Но Верка на удивление спокойно прокомментировала: — Оказывается, без лужи он мне нравился гораздо больше.

ГЛАВА 15

Кватча дома я не застала. Должно быть, любитесь, по-моему совету, местными достопримечательностями. Или уже съехал? Вот будет номер, если он прихватит с собой ключи от квартиры соседки. Наверное, я с ним неправильно поступила. Но он тоже хорош! Морочил мне голову своими пылкими признаниями, а у самого свадьба намечается. Конечно, мне не следовало поддаваться на его донжуанские уловки, но не поддаться было невозможно. По всей вероятности, стоило с ним объяснить, но был ли в этом смысл? Как говорится: выяснять отношения любят женщины и дети. Так, всё! Что сделано, то сделано! В конце концов, у меня своя жизнь, и его сюда никто не звал. Пусть скажет спасибо, что ему предоставили отдельные апартаменты. А если не нравится, может отправляться в Дом Колхозника.

Телефон Изольды Марковны упрямо не отвечал. Ну что ж, если с утра ничего не изменится, поеду в больницу. Я уселась перед телевизором и вдруг, механически переключая каналы, почувствовала себя бесконечно одинокой. Даже присутствие Жучки на коленях и хищных рыб в аквариуме не спасало от навалившейся, словно тяжелый недуг, тоски. В таких случаях мне обычно помогает крепкий чай со сливками и плитка шоколада. Интересно, а у

рыб и собак бывает депрессия? А если бывает, то, как с ней бороться? Пожалуй, насыплю им сухого корма для повышения настроения.

В дверь позвонили как раз в тот момент, когда я занималась самолечением, а точнее принимала чай со сливками. Надо отметить, что прищелец был очень резок и напорист. Так, вероятно, дают о себе знать пьяные мужья, возвращаясь ночью с гулянки. Облившись от неожиданности чаем, я, сквернословя на ходу, побежала в прихожую. Жучка, захлебываясь звонким лаем, неслась следом. Однако, распахнув дверь, я тут же пожалела о содеянном, поскольку перед собой увидела широкоплечего высоченного незнакомца с очень серьезным выражением лица. Такой здоровяк оторвет в два счета башку и скажет, что так и было. Я похолодела от ужаса. Жучка, как ни странно, прекратила свой истошный лай и принялась радостно прыгать на задних лапках.

— Добрый вечер, — обратился ко мне незнакомец, перебрасывая свою спортивную сумку с одного плеча на другое.

— Вечер добрый, — ответила я, беря неугомонную Жучку на руки.

— Простите за беспокойство, не хотел вас напугать, — продолжил мужчина, широко улыбаясь. Он, бесспорно, обладал невероятным обаянием и моментально располагал к себе.

— Да вы меня и не напугали вовсе, — расхрабрилась я. — Скорее обрадовали. Вы тоже уколоться хотите?

— Что, не понял? — он удивленно повернул голову на девяносто градусов, подставляя своё левое ухо практически к моим губам.

— Нет, ничего, ничего, — пролепетала я.

Жучка уставилась на меня во все глаза. Очевидно, моя смелость, поразила даже её. Незнакомец, несколько смутившись, продолжил:

— Я приехал в гости к вашей соседке, но дверь мне открыл совершенно чужой человек. Вы не в курсе, где сейчас Мария Ивановна?

— Вы имеете ввиду Изольду Марковну? — догадалась я, облегченно вздохнув. — Так она находится на лечении в больнице.

— Что-то серьёзное? — заволновался пришелец.

— Надеюсь, что нет, так, текущий ремонт. А квартиру она сдала в аренду на несколько дней, — зачем-то со-врала я.

— Понятно, — разочарованно произнес незнакомец, — Очень жаль, я хотел у неё остановиться. Ну, ничего, что-нибудь придумаю. Ещё раз извините за вторжение. До свидания.

С этими словами мужчина повернулся спиной и направился к лифту.

— Простите, а кем вы приходитеесь Изольде Марковне? — крикнула я ему вслед.

— Родственником, — ответил он, не поворачиваясь.

— А насколько близким? — не отставала я.

— Достаточно близким, — глухо произнес незнакомец, нажимая кнопку вызова лифта.

Чувство вины упало тяжелым грузом мне на плечи. Из-за моего гостя родственник Изольды Марковны вынужден ночевать на улице. Этого допустить никак нельзя. Я выбежала на лестничную площадку и спросила, прижимая ошалевшую от радости собаку к груди:

— Подождите, возможно, я могу чем-то помочь? Мы очень дружны с Марией Ивановной, давайте позвоним ей и что-нибудь придумаем. Меня зовут Кира, а вас?

— Федор, — ответил мужчина, застыв в нерешительности перед распахнутыми дверями, приехавшего лифта.

— Очень приятно. Пойдемте, выпьем для начала кофе, а там разберемся, — настаивала я.

Федор, уступив уговорам, последовал за мной. Жучка, вырвавшись из моих рук и оказавшись на свободе, стала настырно приставать к мужчине: она всячески ластилась и сопела, прыгая на задних лапах и преданно заглядывая ему в глаза, совершенно позабыв о том, кто в доме хозяин. И только после того, как ей почесали пузо, удовлетворенная и счастливая, позволила Федору пройти в комнату.

— Ты давно занимаешься разведением пираний? — поинтересовался гость, указывая головой на встроенный в небольшую нишу аквариум.

— Нет. Аквариумистом я стала чуть меньше года назад по неволе. Все началось с того, что муж моей сестры, Григорий, исколесил полгорода в поисках подарка своему сыну на день рождения. В отчаянии он забрел в зоомагазин, где среди прочей живности ему предложили купить пару-тройку рыбок на развод. Любящий папаша

счёл весьма оригинальным подарок, состоящий из зубастых хищниц. И, недолго думая, а, скорее всего, не думая вообще, приобрел несколько пираний и хомяка. Причем, последнего, Гришке явно всучили на сдачу. Новоиспеченного юнната совершенно не беспокоил тот факт, что в доме нет аквариума и клетки для грызуна. Поместив рыбок в двойной пакет с водой, а хомяка в карман, закрывающийся на молнию, Григорий поехал домой. Но, выходя из машины в гараже, юный натуралист решил удостовериться, жив ли хомяк, который странным образом поутих и не перебирал лапами последние пять минут. Грызун, должно быть, просто впал в кому от недостатка кислорода во внутреннем кармане кожаной куртки. Но, едва вдохнув морозного воздуха, резко встрепенулся и выскочил из Гришкиных рук. Стоит ли говорить, что следующие три часа Гришка гонялся по всей округе то ли за хомяком, то ли за его тенью. Поиски оказались тщетны. Неудачливый заводчик грызунов вернулся домой еле живой от усталости. Вторую часть подарка он, пребывая в растерянных чувствах, совершенно забыл.

— Не продолжайте, я, кажется, догадался, — улыбнулся Федор, переводя взгляд с меня на аквариум, — скорее всего, прожорливые мини-акулы вылезли из полиэтиленового пакета, прогрызли сквозную дыру в днище машины и рванули за хомяком на поиски приключений.

Посмотрев на молодого человека с нескрываемым интересом, я все-таки продолжила:

— Возможно, этот отчаянный план и был у рыб на вооружении, да на беду грянули ночные морозы, в результате чего замерзли не только все дерзкие мысли в голове у пираний, но и вода в пакете, где они находились.

— Какой ужас, — сокрушенно покачал головой Федор, постукивая по стенке аквариума пальцами.

— Этого не стоит делать, — вежливо попросила я, отстраняя руку гостя от стекла. — Пираньи очень пугаются внешних раздражителей. Порой достаточно щелчка по стеклу, чтобы они упали в обморок.

— Рыбы в шоке? Смешно.

— Ничего смешного. Они быстро впадают в панику, носятся по аквариуму, как сумасшедшие, сметая все на своем пути, а потом и вовсе замертво падают на дно, — обиженно возразила я.

— А кто сейчас живет в этом аквариуме? Привидения? — поинтересовался Федор с напускной серьёзностью.

— Ах, да, я отвлеклась. Всю ночь нашего Григория мучила совесть, терзая кошмарными снами. А под утро и вовсе пригрезилось, что на его животе лежат пираньи и, доедая несчастного хомяка, кровожадно посматривают на мужское достоинство юного натуралиста. Григорий проснулся в холодном поту. Ничего не обнаружив на своем животе, кроме руки спящей супружницы он немного успокоился. Но уже в следующий момент от внезапной мысли его подбросило, словно взрывной волной, к потолку. Примерно через пять минут несчастный Гришка бежал по хрустящему снегу к своей машине, где в холодном салоне были им опрометчиво оставлены дорогушие рыбины.

В пакете, в остатках воды плавала огромная глыба льда. Утирая скупые мужские слезы рукавом, Григорий понес замороженный подарок домой. Утешив себя тем, что безвыходных ситуаций не бывает и, что сварить уху из диковинной рыбы совсем не возбраняется, если только умолчать цену продукта, наш юннат швырнул ледяной комок в кастрюлю. Затем, налив туда достаточное количество воды и, бросив очищенную луковицу, он включил электрическую плиту. Каково же было его удивление, когда, зайдя в кухню через десять минут, он увидел трех рыбин, отчаянно носившихся в кастрюле, подбрасывая луковицу, словно мяч.

— Водное поло в кастрюле? Оригинально, — простодушно рассмеялся Федор. — Бедные пираньи, какой стресс они получили! Уха с адреналином — это круто!

— Конечно, комфортная температура для пираний 26 градусов, — проявила я осведомленность, — но они, как оказалось, могут выдерживать и заморозки.

— Чем же закончился эксперимент?

— Тем, что в итоге многострадальных пираний отдали мне. Точнее подарили на восьмое марта.

— Они, должно быть, частенько вас покусывают? — спросил Федор, с любопытством поглядывая на мои руки.

— Да нет. В аквариумах пираньи утрачивают агрессивность. Вопреки расхожему мнению, они абсолютно не прожорливы. Если рыбы сыты, то бояться нечего. Пираньи умеют влюблять в себя.

— А вас они узнают?

— Да, особенно после того, как стала оставлять рядом с аквариумом свою фотографию, — начала раздражаться я, но тут же взяв себя в руки, обратилась к Фёдору уже более спокойным тоном, — а у вас есть домашний любимец?

— Ха-ха! Смешно, конечно, называть рыбу домашней любимицей.

— Ничего смешного не вижу. Некоторые ведь держат жаб, мышей, змей, пауков. Так что рыбы еще не самые смешные любимицы. Всё дело только в том, есть ли у человека потребность делиться своей любовью с кем-то еще или нет.

— Согласен, — кивнул головой Федор. — У меня тоже есть потребность делиться любовью даже с тараканами, но, к сожалению, нет пока такой возможности. А вот в детстве, помню, жила у нас кошка, серая Приблуда, без рода и звания. Умнейшее и благороднейшее я вам скажу существо! Если кому-то не здоровится или грустно, Приблуда запрыгнет на колени, головой своей трется, слёзы слизывает, вроде как печаль делит. И уж как ей всегда угодить хозяевам хотелось, вы даже не представляете! Вот, к примеру, выловит в саду лягушку, лапы ей откусит и принесет бездыханное тело на порог, мол, смотрите, какая я умница, всех гадов переловила, чтоб они не квакали тут! Так же она и с мышами поступала.

— Какой ужас! — машинально всплеснула руками я.

— Да, коварная бестия! — подтвердил Фёдор, обрвав своё повествование.

Усадив гостя за стол, я принялась названивать Изольде Марковне, но она по-прежнему была недоступна.

— Вот и я не мог ей весь день дозвониться, — произнес Федор, — подумал, что номер сменила.

— Завтра съезжу к ней в больницу и все выясню. А вы можете составить мне компанию.

— Конечно, так и поступим, — согласился гость.

Накрывая на стол, я судорожно размышляла о том, как поступить в сложившейся ситуации. Мне представлялось два пути в решении данной проблемы: либо переселить Кватча к себе, освободив квартиру родственнику Изольды Марковны, что было логично и правильно, либо оставить Федора у себя, что было менее логично и совершенно неправильно. Имелся еще вариант: совершить рокировку гостями, а самой отправиться ночевать к сестре. Что же выбрать? В свете последних событий, а именно, разговора со Светкой, проводить время в компании Кватча совершенно не хочется. Ехать в гости к сестре на другой конец города тоже нет никакого желания. Приютить родственника Изольды Марковны в своей квартире, конечно благородно, но уж очень легкомысленно.

— Я вас, наверное, стесняю? — прервал мои мысли Федор?

— Что вы! — улыбнулась я гостю. — Мне очень приятно стесняться. Вы как раз кстати сегодня приблудились. У меня в холодильнике есть совершенно нетронутая курица. Предлагаю с ней расправиться немедленно!

— О! Это здорово! — воскликнул Федор. — Давайте выпьем водочки за знакомство! Я угощаю!

— Водочки? — растерялась я.

— Ну, да. У вас есть соленые огурцы?

— Нет.

— Катастрофа, — покачал головой Федор, извлекая из своей сумки огромную бутылку с прозрачной бесцветной жидкостью. — Вот у Марии Ивановны точно есть соленые огурцы.

— Скорее маринованные.

— Да не важно. У вас застеклен балкон?

— Нет, не застеклен. Вы будете курить? — поинтересовалась я.

— Нет, мы будем тырить огурцы, — запросто ответил Федор, поднимаясь из-за стола.

Ничего не понимая, я отвела гостя на балкон. Здесь у меня было все, кроме соленых огурцов, конечно. Однако, данное положение вещей гостя совершенно не смущало. Я даже не успела вскрикнуть, как Федор, словно заправский форточник, уверенно перемахнул с моего балкона на балкон Изольды Марковны. Через минуту он уже подавал мне трехлитровую банку с соленьями. В глазах его светилась бесшабашная улыбка.

— Огурцов здесь нет, придется закусывать помидорами, — сообщил Федор, возвращаясь обратно.

— Вы большой оригинал, — обратилась я к гостю, уже в кухне. — Мы могли бы войти в соседнюю квартиру через дверь.

— Зачем беспокоить квартиранта? Он, возможно, давно спит, — невозмутимо ответил родственник моей соседки.

Я посмотрела на Федора с укором. На вид ему было лет тридцать пять, но откуда столько мальчишеского безрассудства?

— Да, лучше было перепугать человека до смерти. Представляете, что могло с ним произойти, если бы он заметил вас, шастающего по балкону с банкой в руках?

— Ну, я об этом как-то не успел подумать. Кстати, а рюмки у вас имеются? — спросил Федор, открывая бутылку с зеленым змеем.

Пожалуй, родственники у Изольды Марковны такие же экстравагантные, как и она сама. Я молча выставила стопки. После вчерашнего пивного фестиваля употреблять спиртное не было никакого желания. Тем более с незнакомым мужчиной. Но если не выпить, к утру он, похоже, сведёт меня с ума. Что ж, предупрежу его на всякий случай.

— Вообще-то, я не пью водку.

— Я тоже, — улыбнулся Федор. — Поэтому мы будем пить медицинский спирт.

Данный факт меня покоробил. От неожиданности я так хлопнула глазами, что, по-моему, высекла искры ресницами.

— Час от часу не легче. А спирт вы тоже стырили, как и помидоры? И, мне кажется, я даже знаю где. Должно быть, в прозекторской, где раньше вскрывала трупы Изольда Марковна, она же Мария Васильевна?

— Стырил, ваша правда, но не там.

Федор наполнил стопки прозрачной жидкостью и принялся выкладывать помидоры из банки в глубокую тарелку,

стоявшую на столе. Я разогрела курицу в микроволновой печи и гордо выставила сей кулинарный шедевр на стол.

— Создается ощущение, что вы меня ждали. Курицу вот заранее запекли.

— Ждала, но не вас, — отрезала я, не глядя на гостя.

Родственник соседки начал меня раздражать. Еще одна выходка и я отправлю его ночевать к Кватчу. Вполне нормальный вариант, кстати. И почему он не пришел мне в голову сразу?

— Ну, за знакомство, — невозмутимо произнес Федор, поднимая стопку.

После выпитой второй рюмки мы перешли на «ты», а после третьей мое раздражение уступило место безудержному веселью. Федор показался мне необыкновенно милым. Я бессовестно разглядывала его практически в упор. У него были пепельно-русые волосы, огромные голубые глаза, обрамленные густыми ресницами, прямой длинный нос, как у Керка Дугласа в фильме «Спартак». Хотя, минуточку, пожалуй, нос у Керка Дугласа присутствовал не только в этом фильме, но это уже не важно. Главное, что Федор настоящий красавец и это нужно признать. А Изольда Марковна утверждала, что так не бывает. Кстати!

— Кстати, а ты женат?

— Нет! И никогда не был.

— Почему? — спросила я, стараясь придать голосу, как можно больше равнодушия.

— Не встретил ещё ту единственную.

— Может, в таком случае, стоит поискать единственного?

— Может и стоит, но я не по этому делу, — запросто, без тени обиды ответил Федор, — А ты, почему одна?

— Да так, все красавцы-олигархи проскакали на своих белых конях мимо меня. А на меньшее я не согласна.

— Вот интересная вещь, все женщины ищут какого-то Настоящего Мужчину, причём по всем приметам получается, что он один такой во Вселенной. А именно: страшно порядочный, без вредных привычек и материальных проблем, безумно мужественный и невероятно нежный, с маниакальной любовью к чужим детям и разведенным женщинам, и, несмотря на все эти достоинства всё ещё холостой. Может быть, имеет смысл уменьшить аппетиты, оглядеться вокруг, да и пока не поздно прихватить случайно пробегающего мимо сантехника Гошу?

— Можно ещё слесаря Петю, который, как в той песне «вечно молодой, вечно пьяный».

— Или его. Взять да и создать, не мудрствуя лукаво, тихое семейное счастье?

— Я подумаю об этом. На досуге.

После четвертой рюмки медицинского спирта, я поняла, что больше всего на свете хочу соленых огурцов. Где их взять, было уже известно. Я быстро поднялась на ноги и рванула на балкон. Перепуганная собака понеслась за мной галопом, по обыкновению заливаясь звонким лаем. Федор поймал меня как раз в тот момент, когда я уже наполовину свисала с балкона вниз головой.

— Ты куда? — спросил он, подхватывая меня на лету.

— За огурцами, — ответила я, насилу справляясь с головокружением.

— Их нет в стеллаже на балконе. Я же проверил в первый раз. Должно быть, банки стоят в холодильнике.

— И что теперь делать?

— Доедать помидоры.

— Нет! — поморщилась я и, решительно отстранив Федора с дороги, направилась в прихожую. Родственник Изольды Марковны с собакой подмышкой едва поспевал за мной.

В соседнюю квартиру я позвонила со всей дурацкой мочи. Так, скорее всего, дают о себе знать пьяные жены, вернувшись домой с гулянки. Дверь открыл заспанный Кватч. Он уставился на меня своими, как мне показалось в тот момент, рыбьими глазами, явно не понимая происходящего.

— Черт возьми, Кира! Что с тобой сегодня? Ты пьяна?

— Не твое дело! — рявкнула я, — чай не за рулем! И, вообще, отвали! Мы за огурцами!

Оттолкнув Кватча в сторону, я прошла на кухню, резко открыла холодильник и схватила первую попавшуюся банку солений. Сквозь прозрачное стекло ровные, как на подбор, огурчики выглядели весьма аппетитно. Тут в мою голову пришла гениальная идея. Решив, что столько овощей нам ни за что не осилить, я тут же на столе вскрыла банку и, выловив с десяток огурцов, и заполнив ими обе руки, совершенно счастливая вернулась в свою квартиру. В прихожей меня поджидал Федор с немым укором на лице.

— Кира, а ты теперь туда всю ночь ходить будешь и каждый раз приносить по три огурца? Пожалуй, квартирант к утру сойдет с ума от твоих визитов.

— Это его личное горе, — пожала плечами я и принялась докладывать огурцы в тарелку к помидорам. — Ну, наливай! Под такую закуску грех не выпить.

— Ты уверена? — засомневался Федор, вертя в руках бутылку.

— В тебе, признаться, уже не очень.

— Как скажешь.

Федор послушно разлил спирт по рюмкам.

— Так кого же ты ждала все-таки, — осушив очередную стопку поинтересовался мой гость.

Странный факт, но семейство Изольды Марковны невероятным образом располагает к чистосердечному признанию и мне, во что бы то ни стало, хочется излить им свои страдания. Известный польский писатель Януш Вишневский утверждал, что женщины живут воспоминаниями, мужчины тем, что забыли. И еще, что воспоминания всегда бывают новыми. Согласна с ним полностью. Понюхав, как полагается огурец, я принялась рассказывать одну за другой свои печальные истории. Как шутила моя бабушка: «от Рюриковичей». В данном клиническом случае — от Ориса через Климентия, Виктора, и Феликса к Кватчу. Федор слушал, внимательно, не перебивая, только иногда подливал себе спиртное в рюмку. По всей вероятности, мой рассказ тронул его до глубины души, потому что в конце разговора, он вместо Жучки гладил уже меня по голове. Я то и дело всхлипывала, припоминая новые пикантные подробности своих неудачных любовных походов. Наконец-то нашелся человек, который все выслушает, не перебивая, не осуждая и, самое главное, не давая своих сверхценных советов.

ГЛАВА 16

Я совершенно забыла, что постелить ему хотела на кухне... Я, вообще, про него забыла. Только утром, обнаружив вчерашнего гостя в своей постели, поняла, что где-то случился прокол. Но вспоминать на чем именно успокоилось сердце, не было никакого желания. Общее состояние, мягко выражаясь, страдало. Голова раскалывалась буквально на две части, нестерпимая тошнота накатывала волнами. Но было еще одно: чувство глубокого раскаяния в содеянном, которое, пожалуй, мордовало больше всего. Очень осторожно, стараясь не расплескать воспаленные мозги, я поднялась с кровати. Окружающие предметы медленно поплыли перед моими глазами. Нереальные ощущения, можно даже сказать: космические. Я старалась передвигаться плавно, словно на голове у меня блюдо с фруктами. Медицинский спирт для нежного женского организма — вещь, конечно, убойная. Проходя мимо аквариума на кухню, я заметила нечто, заставившее меня резко остановиться. На дне стеклянной ёмкости в зеленых водорослях лежал огромный надкушенный огурец. Как он попал к моим рыбкам, вспомнить не представлялось возможным. В другое время пираньи его проглотили бы в один присест. А сейчас, должно быть, объявили голодовку. Собака! Где же собака? Почему она не спала на моей голове и теперь не бьется в припадке безудержного веселья оттого, что я уже встала? Добросовестно обойдя всю квартиру, Жучки я не нашла. Тогда я решила вернуться к исходной позиции и еще раз, на всякий случай, проверить аквариум. К счастью, там собаки не оказалось.

Её я обнаружила в спальне, на голове у Фёдора. Должно быть, его состояние внушало собаке большее опасение. Немного успокоившись, я направилась в ванную. После водных процедур состояние заметно улучшилось. Еще немного кофе и можно начинать жизнь с чистого листа! Чёрт! А куда девать гостя и тут же вернувшееся горячей волной чувство сожаления? Стереть бы ластиком вчерашний вечер и позавчерашний и еще тысячу дурацких вечеров!

Я почти допила свой кофе, когда из спальни выскочила бодрая и счастливая Жучка. Всем своим видом она будто бы говорила: «Я ничего не пропустила интересно-го?» Вслед за Жучкой нарисовался Федор. Он был менее энергичен, но выглядел отлично. Создавалось впечатление, что отдохнуть он вчера лег вовремя, приняв перед сном стакан кефира.

— Кофе, чай? — уточнила я, стараясь скрыть чувство неловкости.

— Свежевыжатый сок, — ответил гость без тени смущения.

Я рассвирепела. Сейчас, всё брошу и побегу в магазин за апельсинами. Как же, размечтался!

— В наличии имеется томатный сок из пакета и рассол.

— Это не годится. Тогда, пожалуй, кофе по-мексикански, — произнес Фёдор совершенно будничным тоном.

— Насколько я знаю, в кофе по-мексикански добавляют какао и сливки. Последних двух составляющих у меня нет. Так что могу предложить только голый кофе!

— Такой не пью.

— Жаль, — с деланной грустью вздохнула я.

— Ничего, я переживу, — сказал Федор, скрываясь в ванной комнате.

По правде говоря, у меня было огромное желание выпроводить ночного гостя как можно скорее из своей квартиры. Очевидно, в другое время это забавляло бы до крайности, но сейчас я испытывала совершенно другое чувство. Раздражало абсолютно всё: наличие чужого мужчины в ванной, гора немытой посуды в раковине, мой несколько помятый вид, пронзительный лай собаки и надменное, почти презрительное, молчание пираний в аквариуме, тоже раздражало.

— Пожалуй, поеду в больницу, навешу Марию Ивановну. Ты мне подскажешь, где она находится? — обратился ко мне Федор, приглаживая влажные волосы.

— Конечно, — радостно откликнулась я, — сейчас напишу тебе точные координаты.

— Спасибо. Обещаю, что оттуда позвоню.

— Буду ждать, — ответила я, протягивая листок с адресом.

Ночной гость внимательно изучал схему проезда, словно хотел запомнить её наизусть. В воздухе повисла неловкая пауза. Даже Жучка, в несвойственной ей манере, как-то загрузила. И тут, неожиданно из моего рта вылетела фраза:

— Федор, мне очень неудобно, но я совершенно не помню, чем закончился вчерашний вечер.

— Да ничем особенным, — усмехнулся он, — ты уснула за столом, я отнёс тебя в спальню и прикорнул рядом. Других вариантов не было, а спать очень хотелось. Спасибо тебе за приют. Ты мне очень понравилась, Кира.

— Правда? Ну, я старалась, как могла.

— Нет, ты не старалась, — усмехнулся Фёдор, — напротив, в тебе чувствуется какая-то детская непосредственность.

— Она просто тщательно отрепетирована, — усмехнулась я.

Федор внимательно посмотрел на меня. Я даже немного съёжилась под его взглядом.

— Понимаешь, Кира, в отношениях между мужчиной и женщиной только ощущение искренности и сопротивляемости способствует небывалому магнетизму.

— Я в курсе. Но всё равно спасибо за напутствие и за лирическое отступление. Если верить твоим словам, любовь тебе отдать, я ещё не успела.

— Не успела, — расхохотался Фёдор, — ну, пожалуй, пойду. Созвонимся.

Закрыв за гостем дверь, я побежала к своему тайнику, где у меня хранились деньги и документы. Наличие ценных бумаг следовало, конечно, проверить раньше, но, как говорится, хорошая мысль приходит опосля. Деньги были на месте и, успокоившись, я отправилась на прогулку с Жучкой. Осеннее солнце было не тёплым, но приветливым. Мне тут же вспомнились слова одного прозаика, который утверждал, что «вместе с ощущением утренней свежести в него проникли смеющиеся лучи веселого дня». Надеюсь, они проникнут и в меня! А что, было бы неплохо!

Я как раз домывала последнюю тарелку, когда позвонил Фёдор. Голос у него был бодрый и жизнерадостный:

— Я только что от Марии Ивановны. У неё пропал телефон. Должно быть, обронила где-нибудь на прогулке.

— Как она себя чувствует?

— Уже лучше. Передает тебе привет, — весело сообщил Фёдор.

— Я навещу её вечером.

— О, Мария Ивановна, очень просила тебя не беспокоиться и ближайšie два-три дня не приезжать. У неё есть все необходимое.

— Ну, хорошо. А ты? Ты сегодня приедешь? Я постараюсь освободить квартиру Изольды Марковны.

— Не беспокойся. Я сегодня уезжаю. Рад был познакомиться и спасибо за гостеприимство.

— Пожалуйста...

Отключив мобильник, я присела у окна. Какая странная получилась встреча. Нечаянный гость, ночная суета вокруг огурцов, пьяная исповедь. Меня что-то беспокоило, но понять, что именно не представлялось возможным. Деньги целы, здоровье в норме, собака весела, рыбы счастливы, а чувство тревоги не оставляет. Ну, как говорят опытные автомобилисты, хороший стук всегда выйдет наружу. А пока нечего и голову себе забивать глупыми страстями. Я навела марафет в квартире и с чувством глубокого удовлетворения улеглась спать. Один рекламный ролик гласит: «И пусть весь мир подождет!» И пусть подождет!

Вечером объявился Виктор. Он, выражаясь языком Изольды Марковны, ангажировал меня на променад. Я отказалась, сославшись на головную боль.

— Эх, — вздохнул капитан дальнего плавания, — ела бы ты, Кируся, побольше морковки, может, зрение твоё улучшится и хороших мужиков наконец-то разглядишь!

— Вот этим и займусь немедленно, — пообещала я.

До моркови дело так и не дошло, а вот Кватча загрызть я решила. Сколько можно гостить, пора и честь знать! Наскоро одевшись, поправив волосы и подкрасив губы, я, полная решимости, отправилась выдворять приятеля без предупредительного звонка. Однако последнего в квартире не оказалось, по крайней мере, дверь никто не открыл. Ну, что ж, повторим попытку завтра.

Дома у меня надрывался телефон. Оказалось, что наяривал соскучившийся по мне Климентий. И это несмотря на воскресенье! Очевидно, семейная жизнь периодически начинает доставать своей обыденностью.

— Привет, дорогая, чем занимаешься? — весело спросил приятель.

— Жду твоего звонка, Кли, и плету кружево.

— Кира, я нахожусь в десяти минутах езды от твоего дома, давай увидимся, — запросто предложил он.

— Удивительно, — задумчиво произнесла я.

— Что именно тебя так удивляет?

— Сегодня выходной день, а ты, женатый человек, ищешь со мной встречи. Большинство несвободных мужчин проводят все праздники с семьей. Ты рискуешь, Кли. Не забывай, что константы важнее переменных.

— Иногда переменные бывают константами, — прохрипел приятель.

— Да? Я такого в законах математики не припомню. Забавный у нас с тобой роман. Я бы даже сказала: самобытный, а временами просто захватывающий. Ну, раз ты такой смелый, так и быть, встречу с тобой.

Собираясь на свидание, я бесконечно корила себя за легкомысленность. Нет, точно пора есть морковку тоннами. Вот опять поступаю недальновидно. Зачем тратить время на этого женатого мужика? Это же тупиковая ветвь. Уж лучше бы прогулялась с Виктором. Он, конечно, менее обязательный, но, между прочим, все ещё холостой. Но сейчас рассуждать об этом поздно, надо было думать раньше. Ладно, чего уж там, встречу в последний раз или предпоследний, а там выпрыгну на ходу. Ещё успею.

На лестничной площадке я столкнулась с Кватчем. Выглядел он, впрочем, как и всегда, вполне импозантно. Привычный холодок заполнил моё сердце, а потом и вовсе разлился по всему телу. «Чёрт бы побрал эту глупую ревность, — подумала я, — веду себя, как полная идиотка и выгляжу также».

— Завтра улетаю, — сообщил Кватч, открывая дверь ключом.

— Замечательно, — воскликнула я, но потом, спохватившись, добавила, — то есть очень жаль.

— Мы так и не поговорили, — произнес он, не скрывая сожаления.

— Часа через два вернусь, и мы поговорим. Идёт?

— Хорошо, договорились. Кто ждёт долго, может подождать ещё немного. Я подожду, — ответил Кватч, исчезая за дверью.

— Вообще-то, высказывание принадлежат Маркесу, — бросила я вслед, однако мои слова уже никто не слышал, так что блеснуть эрудицией не удалось.

ГЛАВА 17

Выяснилось, что я все-таки обладаю интуицией. Ощущение тревоги, преследовавшее меня на протяжении последних часов, имело под собой твердую почву. Войдя в свою квартиру после свидания, я сразу поняла: что-то здесь не так. Нарушена привычная для меня домашняя атмосфера. Я быстро огляделась. Нет, беспорядка не наблюдалось. Жучка прыгала также самозабвенно на задних лапах, безумно радуясь моему возвращению. Но в квартире было неуютно и холодно. Можно даже сказать, что она была насквозь выстужена. Я зашла в спальню и сразу поняла причину дискомфорта: окно отворено настежь. Интересно, как такое могло произойти? Очевидно, подумала я, после вчерашней ночной вылазки за помидорами кто-то из нас неплотно закрыл дверь на балкон. Немудрено, что случился сквозняк, и распахнулись все окна. Я поспешила устранить последствия вчерашних событий. Ну вот, через каких-нибудь двадцать минут микроклимат восстановится и в квартире опять будет тепло и уютно. Но, проходя мимо аквариума на кухню, я краем глаза заметила какое-то несоответствие, причём несоответствие было ужасающим. Этот чёртов сосуд с рыбами начинал меня раздражать. Я отчётливо поняла, что в нём произошла катастрофа. Ну, конечно, попробовала я себя успокоить, этот солёный огурец, забытый мною в воде, должно быть, вызвал процесс брожения, выделились эти, как их там, свободные радикалы и причинили рыбкам небольшой вред. Я включила свет и, вдохнув воздух полной грудью, вплотную подошла к аквариуму. То, что представилось моему взору,

превзошло самые отчаянные предположения. В аквариуме находился огромный посторонний предмет. Говоря попросту, это была голова человека. И что самое неприятное — я знала эту голову. Точнее знала того, кому она принадлежала до тех пор, как оказалась в моем аквариуме. Не в силах побороть в себе острый приступ тошноты, я бросилась в ванную комнату. Ужасная картина, сканированная моими глазами, преследовала меня повсюду. Находясь под впечатлением от увиденного, я пару раз вывернула свой желудок наизнанку, или просто он сам вывернулся. Хотелось бы отметить, что всё это происходило на фоне почти животного страха. Когда непроизвольные спазмы прекратились, я, несмотря на нервную лихорадку, старалась взять себя в руки. Надо рассуждать здраво, по крайней мере, попытаться. Если это не галлюцинации, то дело обстоит следующим образом: кто-то оторвал голову Кватчу и засунул её в мой аквариум. Мне же хотелось бы знать всего три вещи: кто, зачем и что теперь с этим делать? Я на цыпочках прокралась на кухню и, не включая на всякий случай свет, затаилась в углу. Интересно, в данный момент я одна в квартире или тот, кто расправился с моим приятелем, сейчас мне тоже оторвет башку и утопит её в сосуде с пираньями? Данная перспектива меня совершенно не радовала. Я прислушалась. Никаких посторонних звуков, только привычное урчание в животе у собаки. Что же мне предпринять в первую очередь? Позвонить в милицию? Пожалуй, это единственное, что никогда не поздно сделать. А если меня кто-то решил подставить? Он, скорее всего, только и ждет, когда приедут стражи порядка и скрутят мне руки. Надо искать другие варианты. Например, сообщить обо всем

сестре? Она тут же примчится с Гришкой, потом их автоматически запишут в сообщники. Нас всех заберут в участок, а бедный Артёмка без присмотра окончательно скатится на двойки? Нет, их впутывать я не хочу. Может, обратиться к Виктору? Он, какой никакой, а всё-таки капитан дальнего плавания, стало быть, мужчина со стальными нервами. По его рассказам, встречался не раз с акулами и морскими пиратами, так что вряд ли испугается головы моего бывшего хахаля, причём уже оторванной. Но капитана я почти не знаю, и это меня смущает. Климентию не могу позвонить по причине его женатости. Сомневаюсь, что он вырвется из постели с теплой благоверной в бигуди на встречу ночных приключений. Есть ещё, конечно, оператор в мексиканской шляпе. Воображаю, вот он приезжает со своей походной кинокамерой и все фиксирует для потомков. Тьфу, чёрт, для каких потомков? Оператору здесь тоже не место.

Ничего лучше не придумав, я набрала Светкин номер. Голос подруги был сонным и недовольным.

— Ты, что, забыла про разницу во времени? — прохрипела она. — У нас, между прочим, уже глубокая ночь.

— Извини, пожалуйста, — ступевалась я, глубоко вздохнув, — есть тема для обсуждения, а мне больше некому позвонить...

— Ну, говори, чего там, все равно разбудила уже, — снисходительно разрешила подруга.

— Вот смотри, — оживилась я, — допустим, ты приходишь поздно вечером домой и в аквариуме с рыбами находишь оторванную мужскую голову.

— Хм, а как у головы можно определить пол?

— Ты не ёрничай, лучше скажи, как бы ты поступила в таком случае?

— Взяла бы, да и выловила её сочком, чтобы рыбы не перепугались, — прыснула Светка.

— И куда дела эту голову потом? — не отставала я. — Положила бы в хозяйственную сетку с дырочками, снесла во двор, да? Или закопала под березой, или доставила сей трофей в милицию?

— Послушай, ты там не заморачивайся особенно на этот счёт, а иди спать. По-любому: утро вечера мудренее. Вот проснёшься завтра и всё уже в порядке! Либо галлюцинации прошли, либо твои акулы голову слопали. Вода чистая, прозрачная, водоросли покачиваются, рыбки золотые плавают. Нет головы, нет проблемы. Поняла? — покровительственным тоном произнесла подруга.

— Поняла, — согласилась я, услышав в трубке гудки.

Светка, конечно, не сочла мои опасения серьёзными. Приняла за сумасшедшую. Оно и понятно, на дворе октябрь, творческий кризис, стало быть, осеннее обострение. Безумно хотелось обратиться за помощью, но к кому? А что, если позвонить моему ночному гостю? Его номер остался в мобильном телефоне. Я, не раздумывая, нажала на кнопки. Но мне тут же сообщили, что абонент либо выключил телефон, либо недоступен по причине отсутствия в сети. Итак, Фёдор улетел на Луну. Тогда я на всякий случай набрала номер Кватча. Ответа не последовало.

Самое правильное позвонить Изольде Марковне. Во-первых, у нее железная логика, во-вторых, она, практически патологоанатом, хоть и бывший. Стоп! А где

остальной Кватч? Если в моем бассейне, точнее в аквариуме только его голова, то, что же случилось с телом? От этих, внезапно пришедших на ум вопросов, меня тут же бросило в жар, потом в холод, потом я, кажется, услышала шаги. Должно быть, то же самое показалось Жучке, она сразу напряглась и неодобрительно зарычала, нервно перебирая лапами. Кто-то ходил по моей комнате, и это было слышно с каждой секундой всё отчетливей. Стараясь не издавать лишних звуков, я осторожно выдвинула ящик кухонного шкафа и в темноте нащупала деревянную скалку. Вооружившись практически первобытным орудием, сразу же почувствовала себя немного увереннее. Но в следующий момент случилось непредвиденное. А все из-за этой Жучки, которая не на шутку испугавшись, сделала большую лужу на полу. Вот на ней, на луже, я и поскользнулась и тут же рухнула на пол, «удачно» приложившись к польскому керамограниту затылком (всё-таки в этот раз продавцы не обманули и половую плитку продали качественную: удар держит и не пружинит). В заключении я, взмахнув рукой, нечаянно со всей дури треснула себя скалкой по лбу. Необыкновенный фейерверк озарил темную кухню. Это было последнее, что я увидела, перед тем как отключиться.

Я обнаружила себя на полу, очнувшись от внезапного обморока. Рядом сидела Жучка и энергично лизала мой левый глаз. Любопытно, то, о чём я сразу вспомнила, мне приснилось или привиделось? Отогнав от себя собаку и тревожные мысли, я попыталась изменить своё положение в пространстве. Встать мне удалось с трудом, по-видимому,

здорово ушибла спину, падая на пол. Прихрамывая и держась за левый бок, я поковыляла в спальню. Жучка, как верный оруженосец, последовала за мной. Проходя мимо аквариума, я на всякий случай зажмурилась, чтобы не увидеть там чего-нибудь лишнего и не испугаться в очередной раз. Рухнув в постель, я, вероятно, сразу уснула. Либо этот провал был защитной реакцией организма на стресс, либо последствием травмы.

Спала я долго и счастливо. Даже собака не отвлекала меня от спокойного просмотра снов. И только назойливые лучи осеннего солнца, упрямо сверлящие глаз, и, присоединившиеся к ним настойчивые трели телефона заставили проснуться. Оказалось, что мои нервы добросовестно терзала Светка. Скорее всего, мстила своим утренним звонком за мой ночной вчерашний.

— Не знала, что ты такая злопамятная, — обиделась я.

Но Светка, не слушая сонное недовольство, обрушилась на меня:

— Всё-таки сделала по-своему, да? Ведь я тебя предупреждала! Зачем ты его удерживаешь? Ну, не будет он твоим, и не морочь себе голову! Отпусти его, слышишь?

— Ты о чём сейчас? Несёшь какой-то вздор!

— Не притворяйся! Ты знаешь, о чём идёт речь!

— Ошибаешься, я даже не подозреваю! Побалуй меня, объясни! — перейдя на крик, я перепугала спящую на моей подушке собаку. Та, в свою очередь, резко подскочила и, кубарем скатившись с кровати, оскалилась и залилась истеричным лаем.

— Я про Кватча. Сегодня утром он должен был прилететь из Москвы. Игорь отправился в аэропорт, чтобы встретить.

— И что?

— Он не прилетел, вот что! — взвизгнула Светка.

— Я его не убивала.

— Очень на это надеюсь, — иронически заметила подруга, — где Кватч?

— Не знаю, — отрезала я, но тут же ужасное вечерашнее видение предстало перед моими глазами. Неужели всё это было наяву? Остатки сна слетели моментально. Сердце бешено заколотилось и с разбега плюхнулось в живот. Я подпрыгнула на кровати и, швырнув трубку с вопящей Светкой, бросилась к аквариуму. К счастью, утро оказалось и вправду мудренее вечера и никаких посторонних предметов, ледящих кровь, в сосуде с рыбками я не увидела. Но там, тем не менее, отчётливо обозначился полный сбой всей биосистемы. Это был уже не кусочек моря в стекле, а небольшое «болотце» в банке. Одна рыбка, не выдержав такого микроклимата, печально болталась кверху пузом. Я вернулась к Светке. Она, как ни странно, всё еще трещала в трубке.

— Значит так, в аквариуме его нет, — хмуро сказала я.

— Где его нет? — переспросила Светка.

— В моей квартире его нет. Я пойду у соседки поищу, потом перезвоню.

Однако первым делом я вызвала профессионального ихтиолога из специализированного салона, занимающегося обслуживанием аквариумов. Затем, подхватив Жучку,

направилась в соседнюю квартиру. На мой настойчивый звонок ответа не последовало. Дверь была безнадежно заперта. Интересно девки пляшут, в смятении подумала я. Как теперь попасть в квартиру? Ключей-то у меня нет! Остается одно: перелезть через балкон. Но сегодня ужасала даже мысль об этом. Можно, конечно, съездить к Изольде Марковне за второй парой ключей. Но бедная женщина явно заподозрит неладное. А терзать её больное сердце сейчас никак нельзя.

Я пила свой уже глубоко не утренний кофе на залитой осенним солнцем кухне и размышляла о дальнейших действиях. Пробраться в соседнюю квартиру придется в любом случае. Либо я там найду обезглавленное бездыханное тело Кватча, либо найду его вещи. Но дело, во всяком случае, прояснится.

Пришедший через пару часов юноша-ихтиолог очистил дно аквариума от накопившихся нечистот, произвел замену части воды на свежую, натер стекла и промыл фильтры. Я внимательно следила за слаженными действиями специалиста. Нет, в обычное время мне самой, конечно, приходится следить за содержанием среды морских обитателей, но сегодня особенные обстоятельства, можно сказать, форс-мажорные.

В завершении работы молодой человек, подойдя ко мне вплотную, протянул на ладони странный предмет светло-синеватого цвета. При ближайшем рассмотрении я с ужасом догадалась, что это половинка человеческого уха.

— Экстренное обслуживание аквариума вызвано тем, что вы скормили рыбкам своего мужа? — змеиным

шепотом спросил аквариумных дел мастер, пытливо вглядываясь в мои глаза.

— Полно вам нести всякий вздор, — тщательно скрывая смущение, возмущилась я. — Это ухо предыдущего ихтиолога, он тоже был чрезмерно любопытен.

В воздухе повисла многозначительная пауза.

— Ну, хорошо, — ухватилась я за первую попавшуюся идею, — мой сосед работает в прозекторской. У него иногда бывают такие чёрные шутки. Иногда в банке с кофе я нахожу отрубленный палец с красным маникюром, в баночке с кремом — крайнюю плоть, а сегодня вот ухо в аквариуме.

Юноша с язвительной улыбкой принялся собирать свои инструменты. Больше вопросов от него не последовало. Проводив ихтиолога, я стала рассматривать найденное в аквариуме ухо. Кому оно принадлежало теперь, конечно, не поймёшь, но подозрения у меня, естественно, имелись. Учитывая утреннюю находку и отсутствие Кватча в аэропорту, списать всё на галлюцинации уже не получится. От этого становилось тревожно. Стало быть, голова в аквариуме действительно была, более того, кто-то находился на моей площади и свободно разгуливал по квартире. Вначале голову поместили на съедение пираньям, потом, воспользовавшись моим крепким сном, извлекли. Как ни крути, а жилище Изольды Марковны пора посетить.

Я вышла на балкон и нерешительно посмотрела вниз. Чёрт, седьмой этаж! Голова тут же закружилась то ли от страха, то ли от высоты. Наши балконы по счастью являлись смежными и не застекленными, но их разделяла

сплошная перегородка. Поэтому, чтобы пробраться на соседнюю территорию следовало обладать достаточной ловкостью. Так, в который раз старалась я рассуждать здраво, для начала следует обвязать себя крепкой веревкой, как в цирке, один конец прикрепить к какой-нибудь опоре, другим обвязать себя. Всё было бы хорошо, за исключением того, что я абсолютно не знала, где найти эту дурацкую веревку. Альпинизмом никогда не занималась, попыток повеситься у меня тоже пока не было, так что веревки в наличии не имелось и всё тут. Вероятно, все эти снасти для туризма продаются в специализированных магазинах, но таковых поблизости совершенно не наблюдалось. Можно, конечно, ещё связать простыни между собой, как показывают в некоторых фильмах. Именно с помощью таких подручных приспособлений хорошие герои всегда покидают места заточения. Но я как-то слабо представляла свои шелковые простыни в качестве страховки. Есть вариант снести перегородку. Но он тоже не подходит.

ГЛАВА 18

Мои размышления прервал настойчивый звонок в дверь. Кого это, интересно, еще принесло? А вдруг пришёл Кватч, принес ключи и объяснения? Или милиция? Как раз за объяснениями? Может, дистрофик-ихтиолог накапал на меня в правоохранительные органы? От страха начало подташнивать. Какой-то крупный сосуд отрывисто пульсировал в правом виске. Неугомонная Жучка, прыгая на задних лапах, уже зашла безумным лаем в

коридоре. Обреченно, даже не глядя в глазок, я отперла дверь. Передо мной стояла Светка.

— Ты? — удивленно спросила я. — Какого рожна ты приперлась?

— И я тоже рада тебя видеть, дорогая подруга! — ответила Светка, ступая в прихожую.

— Надеюсь, ты без Игоря? А где твой чемодан?

— Я без вещей. Знаешь, появилось импульсивное желание прилететь к тебе. Было странное предчувствие, что случились неприятности.

— Предчувствия тебя «не обманули», — пропела я арию из известного мультфильма. — Ты извини за такой сумбурный приём, просто я вся на нервах. Что-то странное вокруг меня происходит, и ничего понять невозможно.

— Выкладывай! — потребовала Светка и плюхнулась на тахту в прихожей.

Жучка тут же запрыгнула на колени к подруге и принялась предано смотреть ей в глаза, пытаясь лизнуть в нос между делом. Вот же предательница!

— Ты чего здесь расселась? — возмутилась я.

— Ты это кому? — оторопела Светка.

— Тебе! Пошли на кухню, чего-нибудь съедим, кофе выпьем. Отдохнешь с дороги, а уж потом поговорим.

— Да я не устала, всего-то три часа на самолёте. Ну, раз уж ты настаиваешь, пойдем, поедим. Это дело меня всегда стимулирует.

Во время приготовления пищи и самой трапезы, я нарочно не переводила разговор на последние события. И только за чаем (от кофе Светка отказалась, сославшись

на проблемы пищеварения) я, тщательно перемешивая сахар в кружке, обратилась к Светке:

— Все забываю тебя спросить: где же вы с ним познакомились?

— С Игорем?

— Ага.

— В кожно-венерологическом диспансере.

— О, Боже мой! Опять на те же грабли! Неужели наш плешивый кот нашёлся и ты его, как в детстве, посадила себе на голову?

— Нет, — улыбнулась Светка, — кот не виноват.

— Да? И что же вы там лечили? Надеюсь не то, о чём я подумала?

— Не знаю, о чём ты подумала, мы там лечили нервы.

— Нервы? — Я подпрыгнула на стуле. — Ничего себе! Насколько мне известно, нервы лечат в другом диспансере. А в кожно-венерологическом можно устранять лишь последствия любви.

Светка, прищурившись, посмотрела на меня и обиженно припечатала:

— Если ты будешь умничать и перебивать, вообще, ничего не расскажу!

Я по-детски прикрыла свой рот всей пятерней, давая понять, что больше не пикну.

— Так вот, — продолжила Светка, запивая свой рассказ остывшим чаем, — есть такой недуг: «проклятие кельтов» или «ирландская болезнь». Проявляется он сначала эпизодическим, а потом и постоянным покраснением лица, особенно области щек и носа. В дальнейшем проблемные

места приобретают синюшный оттенок, а сам человек, ведя трезвый образ жизни, становится похожим на запойного алкоголика. Говорят, этим страдала и принцесса Диана, и американский президент Билл Клинтон. Заболевание выбирает тех, кому за тридцать, голубоглазые блондинки вне конкуренции. Врачами данная патология была описана с наполеоновских времен. Но знающие люди толкуют, что в Лувре хранится картина «Старик с внуком», где художником еще в пятнадцатом веке был подробно изображен внешний вид человека с огромным, красным, бугристым носом, напоминающим разваренную картошку.

— Ой! Что-то не припомню у английской принцессы такого носа, — не выдержала я.

— Правильно, потому что проблемы с носом бывают только у мужчин, тогда как самим заболеванием страдают чаще женщины. Так вот, когда я заметила, что заливаюсь румянцем при каждом удобном и неудобном случае, всерьез запаниковала. Порой мне казалось, будто противная краснота и вовсе не сходит с моей физиономии постоянно. Перспектива иметь пурпурное, как у Деда Мороза лицо здорово пугала. Естественно, как любая нормальная женщина, первым делом отчаянно занялась самолечением. Ты не поверишь, я даже делала примочки из мочи.

— Иди ты! — ужаснулась я.

— Честное слово!

— Из своей?

— Нет, из ослиной! Что глупости спрашиваешь! Конечно из своей. Вот только пить не пробовала, но, признаюсь, была близка к этому. Конечно же, села на строгую

диету, исключила спиртное, кофе, сахар. А вот кефир и простоквашу пила ведрами! Да, да! Не смейся! Но чем правильной становился мой образ жизни, тем неправильней выглядело моё лицо. Я ежедневно накладывала на щёки тонны тонального крема, но к концу рабочего дня упрямые пятна все равно проступали наружу. Арсенал моих комплексов пополнился новым расстройством. Впав в депрессию, я старалась не глядеть на себя в зеркало. Так продолжалось несколько месяцев. Наконец, победив свой страх, я отправилась на прием к врачу в платную клинику. Там к моей проблеме не прониклись и, выкачав определенную сумму денег, оставили с недугом наедине, попутно припаяв омерзительный диагноз.

— Какой? — подавившись своим вопросом, я судорожно закашлялась.

— Он звучал так: «Оральный дерматит», — удовлетворила моё любопытство Светка.

— До этого мне приходилось слышать лишь об оральном сексе. А что, это сразу проявляется на лице?

— Ты, правда, идиотка или прикидываешься? — взорвалась Светка. — Они имели в виду, что кожное заболевание вызвано неправильным питанием. Посидев два месяца на вегетарианской пище и правильном образе жизни, никаких существенных результатов я не достигла. Отчаяние довело меня до кожно-венерологического диспансера. В очереди, состоявшей из таких же горемык как я, сидел Игорь с красным, как у заправского пьяницы лицом.

— У него тоже был «оральный дерматит» или он пришел кодироваться от алкоголизма? — уточнила я.

— Да, нет же! Он страдал блашинг-синдромом, — терпеливо ответила Светка.

— Вот это да! Час от часу не легче. У него, что блохи были? — вырвалось у меня.

— Ну, какие блохи! — вспыхнула подруга. — Блашинг-синдром — это внезапное покраснение лица в самый неподходящий момент. Мало того, что данное явление не очень эстетично, так ещё создаёт проблемы в общении и мешает карьерному росту.

— Понятно. Получается, что вы нашли друг друга. Встретились, тут же залились стыдливым румянцем и поняли: судьба!

— Да, где-то так все и было. Мы познакомились, разговорились и до сих пор общаемся.

— А что врач-то вам сказал?

— И ему, и мне приблизительно одно и то же: во всем виноваты нервы. Точнее их расстройство. Кстати, состояние влюбленности благотворно повлияло на наше здоровье. Мы или перестали краснеть, или просто не замечаем этого.

— Здорово. А ты, надо полагать, приехала на поиски Кватча? — хитро прищурилась я, сменив тему разговора.

— Скажем так, меня попросил Игорь съездить и выяснить ситуацию, — ответила подруга.

— А, ну, выясняй, — зевнула я, изобразив равнодушие.

— Ну, что ты обижаешься? — всплеснула руками Светка. — Человек пропал, на связь не выходит, домой не вернулся. Это естественно, что его друзья и родственники переживают!

— Послушай, я вашего Кватча сюда не звала! «Невиноватая я!» Он сам приехал. Ему здесь созданы были все условия, поселили в пустой соседней квартире, дали ключи. Чем он занимался я не в курсе. Няничить его я не нанималась! Тьфу, какая-то тавтология получилась: занимался, нанимался. Словом, не следила за Кватчем! Всё!

— Не заводись!

— А я не могу не заводиться! Меня непонятно в чем обвиняют постоянно. То звонят и кричат: «Не трогай Кватча, он почти женат!» Хорошо, не буду. Так они опять не унимаются, опять звонят: «Куда ты дела нашего дорогого Кватча?!» Да не трогала я его. Не знаю, что с ним и знать не хочу.

— Ну, успокойся, — погладила меня по голове Светка, встав со своего стула, — никто тебя ни в чём не обвиняет. Просто все беспокоятся.

— Там, в пепельнице, лежит кусок его уха, — махнула я рукой, указывая направление, — это единственное, чем я пока располагаю.

Светка, открыв рот, присела с грохотом мимо стула. Схватив подругу за руки, я помогла ей подняться. Надо же, какая она чувствительная оказалась! Одно ухо вызвало потерю ориентации. Да, легко было смеяться над моими ночными кошмарами, находясь за тысячи километров отсюда.

— Про ухо, это серьёзно? — запинаясь, спросила Светка.

— Я и про голову серьёзно.

— Что всё это значит?

— Ты у меня спрашиваешь? Я уже тебе всё это рассказывала по телефону. Вчера прихожу вечером домой, вижу в аквариуме чужую голову. То есть не совсем чужую, а как будто голову Кватча. Я прибежала на кухню. Позвонила тебе. Ты подняла меня на смех, я набрала Кватча, он трубку не взял. В это время в спальне раздались чьи-то шаги, у меня закружилась голова, я поскользнулась на Жучкиной моче и упала, а, придя в себя, решила, что всё это мне привиделось. Сегодня утром в аквариуме головы обнаружено не было, но ихтиандр выловил уху.

— Какой такой ихтиандр? — переспросила Светка, прищурившись.

— Обыкновенный, который аквариумы чистит, — передразнила я её.

— Надо найти Кватча. Где он проживал, кстати? — деловито осведомилась Светка.

— В соседней квартире. Как войдѐшь налево.

— Так пойдѐм туда!

— Как у тебя все просто! Дверь-то заперта. Ключей у меня нет, они остались у Кватча.

— Надо взломать дверь! — фонтанировала идеями подруга.

— Какая ты умная! Квартира эта не моя. Её хозяйка лежит в больнице с гипертоническим кризом. Ты, что предлагаешь мне прийти и сказать: «Уважаемая Изольда Марковна! В благодарность за Ваше гостеприимство мы выломали входную дверь и замочили командировочного у вас в квартире!»

— Хорошо, а какие у тебя предложения?

— Пойдём, покажу.

Мы вышли на балкон. Там ничего не изменилось с предыдущего раза. И высота не стала менее зловещей, и головокружение менее тошнотворным.

— Можно рискнуть перелезть через балкон, — посвятила я Светку в свои планы, — но без специальной подготовки страшно, да и страховки у меня нет.

— Я перелезу, — решительно заявила Светка, — ты, наверное, забыла, что наша команда в школе заняла первое место по спортивному ориентированию?

— Вот именно, в школе. Вспомнила бабка, как девкой была! Сейчас вывалишься за борт, что я тогда делать буду? Как объясню доблестной милиции, зачем ты с моего балкона вниз сиганула? Они решат, что я тебя столкнула! Нет уж, давай искать веревку или ремень.

— Давай! — покладисто согласилась Светка, — иди, ищи. А я пока осмотрюсь.

Я отправилась на поиски подручных средств. Тут мне в голову пришла одна идея. Вытащив из шкафа новый набор постельного белья и, вытряхнув из упаковки пододеяльник, я безжалостно разрежала последний на две равные части и принялась связывать их в длину. Узел получился, на мой взгляд, жидковатый. Ну, что ж, пусть чемпионка по спортивному ориентированию покажет мастер-класс. В этот момент в дверь позвонили. Я ухмыльнулась, подумав про себя, что дело принимает серьёзный оборот. Должно быть, уже сам Игорь пожаловал. В последнее время у меня не квартира, а проходной двор! Ну, ничего, главное, чтобы остались стены. Отпирая дверь, я

насупилась заранее, на всякий случай. Нет, я не удивилась, не опешила. Просто обалдела и всё. Передо мной стояла Светка во всей своей красе.

— Ты подрабатываешь у старины Копперфилда? — поинтересовалась я, придя в себя.

Светка вошла в прихожую и присела на тахту с озабоченным видом.

— Пока ты искала страховку, я спокойно перемахнула через соседний балкон. Ключи, кстати, были в двери, вот они, — Светка протянула мне связку, — но это ни о чём не говорит, замок захлопывается.

— Это говорит о том, что тот, кто уходил последним был очень рассеянным, либо просто не собирался возвращаться.

— Похоже на то, — согласилась подруга, — между прочим, Кватча я не нашла — ни целого, не по отдельности.

— А вещи? — встрепелась я. — Вещи там были?

— Там много вещей, откуда я знаю, кому они принадлежат?

— Из этого я делаю вывод: мне надо туда идти самой!

— Вперед!

Когда я обнаружила, что вещей Кватча в квартире нет, скажу честно, вздохнула с облегчением:

— Давай исходить из того: нет головы, нет проблемы! Так ты меня учила? Он смылся! Это следует признать!

— Ага, смылся, оставив тебе на память кусок своего уха?

— Ну, да, большую, не побоюсь сказать лучшую часть! — ухмыльнулась я. — Впрочем, вполне вероятно,

что это не его ухо. Но тогда встает вопрос: почему он не попрощался, не отдал ключи? Обиделся?

— Тебе виднее, — вздохнула подруга, выходя из чужой квартиры.

Я поспешила запереть дверь на все замки и с чувством выполненного долга вернулась на свою кухню. Светка, сидя верхом на стуле спиной к окну, отчаянно пыталась кому-то дозвониться. Наконец вождеденное соединение произошло.

— Его здесь нет, — сообщила она трубке, — и вещей тоже нет. Нет. Не знаю. Хорошо, до связи, — завершив разговор, Светка бросила телефон на стол и, уставившись на меня своими круглыми, как у кота глазами, бесшабашно принялась раскачиваться на стуле, как когда-то на перменах между уроками.

— Ты что, сдурела? — осерчала я. — Чего мебель ломаешь? Я, конечно, понимаю, что ты возомнила себя суперагентом, но всему есть пределы. Чай не в школе!

Светка посмотрела мне прямо в лицо, затем поднялась со стула и, набрав в грудь побольше воздуха, заговорила:

— Да никем я себя не возомнила! Просто Кватч Игоря подставил. Они вели общий бизнес. Вчера Кватч должен был встретиться с клиентами и прилететь с огромными деньгами. А он пропал, инсценировав своё убийство. Кстати, ухо я заберу, если ты не против.

— Не против. А если его и вправду грохнули? Ну, куда ему идти с чемоданом денег, сама посуди? Там у него невеста, дом, планы.

— Все очень странно, — согласилась подруга, — пойду приму душ и в аэропорт. Ещё успеваю на вечерний

рейс. Завтра на работу. Заверни мне вещественное доказательство, пожалуйста.

ГЛАВА 19

Если употреблять счастье столовыми ложками, рано или поздно оно надоеет. Особенно семейное счастье. Однажды захочется добавить пикантной горчинки к фруктово-приторной вате или придать стыдливый оттенок белоснежно-воздушной непорочности. Очевидно, именно этим каждый раз руководствуется Климентий, набирая мой номер телефона. Тем не менее, исподволь он мне регулярно даёт понять, что безумно счастлив в браке и ничего менять не собирается. Галя, а именно так зовут нашу, то есть его жену, чудесная женщина с отменным вкусом, фигурой и душой. Еще она обладает золотым характером и длинными черными ресницами, на которые, между прочим, даже тушь накладывать не следует! В итоге я постоянно ощущаю себя нелепым придатком, которым заполняют эмоциональную брешь в житейской дыре. Отношения без будущего лишены свежего воздуха и со временем дурно пахнут. Должно быть поэтому, услышав в трубке веселый голос Климента, я почувствовала запах мёртвой рыбы.

— Кирочка, дорогая, здравствуй!

— Привет, Кли.

— Я скучаю по тебе, — при этих словах его песочный голос превратился в сахарно-песочный. У меня даже во рту стало приторно. Возможно, ответ мой получился слегка ироничным:

— Какая, право, ошеломляющая новость!

Климентий замолчал. Вероятно, я перебрала с иронией. Еще обидится чего доброго, впадет в истерику, трубку повесит или сам повесится. Но не тут то было. Мой женатый друг обладал крепкими нервами. Выдержав паузу (хорошо, что за его счёт), он продолжал:

— Ты не в настроении, да? Голосок такой грустный. Тебе, что, место в метро не уступили?

— Уступили.... Поэтому я и взбесилась! Кстати, ты уже выпил с утра? Какой-то слишком возбужденный.

— Как ты все тонко чувствуешь, угадываешь на расстоянии? Я под впечатлением песен и музыки. А она совершенно точно все победит, все вылечит и всё преобразует!

— Понятно, — сказала я, попутно отвечая на электронные запросы наших клиентов.

— Хотя, ты правильно все подметила, есть участие алкоголя в моём образе мыслей.

— Кли! Какое безрассудство! Всего-то двенадцать часов дня!

— Ха-ха! Уже двенадцать, если учесть, что я домой не приезжал. Вот такой у тебя близкий знакомый алкоголик. Только не осуждай и не ругай, сам все прекрасно понимаю и сам себя бичую. Вчерашние приключения не связаны с женщинами, правда. Крутили московские бесы, сейчас переживаю и мучаюсь не только с похмелья, но и от осознания произошедшего.

— Расскажи, что было-то? — не удержалась я от любопытства.

— Короче, всё, как в кино. Взял документы для перерегистрации очереди на квартиру, привез в академию.

Ну, естественно, на кафедру с пустыми руками не придёшь. Прихватил джентльменский набор.

— Ведро коньяка и лимон? — подсказала я.

— Именно. Захожу, а там уже и стол накрыт, ну и пошло. Первый тост за присутствующих, второй — за присутствующих здесь дам, третий — за любовь, потом за дружбу... За звёзды тоже пили... Ты заметила, что они с тех пор стали гораздо ярче светить? Спустя три часа, оказалось, что мне непременно надо встретиться с однокурсниками в каком-то кабаке. После этого мероприятия я поехал провожать Алексея в Нахабино. Ужас. Зачем? Естественно, обратно домой меня не выпустили, позвонили Галке, она меня убила морально. Сейчас на звонки не отвечает... Вот так. Что скажешь?

Я вздохнула, подумав про себя, очень хорошо, что не являюсь его женой, и все эти переживания меня не касаются. А вслух произнесла, стараясь придать голосу сочувственные нотки:

— Ну, и не приставай к ней пока. Сейчас ничего не изменишь, надо дать время. Перемелется, мука будет, ты это знаешь лучше меня. Главное, что тебе вчера хорошо было. Иногда хочется «взбрыкнуть».

— Хо-хо, мой друг! Еще как хочется! — подхватил Климентий воодушевленно, затем, понизив голос, добавил: — Я очень счастлив, что ты у меня есть, что я тебя знаю. Вот, вспоминаю, ведь все образовалось у нас с тобой осенью. Волшебное время. Осень! Тихое плавное течение реки, запахи, ясная ночь, звёзды (они, как ни странно, тоже пахнут!). Кира, да я все понимаю, но мне очень

хочется, чтобы ты была в моей частоте, в моём камертоне. Хочется ощущать твою кожу под своей ладонью. Только не говори, что я — идиот. Будь снисходительна... Чёрт! Что за манера не отвечать на звонки? Это бесит!

От последних фраз я, захлебнувшись от праведного возмущения, просто подпрыгнула на стуле! Какая наглость! Получается, что он с придыханием шепчет мне на ухо сказки о любви, а сам, в это время, с другого телефона набирает номер своей жены!

— Ой, Кли, мне надоело обсуждать ваши с Галей проблемы. Тебе, по-моему, не любовница нужна, а психотерапевт. Ему ты сможешь смело рассказать про все свои неудачи.

— О, Боже! Я сам себе психотерапевт, оставим эту тему. В первую очередь мне женщина нужна для других целей. Ты же знаешь.

Но я уже завелась. Мне хотелось наговорить много вздора, точнее повздорить! Сохранив незаконченное письмо, я, прижимая трубку к уху, выбежала в коридор и там выплеснула обиду:

— Вот у вас, мужиков, все просто! Целую ночь где-то профестивалил, пришёл на работу, включил музыку, позвонил подружке и кайфует. Все у него хорошо! И только маленький нюанс: Галя не берёт трубку, чем слегка его бесит. А она, может быть, проплакала всю ночь от боли и обиды! Да, кстати, Кли, ну что ты можешь нового ей сказать? А слушать твои всхлипывания и просьбы о прощении ей порядком надоело. И поэтому, Кли, я живу одна. Просто не умею прощать. К сожалению или к радости.

Я теперь всегда OFF LINE, а значит, меня никто не сможет обидеть!

— Да, ладно! Ты сама-то веришь тому, что сказала? Кстати, я вот чего звоню: если хочешь, проведем четверг и пятницу вместе.

— В смысле?

— В прямом. Я как будто уеду в командировку, а сам рвану к тебе. Ты как, согласна?

— Мне надо подумать, Кли.

— Подумай, — обижено протянул Климентий и резко отключился.

Я задумалась. Как у него все славно получается. Можно даже сказать: беспечно, безобидно, легко! Он поедет в командировку. Наша Галя напечет ему в дорогу пирогов, нагладит пару рубашек, заботливо сложит в спортивную сумку семейные трусы в горошек и носки, куда же без них. Будет суетиться, вычеркивать из списка лишнее, напряженно вспоминать все ли предусмотрела. Презервативы, Галя, не забудь упаковать! Муж твой «редкий семьянин»! Нет. Не хочу. И не из высоких принципов. Просто две к одному и счёт явно не в мою пользу. Да пошёл он, к своей Гале! Я отключила телефон.

Навестить Изольду Марковну мне не удалось. В отделении был объявлен безоговорочный карантин по гриппу. Никого не впускали и не выпускали. Я уже собиралась уходить, когда заметила в вестибюле лечащего врача моей соседки. Он важно вышагивал в белом, хорошо отглаженном халате. Я, не раздумывая, бросилась к нему на

встречу. Мой отчаянный маневр, должно быть, напугал эскулапа. Он резко притормозил и озадаченно захлопал глазами.

— Олег Николаевич! — воскликнула я и тут же смутилась. После этого оставалось только добавить: «отец родной» и сходу рухнуть перед ним на колени.

— Да, да! Что с вами случилось? — спросил он, беря меня за руку в области запястья. — Пульс учащен, это свидетельствует о том, что вы возбуждены, либо вы напряжены, либо в гневе!

— Так и есть, я разгневалась! Меня не пускают в отделение. Говорят: «Грипп»! Что это значит?

— Это значит, что в медицинских лечебно-профилактических учреждениях города введен масочный режим, ограничен контакт здоровых с больными, а в школах приостановлен учебный процесс.

— А причем тут школы? — опешила я.

— На всякий случай, — невозмутимо ответил врач.

— Олег Николаевич, под вашим наблюдением находится Изольда Марковна из седьмой палаты. Уже несколько дней я о ней ничего не знаю. К телефону она не подходит, а в отделение меня не пускают. Скажите, пожалуйста, как она себя чувствует, и когда её отпустят домой?

— Вы что-то путаете. У меня нет такой пациентки, — отрезал врач. — Уточните информацию в столе справок.

— Ничего я не путаю! Совсем недавно вы заходили к ней в палату, справлялись о самочувствии. Я, кстати, при этом присутствовала.

— Извините, я спешу. Обратитесь в справочное окно.

Врач важно зашагал прочь, оставив меня в полном недоумении.

Я вышла на улицу и только у метро сообразила, что моя соседка, скорее всего, проходит курс лечения под своим оригинальным именем. Но возвращаться в больницу и опять пытаться важного эскулапа не было никаких сил.

Отчаянный лай Жучки доносился до первого этажа. Возмущению её не было предела. Лифт, по известному закону подлости, находился в состоянии невменяемости, то есть он напрочь отказался меня перемещать в вертикальном направлении. Я бросилась бежать вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Сердце моё неистово колотилось в груди, и готово было выскочить наружу через горло. Думаю, на свой этаж я влетела со скоростью света. На лестничной площадке мною был обнаружен посторонний мужчина. Он стоял спиной ко мне и изо всех сил давил пальцем на соседский звонок, который просто охрип от негодования.

— Ну, что вы делаете?! — набросилась я не незнакомца. — Моя собака совсем извелась. Неужели непонятно, что Изольды Марковны нет дома.

Мужчина медленно обернулся и внимательно посмотрел на меня. Ой! В незнакомце я узнала Ивана Петровича. Именно его поэзия была так бездарно уничтожена бестолковой Жучкой.

— Вы не знаете, куда подевалась Мария? — обратился ко мне поэт. — Который день к ней прихожу и все не могу застать дома.

— Она находится на лечении в больнице. По-моему давление и небольшие проблемы с сердцем, а в целом ничего страшного. Сегодня хотела её навестить, но меня не пустили в палату, поскольку в отделении устроили карантин по гриппу. Но, надеюсь, скоро срок её заточения истечёт, и она вернётся.

— Спасибо вам большое, — Иван Петрович с чувством пожал мою руку.

«Должно быть, он меня не узнал», — пронеслась в моей голове спасительная мысль.

— Да не за что, — великодушно ответила я.

— А книгу Вы мою ей передали? — спросил престарелый поклонник моей соседки, с надеждой заглядывая мне в глаза.

— Передала, — сходу соврала я, не моргнув глазом, — но в тот самый день её госпитализировали, как бы в такой суете книжка не потерялась.

— Не потеряется, — удовлетворенно произнёс Иван Петрович. — Мария никогда не выпускает из рук того, что к ней попадает. Ну, не смею вас задерживать. До свидания.

— Всего хорошего.

Я набрала в грудь побольше воздуха и вошла в свою квартиру. Есть предчувствие, что, вся эта история с лирикой ещё не закончилась. Как там говорят: продолжение следует? Где теперь мне взять его стихи? Хоть самой, право, в пору сочинить. Что там было? А вот, вспомнила: «Ты можешь мне не отвечать, ты все равно не скажешь честно. Моя любовь тебе чуть лестна, ты можешь мне не отвечать». Эх, сколько надрыва и трагедии! Нет, наверное, я так не смогу. Может переписать от руки из

Интернета стихи какого-нибудь мало известного поэта, вручить эту липу Изольде Марковне, да и дело с концом!?! Сомневаюсь я, чтобы моя соседка прочитала хоть пару страниц этой дилетантской лирики. Пожалуй, так и поступлю при первой же возможности. Надо только тетрадь купить коричневую и замызгать её как следует.

ГЛАВА 20

Телефон я умышленно не включала. Не хочу никого слышать и все. Займусь лучше собой. Я уверенно смешала майонез с растительным маслом для пущей жирности, затем втерла полученное месиво в корни волос, натянула сверху полиэтиленовый пакет и обмотала теплым платком. На лицо заботливо нанесла не совсем свежую сметану и, с чувством выполненного долга перед красотой, принялась пить чай с лимоном. И с шоколадом. Шоколад шёл в прикуску. Точнее бежал. Ну и пусть. Моим мозгам, как никогда сейчас нужна глюкоза. Столько всего произошло, а я до сих пор ничего не могу понять.

В дверь позвонили как раз в тот момент, когда я доела последнюю дольку шоколада. «Хорошо, что успела съесть», — подумала я про себя, и отправилась открывать дверь.

— Ой, что это ты себе на голову накозлячила? — сходу спросила Верка, по-хозяйски входя в квартиру.

— Питательная маска для волос. А ты что подумала?

— Подумала, что тебе только косы не хватает. А капюшон уже есть. Кстати, ты чего телефон-то отключила? Мы тебе второй день дозвониться не можем.

— Скрываюсь от поклонников.

— Иди ты! Как интересно! Расскажи, а?

— Да рассказывать-то особо нечего. Соседка хотела устроить мою личную жизнь, нашла мне пару-тройку идиотов. Счастливой меня не сделала, но от усердия попала в больницу. Вот и всё.

В этот момент из кухни выбежала собака, но, увидев мою сестру, резко дала задний ход, трусливо поджав хвост. Понятное дело, чувствует, что может получить конкретную взбучку за испорченный диван.

— А эта дармоедка надолго здесь поселилась? — указывая на Жучку рукой, поинтересовалась Верка.

— Боюсь, что навсегда, так же как и пираньи, заботливо оставленные вами на два дня. Слава Богу, что сбежал хомяк, а то и он бы сейчас носился по моей квартире, как угорелый.

— Ну, раз у тебя всё хорошо, пожалуй, пойду, — обиженно поджала губы сестра, — меня Гришка внизу в машине ждёт. И ещё, дорогая, не забудь завтра перед выходом из дома снять этот кокон с башки.

— Не волнуйся, я записку на входную дверь приклею: «Выходя, убедись в наличии головы на плечах».

Вот и пообщались, подумала я, закрывая дверь. Сестра приехала меня навестить из лучших побуждений, а разговора не получилось. Сплошное ехидство. Не порядок. «Решено! — пообещала я себе, — непременно в ближайшие выходные куплю трюфельный торт и шампанское, и поеду к Верке заметать следы пробежавшей между нами кошки».

Переполненная благих намерений, я отправилась в ванную смывать с себя деликатесы. Вероятно, помолодею сразу лет на пять, а то и больше. И немедленно начну новую жизнь! Немедленно!

Едва я высушила феном волосы, как квартиру наполнила очередная трель дверного звонка. Кстати, о трели. Помню, в четвертом классе я отчаянно путала понятия «трель» и «дрель». Поэтому в диктанте про соловьев я написала, что они «заливались в саду дрелью». Эта была единственная и очень обидная ошибка. Пока я вспоминала школьные годы, звонок продолжал надрываться. Вместе с ним надрывалась моя собака. Нет, это просто дом свиданий какой-то, честное слово! Гости идут просто косяком, причём несколько дней подряд. И все какие-то странные гости! То воруют у соседей помидоры, то теряют свои уши в моем аквариуме, то передают свою сумасшедшую поэзию. Они меня просто изводят! По привычке, не глядя в глазок, я распахнула дверь.

Судя по-всему, жизнь начинала налаживаться. Ко мне опять наведалься мужчина. Да не просто мужчина, а настоящий врач! На пороге стоял Олег Николаевич. Да, да, тот самый врач из кардиологического отделения, где проходила курс лечения моя соседка.

— Вы!?! — воскликнули мы с ним одновременно и тут же расхохотались.

Чувствовалось, он был несколько обескуражен, ну, а что до меня, то я уже успела привыкнуть к разным неожиданностям.

— Забавно, — произнес он, протягивая для приветствия руку, — вот не ожидал вас здесь увидеть.

— Вы проходите, — опомнилась я, — что в дверях стоять?

— Да я, собственно говоря, по-делу.

— Понятное дело, что не на чай.

Олег Николаевич смущенно продолжал:

— Мария Ивановна просила меня заехать к вам и взять её вещи. Она на днях выписывается. Минуточку, а вы меня про кого сегодня спрашивали?

— Ой, пустяки, — ответила я, махнув рукой. Зачем компрометировать соседку, выдавая её маленькие слабости. Будет ещё над ней посмеиваться. Я решила не возвращаться к теме моего сегодняшнего визита в больницу.

— Может быть мне заехать позже, а вы пока все приготовите по списку?

— А что большой список? — испугалась я. — Позвольте взглянуть.

Эскулап протянул мне сложенный вчетверо лист бумаги. Пробежав глазами перечень необходимых вещей, я обратилась к Олегу Николаевичу:

— Пожалуй, на сборы много времени не уйдет. Я отправлюсь на поиски немедленно. Вы проходите, не разувайтесь.

— Ой, что вы! Разуюсь непременно! — Олег Николаевич обаятельно улыбнулся и начал торопливо снимать обувь.

В этот момент мне в голову пришла мысль, подкупающая своей новизной. Что если Изольда Марковна занимается сводничеством даже из палаты интенсивной терапии? Вот и кардиолога мне подслала с таким нелепым

заданием. Где это видано, чтобы врачи сами за вещами пациентов являлись, да ещё разувались в квартире? Я решила расставить все точки над *i*, не отходя от кассы:

— Как приятно, что вы откликнулись на просьбу своей пациентки. Держу пари, она такая у вас не одна! Но, право, нельзя так баловать своих больных, они просто сядут на шею со временем.

— Это особенный случай, — живо отозвался доктор. — Мария Ивановна хорошая подруга моей двоюродной сестры. И потом, я живу здесь недалеко, мне, можно сказать, по пути.

Я, облегченно вздохнув, провела гостя в комнату и предложила расположиться в своем единственном кресле. Сама же немедленно отправилась в квартиру к Изольде Марковне. Поиски необходимых вещей оказались плодотворными и не заняли много времени.

Олег Николаевич встретил меня в прихожей. Создавалось ощущение, что он чем-то не на шутку обеспокоен.

— Что-то случилось? — спросила я своего гостя.

— Скажите, а Вы всегда кормите своих рыб ЭТИМ?

— Чем «этим»? — переспросила я, почувствовав что-то неладное.

— Там в аквариуме, — он указал рукой в сторону комнаты, — плавает голова.

— Опять? — воскликнула я, бросая собранные вещи на калошницу в прихожей.

— Не знаю, — обескуражено произнёс эскулап.

Я бросилась к аквариуму. В мутноватой воде цвета мясных помоев действительно плавала голова, точнее

практически заполняла весь сосуд. Вокруг головы, образуя некое подобие венка, «висели» мертвые рыбы.

Отпрянув в ужасе от аквариума, я обратилась к Олегу Николаевичу:

— Понятия не имею, откуда она здесь взялась! В это трудно поверить?

— Вы мне так нравитесь, что я готов поверить не только в это, — запросто ответил он.

Я с благодарностью посмотрела на врача.

— Ну, а кому она принадлежит, точнее, принадлежала, вам известно? — осведомился он.

Я перевела глаза с головы Олега Николаевича на голову в аквариуме. Сквозь мутноватую воду различить черты лица было сложно. Эскулап перехватил мой взгляд и пришёл мне на помощь:

— Может её следует вытащить и получше разглядеть? У вас есть перчатки?

— Только если хозяйственные.

— Тащите! — распорядился врач.

Я побежала в ванную и через минуту принесла ярко оранжевые резиновые перчатки. Олег Николаевич с огромным трудом натянул их на свои большие руки.

— Давайте поднос, — скомандовал он.

— Кому под нос? — переспросила я.

Эскулап посмотрел на меня с нескрываемой жалостью.

— Я имею ввиду блюдо или какой-нибудь лоток.

— А! Поняла, поняла! — я побежала в кухню за тарой. Жучка вприпрыжку неслась за мной с весёлым лаем.

— Лучше несите что-нибудь металлическое, — крикнул мне вслед Олег Николаевич, — его легче потом продезинфицировать.

Я принесла эмалированную чашку, которую обычно использовала для приготовления варенья. Олег Николаевич смело запустил руку в аквариум. Мне же захотелось зажмуриться от страха.

— Катастрофа! Волос почти нет, схватить не за что, — прокомментировал эскулап свои действия, засовывая вторую руку в сосуд с водой. — Поднесите поближе ёмкость, чтобы мы не залили все вокруг.

Я придвинула чашку вплотную к аквариуму и предусмотрительно отвернулась. Олег Николаевич бросил в таз извлеченную из воды голову и быстро выхватил посудину из моих рук.

— Ну, что, теперь узнаете? — весело обратился он ко мне, поставив чашку с головой на журнальный столик.

Я, преодолевая чувство отвращения, уставилась на улов. Из таза на меня смотрели с безразличным выражением два круглых, словно блюда, голубых глаза. Ухватившись за край стола, чтобы не упасть, я сделала два прерывистых вдоха. Олег Николаевич сбросил перчатки и усадил меня на стул, а сам присел рядом на корточки.

— На ком-то я уже видела эти глаза, — пришлось мне высказать вслух своё предположение.

— Да, ну! — восхищённо произнес эскулап.

— Да. Это Орис. Точнее его голова.

— Кто такой Орис?

— Один мой знакомый. Мы с ним расстались. Давно.

— Видимо не совсем расстались.

— Видимо да.

— Скажите, — произнес, оглядываясь по сторонам, Олег Николаевич, — а вы счастливая обладательница только головы или где-нибудь завалялись остальные его части тела и органы?

— Не знаю, — честно созналась я. — Может и завалялись. Следует все внимательно проверить.

— Тогда за дело! А мне пока стоит разобраться с головой.

Старательно осмотрев самые потаенные углы своей квартиры, ничего подозрительного я не обнаружила. Возникло такое подозрение, что голова в моём аквариуме материализовалась из икры пираний.

ГЛАВА 21

Размешивая без всякого энтузиазма ложкой сахар в чашке, Олег Николаевич о чём-то сосредоточенно размышлял. Я сидела напротив него и машинально трепала за ухо собаку, вольготно развалившуюся у меня на коленях. В кармане у эскулапа завозился телефон, тихо бубня какую-то невыразительную мелодию. Олег Николаевич вытащил мобильный, внимательно посмотрел на экран, затем, хладнокровно нажав на красную кнопку, вернул аппарат на место. Мы, словно соучастники, избегали прямых взглядов. Интересно, какие мысли сейчас роятся в его голове? Поди, думает: «Вот влип! На ровном месте! Как теперь из этого выпутываться?» Да, получается, подставила его Изольда Марковна!

Наконец Олег Николаевич поднял на меня свои большие, умные глаза и спросил в упор:

— Вы понимаете, что произошло убийство?

— Да, — одними губами произнесла я.

— Что вы обо всем этом думаете? — напал эскулап, точно следователь.

— Мне страшно об этом даже думать.

— Это понятно, — он помолчал. — Так откуда взялась голова?

— Первая?

Олег Николаевич удивленно вскинул брови и хлопнул густыми ресницами. «Зачем они ему нужны такие густые?» — пронеслось у меня в голове.

— Что значит: первая? Их было несколько? — он подскочил, как ошпаренный.

— Две, — обреченно вздохнула я, опустив плечи. — Пока две.

— Чёрт знает что! Послушайте, расскажите уже всё по порядку!

— Да вам-то зачем? Вся эта история дурно пахнет, — поморщилась я. — Вас, наверное, дома ждут.

В этот момент я почему-то вспомнила Галю, жену Климентия. Она мне представилась в розовом халате, белых тапочках с помпонами и, конечно, непременный атрибут замужней женщины средних лет — бигуди на голове.

— Подождут! — отрезал эскулап, стукнув ладонью по столу. — Рассказывайте!

— Ну, если в общих чертах, не вдаваясь в подробности...

— Нет! Так не годится! Именно с подробностями, с пикантными! Раз уж я в это вляпался, то хочу знать всё! — заявил эскулап, выходя из себя, но потом как бы спохватившись, добавил: — Вы не переживайте, тайну исповеди я гарантирую.

«Что же мне делать? — подумала я и внимательно посмотрела на собеседника. — Идти с ним в разведку или нет? Не то чтобы я не доверяла ему, но кое-какие сомнения на его счёт у меня имелись. Ладно, рискну. Возможно, в чём-нибудь разберемся. Все-таки у него должно иметься клиническое мышление, стало быть, логика и здравый смысл присутствуют».

— Честно говоря, даже не знаю с чего начать, — приступила я к повествованию. — Мы переписывались по электронной почте, точнее по ICQ. Должна заметить: это было забавно. Пожалуй, я влюбилась в него заочно. Знаете, как это бывает?

— Не имею ни малейшего представления, — строго заметил Олег Николаевич. — Возможно, от того, что очень занят, или отстал от жизни. Но не осуждаю совершенно и не претендую на истину в последней инстанции. Итак, случилась любовь по переписке. Что было дальше?

— Ситуация осложнялась тем, что он жил в другом городе. Я поехала в гости к подруге, а под шумок познакомилась с ним. Вскоре он прибыл с ответным визитом. Но, если бумага терпит всё, то реальность, по обыкновению вносит свои коррективы. Взаимной симпатией мы не прониклись (тут я, конечно, слукавила относительно себя). С разрешения Изольды Марковны...

— Позвольте полюбопытствовать, — не удержался Олег Николаевич, — кто такая Изольда Марковна? Вы бесконечно о ней упоминаете.

— Изольда Марковна, она же Мария Ивановна. Есть такое маленькое хобби у пожилой женщины — менять имена. Так вот, с разрешения вашей пациентки, я поселила своего гостя в соседней квартире. Мы практически не общались. Он целыми днями занимался решением своих проблем.

— Упс! А с этого момента поподробнее! Какими такими проблемами?

— По словам кавалера моей подруги, а Кватч с ним сотрудничал, это были финансовые вопросы.

— Стало быть, здесь совсем не романтическая встреча намечалась, если только ваш друг не хотел совместить приятное с полезным!

— Кватчу кто-то должен был передать крупную сумму денег. И я полагаю, что сделка состоялась, потому что он резко засобирался домой. Накануне отъезда мы договорились с ним встретиться и спокойно пообщаться. Но, вернувшись вечером домой, я обнаружила его голову в своём аквариуме.

В этот момент я почувствовала, что слова мои просто прилипли к небу. Чтобы избавиться от небывалой сухости во рту мне пришлось сделать пару глотков остывшего чая. Олег Николаевич, не перебивая, внимательно следил за мной. Я продолжила:

— Конечно, я пребывала в смятении. Да что там смятение, это был настоящий ужас. Я побежала в ванную,

затем на кухню, где благополучно упала в обморок. Сколько пролежала на полу под столом точно сказать не могу, но когда очнулась, решила расценить все как зрительные галлюцинации и, не заглядывая в аквариум, улеглась спать. Утро, к счастью, оказалось мудренее вечера, и головы в сосуде с рыбами я не нашла. Что с ней случилось неизвестно. Я уже было хотела облегченно вздохнуть, но все оказалось гораздо сложнее. Во-первых, ихтиолог, вызванный мной для очистки аквариума, нашёл человеческое ухо в дебрях водорослей, во-вторых, Кватч действительно исчез. Он не отдал мне ключи от квартиры Изольды Марковны и не вернулся домой положенным рейсом.

— Его поиски ведутся активно?

— Приезжала моя подруга, мы обыскали квартиру, где он временно проживал, но ничего подозрительного не обнаружили. Я отдала ей ухо, найденное в аквариуме. Больше мне ничего неизвестно.

— Да..., — многозначительно произнес Олег Николаевич, потирая пальцами лоб. — Напрашивается простой вывод: вашего знакомого убили из-за денег. Но дальше начинается полный абсурд: вам в аквариум подбрасывают голову. Зачем? Чтобы напугать? Положим так. Задачу выполнили — напугали до смерти. Голову забрали, воспользовавшись вашим крепким сном. Зачем? А просто заметали следы, уничтожали улики. Почему оставили ухо? Обронили случайно? Или все-таки неслучайно? Вопрос. И ещё, где же тело? Вынесли из дома по частям? Но в квартире вы не обнаружили ничего подозрительного, хотя должны оставаться следы крови! Вымыли все после

расчленения? Маловероятно. Вещей вы тоже не нашли. Не нашли?

Я отрицательно помотала головой.

— Стало быть, есть что-то, чего мы не знаем. Кстати, к нему приходили гости?

— Нет, не видела. А там, кто знает?

— Верно, если не видела, не значит, что их не было. А этот Орис, он тоже командировочный?

Я метнула в Олега Николаевича взгляд, полный негодования. Он осознал свою оплошность, поэтому поспешил извиниться:

— Простите, я, кажется, неудачно пошутил. Хотел немного вас развеселить. Итак, кто такой Орис?

— Уже говорила: мой знакомый, — недовольно буркнула я, не глядя в сторону следователя-самозванца.

— Я это помню. Но ведь не каждый ваш знакомый попадает в аквариум с рыбами? Значит, в нём было что-то особенное, отличное от других?

— Да ничего в нем не было особенного. Внешность заурядная. Да, впрочем, вы и сами могли в этом убедиться. Обладал резким, почти солдафонским юмором, раздавал пустые обещания и постоянно лгал.

— Понятно. А чем по жизни увлекался?

— По словам Изольды Марковны, был «гробовых дел мастер».

— Это как?

— Говорил, что является владельцем мебельной фабрики. Но, на самом деле, просто занимал там какой-то руководящий пост. Мы с ним расстались прошлым летом.

— Легко? С обоюдного согласия?

— Нет, по его инициативе. Я была не готова к расставанию и тяжело переживала разлуку.

— Что же послужило поводом? — не отставал въедливый эскулап.

— Банальное недопонимание, — вздохнула я.

Олег Николаевич внимательно посмотрел на меня, затем откинулся на спинку стула и продолжил свой допрос:

— А как, по-вашему мнению, его голова могла оказаться в аквариуме?

— Понятия не имею. Даже нет никаких предположений, — всплеснула руками я, перепугав мирно спящую на моих коленях Жучку. Последняя резко подскочила и, не удержав равновесия, кубарем скатилась на пол. Окончательно проснувшись от удара, несчастная собака громко и обиженно залаяла. Олег Николаевич соскочил со своего стула и, подхватив Жучку, принялся её утешать. Воспитанница Изольды Марковны была абсолютно счастлива. Она, конечно, ещё поскуливала для порядка, но в этом выглядела совсем неубедительно.

— Пожалуй, не буду вас больше мучить своими расспросами и пойду подобру-поздорову, — сообщил эскулап, отпуская успокоившуюся Жучку.

— Ага! Бойтесь оказаться в аквариуме? — вырвалось у меня.

— Конечно, боюсь, — добродушно хохотнул Олег Николаевич. — Вам следует отдохнуть и успокоиться. Возможно, стоит принять таблетку снотворного. С вашего позволения, я загляну к вам послезавтра вечером?

— Обязательно приходите. Буду вас с нетерпением ждать, — искренне заверила я, протягивая руку.

— И ещё, — доктор сделал небольшую паузу, — вы не буде возражать, если я заберу эту голову? Она вам сегодня не нужна?

— Нет, совершенно не нужна. Забирайте её навсегда и не благодарите меня, — усмехнулась я.

— Вот и славно. Мой друг занимается судебно-медицинской экспертизой. Ему я и покажу этот трофей. А вы будьте осторожны и, кстати, вот мой телефон, — Олег Николаевич протянул свою визитку, — звоните в любое время при необходимости. И без неё...

ГЛАВА 22

На чей-нибудь взгляд, ситуация, в которую я попала, могла показаться патовой. Но я считала по-другому. Во-первых, потому что на днях выписывалась из больницы Изольда Марковна. Во-вторых... А, пожалуй, уже хватит первого для полного счастья.

Никогда ещё на свою работу я не бежала с такой радостью, как сегодня. Разумеется, мне хотелось сменить обстановку, переключиться на что-нибудь другое. Даже недовольство моего шефа я слушала с необычайным упованием, ловя каждое его слово. Мобильный телефон я тоже подключила. Пусть звонят все! Нынче я открыта для общения. Первым объявился Климентий:

— Кирочка, дорогая, здравствуй!

— Привет, привет, Кли.

— Что ты надумала?

- По поводу? — изобразила я удивление.
- По поводу моей «командировки» естественно.
- А, ты знаешь, Кли, я сама уезжаю в командировку.
- Я понял. Очень жаль.
- Извини...

Климентий, конечно, имел жёсткое алиби. В тот момент, когда в мой аквариум засовывали голову Кватча, женатик был со мной и это я могу подтвердить. Его можно смело вычёркивать из списка подозреваемых. Есть ещё Виктор, который пожелал мне есть побольше морковки, дабы не прозевать хороших мужиков вроде него. Разумеется, о том, что он капитан дальнего плавания, мне известно исключительно с его слов. И алиби у Виктора нет. Но ведь и смысла подкладывать мне в аквариум головы моих приятелей, тоже нет. Что-то мне подсказывает, надо и его вычёркивать из списка подозреваемых. И кто же тогда в нём остаётся? Я? Надо полагать, следователи именно так и подумают. Только у меня был мотив грохнуть этих парней. Они мне здорово насолили, заставили переживать, снизили самооценку до нуля, вот за это, получается, я с ними и расправилась с особой жестокостью. Хотя, господа присяжные заседатели, это они ещё хорошо отделались. Ещё неизвестно, что бы им предстояло вынести, приди мне в голову мысль о мести.

— Кира! Очнись! Ты отчёт подготовила? — рявкнул, подкравшийся сзади Андрей Григорьевич.

Услышав яростный голос начальника, я подскочила, как ужаленная, столкнув локтём со стола пластиковый контейнер с бумагами. Контейнер, понятное дело, разбился,

бумажные листы разлетелись, начальник завизжал от злости. «Вот кого следует утопить в моём аквариуме следующим», — мстительно подумала я.

После обеда позвонила Светка. Она сообщила, что долетела благополучно. Кватч так и не объявлялся. Игорь рвет и мечет. Он, вообще, не верит в историю с головой в аквариуме, а думает, что Кватч просто кинул его и прячется где-нибудь в Москве или рванул за границу. Я, по версии Игоря, являюсь сообщницей Кватча, поэтому он тоже собирается приехать, чтобы расставить все точки над *i*.

— Пусть твой Игорь катится ко всем чертям, — крикнула я в трубку, — вот же навязались на мою голову! Вы мне сами сосватали этого Кватча, а теперь ещё в чем-то обвиняете?

Швырнув трубку, я в очередной раз смахнула со стола стопку бумаг и степлер. Андрей Григорьевич возмущенно покачал головой, но мужественно промолчал. Я собрала с пола документы и принялась за отчет.

Несмотря на нервозность, рабочий день закончился на удивление быстро. Сегодня я была готова даже на сверхурочные. Жаль, что в нашем отделе они не предусмотрены.

Вернувшись домой, я приняла душ, быстро переоделась и, подхватив Жучку, выбежала вон. Уже в лифте мне пришла в голову блестящая идея навестить сестру. Сделав пару разгрузочных кругов с собакой, я поймала такси и рванула к родственникам, не забыв по дороге купить трюфельный торт.

Меня, конечно, там не ждали, но все равно были безумно рады. Во всяком случае, мне так показалось.

— Привет, Кира, как дела? — поинтересовался племянник, принимая из моих рук обезумевшую от радости собаку.

— Отлично, — весело ответила я. — Как твои?

— Могло бы быть и лучше, — вздохнул Артёмка.

— Что-то не очень оптимистично.

— Выяснилось, что большинство учителей недовольны моей учёбой. Вчера маму по этому поводу вызывали в школу, — виновато потупил взгляд сын моей сестры.

— Да? Это серьёзно. И что, она до сих пор пребывает в коллапсе?

— Нет, в душе.

В этот момент из ванной комнаты выплыла Верка с мокрой головой и распаренным лицом.

— О, Кира, здравствуй, — приветствовала она меня, но, заметив Жучку, недовольно покачала головой. — Вот зачем ты опять притащила эту собаку? От неё одни проблемы. Оставленное вами пятно высохло совсем недавно, а запах до сих пор не выветрился.

— Так диван тебе все равно не нравился! — вырвалось у меня.

— Так теперь не нравится ещё больше!

— Она больше не будет, — пообещала я, выразительно глядя в глаза Жучке.

— Это она тебе сама обещала? — усмехнулась Верка.

— Практически поклялась.

Артемка рассыпался тихим смехом и, подхватив Жучку на руки, удалился в свою комнату. Верка, проводив сына нежным, любящим взглядом, обратилась ко мне:

— Пойдем в кухню, у меня есть в запасе два румяных куриных бедра.

— С удовольствием, — быстро согласилась я и отправилась мыть руки.

За ужином моё настроение постепенно улучшалось, а после кусочка шоколадного торта и вовсе стало лучезарным. Какое все-таки счастье, что у меня есть сестра. Нет, мы, конечно, часто ссоримся и говорим друг другу под час неприятные вещи, что даже порой сама по себе мысль об убийстве не кажется кошунственной. Но проходит время, обида испаряется и начинает давить под ложечкой чувство тревоги и раскаяния. И тут же находится наиглупейший предлог, чтобы немедленно помириться и больше уже никогда не ссориться, ну, по крайней мере, до следующего похода по магазинам. А ещё мне очень нравится Гришка. Кстати..

— Кстати, а где твой муж? — спохватилась я. — У меня такое чувство, что я съела его ужин. И теперь от глубокого чувства вины у меня начнется икота.

— Главное вовремя опомнилась, — прыснула Верка, — да не беспокойся, дома он.

— Спит или заболел?

— Вот скорее второе, причём давно и на всю голову. Он у нас теперь — геймер, — сообщила сестра, одновременно крутя пальцем у виска.

— Кто? — испугалась я

— Игрок, — пояснила Верка. — Он день и ночь сидит перед монитором и неистово рубится в компьютерные игры. Пропал человек.

— Все так серьёзно?

— Серьёзней некуда. Только придёт с работы, сразу включает компьютер и погружается в виртуальную реальность. Он там ест, пьёт и даже спит с открытыми глазами. Не удивлюсь, если однажды рядом с компьютером я обнаружу горшок, полный совсем не виртуальных отходов.

— Бить пробовала?

— Угу, — кивнула сестра, — он не понял и не почувствовал. Только голову повернул, а в глазах — пустота. Выход, видимо, у меня один: выбросить на фиг этот компьютер. Но ведь он такой дорогой, собака! Да и Артёмке для школы необходим. — Верка сделала глоток чаю и продолжила: — А вчера, знаешь, что сотворил?

Я отрицательно покачала головой.

— Находясь под впечатлением от своих дурацких игр, он проехал лишний круг по кольцевой линии метро. И, по моему, даже не сразу это заметил.

— Тяжёлый случай, — вздохнула я. — А ты вот что, купи второй компьютер, и пока он в свои игрушки играет, сиди на порносите или на сайте знакомств. Держу пари, это его быстро отрезвит. Помнишь, известный афоризм: глупая жена следит за мужем, а умная за собой.

— Пожалуй, так я и сделаю, — рассмеялась Верка.

— Смотрите, не наломайте дров. Ещё потом меня во всем и обвините. А у Артемки как дела? — решила я сменить тему.

— Ой, это вообще отдельная история, — махнула рукой сестра. — Мало того, что учится плохо, так ещё и на девчонок стал внимание обращать.

— Ну, это все естественно, — успокоилась я и допила наконец-то свой чай.

— Пока небезобразно. На днях одна его одноклассница пришла в школу в прозрачной майке без бюстгалтера. Мало того, она наклонилась над Артемкой и практически вывалила свои формы ему на парту! Понятное дело, что весь день он, обливаясь холодным потом, пялился только на одноклассницу и совершенно не смотрел на доску! Пацаны уговаривали его поменяться местами, поскольку именно оттуда это «форменное» безобразие было видно лучше всего, но Артем — кремень, свой наблюдательный пункт не сдал. Итог дня — три двойки и вызов родителей в школу.

— Ну, дело стоит того.

— Безусловно, — нахмурилась Верка, вставая со стула. — Пошли телевизор, что ли посмотрим. Мне наш семейный сериал уже порядком надоел. Хочется отвлечься на искусственные страсти.

ГЛАВА 23

Рано утром я завезла к себе сонную Жучку и отправилась на работу. День прошёл совершенно спокойно, что случилось в последнее время довольно редко. Ни один кавалер мне не позвонил, и от этого я ощутила острый приступ меланхолии. «Очень может быть, — сказала я себе, — что никто из них и вовсе о тебе не вспомнит. Ничего страшного,

найдутся новые, — и, вздохнув, добавила, — которые будут ещё гаже!»

Домой идти совершенно не хотелось. Строго говоря, было просто страшно оставаться наедине со своими мыслями. Ничего лучше не придумав, я отправилась в больницу, разумеется, предварительно созвонившись с Олегом Николаевичем. Карантин по гриппу не являлся сегодня помехой для проникновения в отделение. Да и встретил меня в этот раз эскулап намного любезней, чем в прошлый. Можно даже сказать, что обрадовался моему визиту.

— Какие новости? — спросил он, предлагая присесть в мягкое удобное кресло возле стола.

— Пока без происшествий, — ответила я, осматриваясь в ординаторской. — Как у вас здесь интересно, везде на стенах висят плакаты и муляжи с внутренними органами.

Олег Николаевич окинул взглядом знакомые стены и подтвердил:

— Да, интересно. Как выразилась бы обо мне Мария Ивановна, а по последним данным Изольда Марковна: «сердечных дел мастер». Кофе хотите?

— Нет, вечером не пью.

— И правильно делаете. А что, если нам отправиться в японский ресторан?

— К сожалению, не умею есть палочками, — разочарованно произнесла я.

— Пустяки, Голодной вы не останетесь. Я вас быстро научу, — при этих словах Олег Николаевич складывал на край стола истории болезни, мельком заглядывая в каждую из них.

— Всё дело в том, что дома меня ждет собака Изольды Марковны. Поэтому задерживаться совсем не желательно. Но кто нам помешает заказать суши на дом?

— Договорились, — поддержал Олег Николаевич и принялся торопливо снимать свой белоснежный халат.

— Могу я навестить соседку, пока вы собираетесь?

Олег Николаевич отрицательно покачал головой и пояснил:

— Учитывая, что она завтра выписывается, смысла в этом абсолютно нет.

Ответ меня совсем не удивил. Должно быть, он не хотел посвящать свою пациентку в детали нашего знакомства. Я решила не настаивать. В этот момент дверь неожиданно распахнулась и в ординаторскую быстрым шагом вошла молодая женщина в голубом медицинском костюме. Глаза и губы у неё были ярко накрашены, что придавало её облику агрессивную сексуальность

— Олег Николаевич, — наиграно воскликнула она, не глядя на меня, — у Смирновой из шестой палаты одышка на фоне высокого давления.

— Оксана, — раздраженно произнес Олег Николаевич, — здесь у всех пациентов одышка и высокое давление. Это, Оксана, кардиологическое отделение, между прочим. Пора уже самой научиться подбирать адекватную терапию и принимать решение. Что следует сделать в данном случае?

— Сердечный гликозид, бронхолитик и мочегонное внутривенно, — опустив глаза, ответила она, как таблицу

умножения, одновременно заправляя платиновый локон, выбившийся из-под колпака, за ухо.

— Правильно! Все знаете, все умеете, зачем спрашиваете по сто раз?

— Я просто хотела, чтобы вы на неё посмотрели. По моему, она умирает.

— Так какого дьявола вы стоите здесь, а не оказываете реанимационные мероприятия у постели больной? — рывкнул Олег Николаевич окончательно рассвирепев. — Пойдемте к вашей Смирновой, — затем, обращаясь уже ко мне, добавил: — Извините, я скоро вернусь. «Вроде бы, «сердечных дел мастер», а какой наивный, — усмехнулась я себе, оставшись в ординаторской одна, — ведь ясно же, как божий день, что Оксана придумывает разные поводы, лишь бы только обратить на себя внимание. И пока ей это удастся».

Через пять минут вернулся раздосадованный Олег Николаевич.

— Просто беда с этими ординаторами, — в сердцах воскликнул он. — Чуть что сразу паникуют, впадают в истерику, бегают по отделению, выпучив глаза, и доводят себя и всех пациентов своим видом до гипертонического криза.

— А что Смирнова? — проявила я заинтересованность.

— В порядке. Помирать не собирается, во всяком случае, сегодня.

— Черный врачебный юмор меня всегда поражал.

— Это всего лишь здравый смысл и компетентность, — ответил эскулап и спросил, резко сменив тему: — Какое вино вы предпочитаете — красное или белое?

— К рыбе больше подойдет белое, — констатировала я.

Олег Николаевич, одобрительно кивнув головой, распахнул створки шкафа, и моему взору представилась целая батарея бутылок разных мастей. Очевидно, спиртное приносят пациенты в знак благодарности, постоянно нагружая печень несчастных эскулапов. Да, соблазн велик. Держать себя в руках при таком ассортименте алкоголя очень сложно. Олег Николаевич пробежал глазами стройный ряд бутылок, затем захлопнул дверки шкафа и сообщил, не поворачивая головы:

— Купим вино по дороге.

«Это хорошо, что он на мне не экономит», — подумала я про себя и улыбнулась.

— Почему вы улыбаетесь? — поинтересовался Олег Николаевич, складывая в свой портфель мобильный телефон и какие-то бумаги.

— Вы мне нравитесь, — запросто ответила я и тут же смутилась.

— Ах, вот как! Вы мне тоже, — запросто ответил он. — Ну что, пошли?

Я кивнула головой и выпорхнула из ординаторской.

Когда с вином и суши было покончено, мы перешли к обсуждению позавчерашних событий.

— Знаете, о чём я подумал, — сообщил Олег Николаевич и бросил на меня серьёзный взгляд, — человек, который засунул обе эти головы в аквариум, был нездоров психически.

— Понятное дело, — кивнула я.

— И ещё, он знал, что вы знакомы с этими мужчинами.

— Хотите сказать, он мстил им за меня? Этаким защитник брошенных женщин?

— Мало вероятно, но кто знает его мотивы. Кстати, вы проверили сегодня аквариум?

Я встрепенулась. Одна мысль о том, что в аквариуме могла появиться очередная голова, повергла меня в ужас.

— Нет, не проверяла. Поскольку рыбы погибли, я вчера вылила всё содержимое...

— Но отсутствие воды ещё ничего не значит.

— Согласна, — я поднялась со стула и отправилась в свою комнату убедиться в том, что стеклянный сосуд пуст. Олег Николаевич последовал за мной.

К счастью, новой головы в аквариуме не наблюдалось. Видимо следует завтра же избавиться от злосчастного резервуара. Вот принесут мне очередную голову, глядь, а затолкать её некуда! Тут я не выдержала и горестно воскликнула:

— Мне так жаль! — при этом из моих глаз в три потока хлынули слёзы. — Мне очень жаль, что из-за этой гнусной истории пришлось лишиться кусочка моря в моём маленьком замкнутом мире. Я приходила, любовалась на свой аквариум, на разноцветных рыб в нём, и иногда мне казалось, что скоро здесь появится радуга.

— Радуга над аквариумом в квартире? — опешил Олег Николаевич, — Скорее её можно дождаться над унитазом!

Вероятно, взгляд, брошенный мною в этот момент на эскулапа, был преисполнен разочарования, потому что он тут же поспешил исправить свою оплошность:

— Не обижайтесь, Кира! Это мой чёрный врачебный юмор выбился наружу. Я обещаю вам радугу!

— Раньше мне показывали линии Сомнера на небе, а теперь всего-то обещают радугу над сливным бачком, — бросила я с иронией.

— Нет, я хочу, чтобы она появлялась в вашей душе всякий раз при виде меня. Возможно, это самонадеянно, но стоит стремиться.

Повернувшись спиной к пустому аквариуму, я продолжала:

— Да пёс с ней, с этой радугой. Раздражает то, что некто свободно проникает в мою квартиру и, разгуливая здесь, подстраивает разные пакости!

— Согласен. Это здорово угнетает и давит на психику. Но депрессии мы не допустим. Завтра же следует сменить замки во входной двери. Хотя, конечно, это надо было сделать ещё вчера.

— Вы полагаете, это решит проблему? — с сомнением произнесла я.

— Не знаю, но попытаться стоит. Каким-то образом они же проникают в квартиру.

Олег Николаевич подошёл ко мне вплотную и нежно обнял. Этот знак доброй воли был необыкновенно приятен мне. В данный момент я чувствовала себя абсолютно счастливой. Как мало требуется для счастья. Как много требуется для счастья. Уткнувшись носом в его крепкое

плечо, я ощутила небывалое спокойствие и умиротворение. Пожалуй, даже под защитой ООН мне не было бы так комфортно. Олег бережно провел горячей ладонью по моим волосам и поцеловал как ребенка в макушку. Слезы, теперь уже невероятного умиления и восторга, стройными ручьями покатались по моим щекам. Но все хорошее обычно заканчивается. В моем случае это произошло через пять минут. Какая-то гадина решила оборвать мне звонок и удовольствие на самом интересном месте. Утерев глаза ладонью, я выбежала в прихожую. Незваными гостями оказались мои родственники. Увидев заплаканное лицо сестры, я не на шутку испугалась.

— Вера, что случилось?

— Гришка... Гришка... он.. у него.. — тут сестра отчаянно разревелась и повисла у меня на шее, как олимпийская медаль.

— Ты что-нибудь можешь объяснить внятно? — обратилась я к Гришке, который виновато переминался с ноги на ногу у двери.

Здесь Верка перестала рыдать и предприняла вторую попытку довести до моего сведения причину их безграничного горя.

— Сегодня на диспансерном осмотре у Гришки обнаружили существенный дефект.

— Это как? — опешила я и невольно стала разглядывать Григория с головы до ног тщетно пытаюсь найти отсутствие каких-нибудь членов.

Верка, перехватив мой взгляд, с раздражением в голосе продолжала:

— Врачи ему поставили диагноз: «параллакс нейтрального клапана».

Я понимала, что выгляжу полной невеждой, но не смогла удержаться от уточнения:

— Извините, стесняюсь спросить, а где же стоит этот клапан? Где-нибудь в прямой кишке или...

В этот момент за моей спиной раздался голос Олега:

— Должно быть, речь идёт о пролапсе митрального клапана, который находится в сердце между левым желудочком и левым предсердием.

Верка, непроизвольно открыв рот, с интересом уставилась на моего гостя. Гришка расплылся в счастливой улыбке и побежал, с вытянутой рукой на перевес, здороваться с кардиологом. Когда сумбурное знакомство состоялось, и мы расселись на кухне вокруг стола, Олег Николаевич прочитал нам небольшую лекцию о Гришкином «дефекте»

— Пролапс митрального клапана — это такой клинико-анатомический феномен, характеризующийся провисанием створок клапана в полость левого предсердия. Выявление пролапса у молодых людей при обследовании не является диагнозом. Необходимо выяснить, является ли несостоятельность клапана изолированной особенностью сердца или его наличие объясняется врожденной слабостью соединительной ткани. Вам, Григорий, я предлагаю прийти ко мне в клинику на дополнительное обследование и, если понадобится, то и специальное лечение. Но зачастую пролапс не мешает работе сердца, и все ограничивается ежегодным ЭХО-КГ — контролем.

Через тридцать минут успокоенная Верка и почти счастливый Гришка засобирались домой. В прихожей Верка украдкой шепнула мне на ухо:

— Какой классный мужик, ещё и кардиолог! Держи его крепко и не отпускай, хотя бы до тех пор, пока он не вылечил Гришку!

Я утвердительно кивнула головой в ответ и закрыла за родственниками дверь.

— Как тебя зовут? — спросил он меня, укрывая одеялом.

— Кира, — ответила я, засыпая.

— Значит, буду называть «Крис», ты не против?

— Можно и так. Так даже лучше.

ГЛАВА 24

— Бедная девочка! Как же ты истосковалась, как похудела, даже ушки не стоят так задорно, как прежде. Тебя не чесали и, похоже, — тут Изольда Марковна понюхала Жучкино пузо, — похоже, не мыли!

Собака просто захлёбывалась от счастья. Но, уловив в интонации своей хозяйки недовольные нотки, принялась жалобно поскуливать, выдавливая слезу. Создавалось ощущение, что несчастнее существа в этот момент не было на земле.

— Да, да, не мыли, — подтвердила я, улыбаясь через силу, — а только пинали ногами в живот, морили голодом, а на ночь рассказывали кошмары! Хватит Вам уже причитывать, в самом деле! Жила ваша любимица, как

царица, спала у меня на голове, лаяла на моих кавалеров и всячески огрызалась соседям.

Больше всего в этот момент мне хотелось схватить собаку-лицемерку за ухо и отшлёпать по заднему месту. А я даже не рассказала про слопанные стихи, между прочим. Хотя, об этом лучше помолчать, а то и сама чего доброго останусь без ушей.

— Ах, милая Жужжа! — вздыхала соседка тщетно ища в шерсти блох.

— И никакая она не Жужжа, а Жучка! Собака наконец-то вспомнила свое имя и теперь откликается только на него!

— Какой ужас! — схватилась за голову Изольда Марковна. — Как ты могла приучить мою девочку к такой плебейской кличке!

— Ну, извините! Просто на «Ж» все имена мы уже перебрали, и оставалось назвать её либо «Жучка», либо «Задница». Я выбрала первое. Все-таки благозвучней ж. . . опы.

Изольда Марковна возмущенно всплеснула руками, но в полемику не вступила.

— Вы лучше расскажите, — перевела я разговор на другую тему, — как себя чувствуете? Лечение пошло на пользу?

— Время покажет, — пожала плечами соседка. — Но, странное дело, в больнице у меня развилась инволюционная меланхолия.

— Что, простите?

— Это затяжная тревожная депрессия, которая возникает у женщин немолодого возраста. Вот и я часто пребываю

в подавленном настроении, меня преследуют непонятные страхи, словом, не нахожу себе места и всё тут. Никогда не думала, что буду ощущать влияние старости так болезненно.

— В таком случае, — натужно улыбнулась я — эта ваша революционная, или какая там меланхолия заразна, потому что у меня на лицо те же симптомы. Мало того, постоянно тревожат зрительные и слуховые иллюзии, а также бредовые идеи.

— Нет, у тебя просто параноид, — отмахнулась Изольда Марковна.

— Вот спасибо, успокоили! А сейчас пойдёмте завтракать! Я в вашу честь борщ сварила. Это лучшее, что я могу.

Но соседка замахала руками:

— Нет, нет! Ни за что! Не буду ни за что! Налей свой шедевр мне в миску, а я съем у себя дома, когда проголодаюсь. Завтракать борщом, знаешь ли, моветон. Теперь же мне надо отдохнуть, принять душ после больницы. Собака опять же запущена, следует и её привести в порядок.

— Понимаю, — я тяжело вздохнула и отправилась выполнять приказание.

Изольда Марковна продолжала тщательный осмотр своей любимицы. Создавалось ощущение, что она не может досчитаться целой лапы.

— А когда мы сможем поговорить? — поинтересовалась я, протягивая соседке контейнер с борщом. — Мне нужен Ваш совет. Здесь столько произошло, пока вы отсутствовали.

— Завтра, всё завтра! — безапелляционно заявила Изольда Марковна и, подхватив в одну руку свою собаку, а в другую судок с обедом, направилась к выходу.

— Завтра? — практически закричала я. — Завтра не годится! Нужно немедленно! Время не ждёт!

— Ой! Я тебя умоляю! Начиталась тут Джека Лондона в моё отсутствие и цитирует! Не до твоих мне нынче баек. Всё завтра! Сказала же.

— Это просто форменное безобразие! Сначала отключили свой телефон, потом и вовсе объявили карантин по гриппу, а теперь и выслушать меня не хотите!

— Ну, телефон мой кто-то умыкнул. Я и сама извелась без новостей о моей ... собаке. А карантин объявляла не я, а администрация больницы. Все вопросы к ним.

— А к вам один пожилой мужчина дважды приходил, — не унималась я, — очень интересный, между прочим.

— Ванька что ли? — не оборачиваясь, уточнила Изольда Марковна. — Стихи, поди, опять приносил? Старый дурак! У него по осени всегда обострение бывает, не обращай внимания.

Изольда Марковна скрылась за дверью. Вот же вредная тётка. Наотрез отказалась выслушать меня. Если бы не очевидный криминал всего случившегося, можно было обратиться к психоаналитику. А теперь даже поговорить не с кем: аквариум пуст, собаку забрали. И всё-таки с рыбами нехорошо получилось. Сначала их заморозил Гришка, затем чуть не сварил, а потом и вовсе насмерть перепугали эти оторванные головы. Бедные пираньи, так и погибли, не приходя в сознание. Вот у Жучки, вероятно,

стальные нервы или она просто пофигистка по жизни. Последние события разворачивались у неё на глазах, но собака совсем не выглядела напуганной. Или она знала человека, который приходил в моё отсутствие в квартиру? Жаль, конечно, что животные не умеют говорить, хотя бы иногда. Но с другой стороны страшно представить, чего бы сейчас Жучка про меня насплетничала Изольде Марковне. Нет, пусть уж лучше молчат.

В офис я заявила в дурном расположении духа, что, однако, совсем не помешало мне сконцентрироваться на работе. Ближе к обеду позвонил Виктор:

— Привет, Кируся, как дела? Смотрела вчера футбольный матч? Наши рублились с немцами.

— Нет, не смотрела. Всю ночь трескала морковку, — приврала я.

— И что, успехи наблюдаются?

— Безусловно.

— Это меня радует. Когда же мы теперь увидимся?

— Да в том-то и дело, что никогда! После морковки зрение и вправду улучшается, и все мужские изыяны становятся ещё отчётливей!

Около пяти вечера мы пересеклись с Веркой в центре города, чтобы обменяться журналами и новостями.

— В кафе не пойдём, ты на диете? — насмешливо спросила Верка.

— Я не бываю на диете, чтоб ты знала. Диеты вредны по моему мнению. Я предпочитаю либо голод, либо полноценную еду.

— Тогда давай съедим по полноценному мороженому!

Уплетая пломбир, мы продолжали вести оживленную беседу, словно не виделись сто лет.

— Я тут в одной книжке прочитала, что когда люди попадают в Рай, то там едят снег, который по вкусу напоминает земное сливочное мороженое!

— Иди ты! — воскликнула Верка. — Значит, на мороженом надо сейчас сэкономить, если уж потом можно обожраться.

— При условии, что попадешь в Рай, — внесла я свои коррективы. — Кстати, а ты выбросила компьютер, как грозилась?

— Нет. Узнав про Гришкины проблемы с сердцем, я стала более терпима к его слабостям. Пусть играет на здоровье!

— Убеждена, что это ему самому скоро надоеет. А когда он пойдет на обследование к Олегу?

— В следующую среду. Послушай, Кира, все забываю спросить: наши снимки тебегодились? Мы так отчаянно старались, изображая из себя фотографов.

Я немного задумалась. А, правда,годились они мне, как и вся идея в целом? Нет, пожалуй, что нет, только время потрачено впустую. Но сестру расстроить я не могла, просто не имела права.

— Конечно,годились! Теперь в мой фотоальбом добавились очень достойные снимки. Но главное не в этом. Знаешь, ещё несколько недель назад, я совсем не знала, чего хочу. У меня даже не получалось это сформулировать конкретно. Я искала тупо не человека, а параметры.

— Что же ты хочешь сейчас? — спросила Верка.

— Найти согласие с самой собой. Быть любимой и, если можно, любить.

— И чтобы никаких игрушек! — очень серьезно дополнила сестра.

— Никаких игрушек! — подтвердила я.

Олег Николаевич пришёл с цветами. Из этого я заключила, что в прошлую ночь была на высоте. Мы пили чай, разговаривали, смеялись. Сердечных дел мастер нравился мне с каждым днем все больше и больше. Наше общение протекало нежно и трогательно, именно так, как и бывает в начале. И только одна мысль не давала мне покоя: в командировке он или нет? А если я всего лишь «конференция»? А если «конференция», то на какую тему? Но обратиться к нему за прямым ответом никак не решалась.

— Изольда Марковна очень нервничала сегодня, — заметила я в ходе нашей беседы.

— Должно быть, отвыкла от дома, — невозмутимо ответил Олег Николаевич, одновременно поглаживая мою ладонь. — Через пару дней освоится и будет прежняя.

— Скажите, пожалуйста, что у неё с сердцем?

— Вам как, по международной классификации болезней диагноз зачитать? — усмехнулся доктор. — Или можно своими словами?

— Я просто хочу знать, насколько все серьёзно. Сегодня моя соседка была крайне недовольна состоянием своей Жучки, которая оставалась под моим присмотром. И вот теперь меня мучает совесть, что я угробила собаку больной женщины.

— У Марии Ивановны типичные для её возраста изменения сердечной мышцы и сосудов. Вся беда в том, что она совершенно собой не занимается. Ей, безусловно, необходимы периодические профилактические курсы лечебных мероприятий. Она как будто все понимает, но ни черта не делает. Слава Богу, что завела себе эту свиристелку.

— Вы про Жучку?

— Ну, да. Благодаря собаке она вынуждена совершать пешие прогулки два раза в день, а это ей только на пользу. Если бы она ещё не тосковала по своим детям..

— Вы сказали: «по детям»? — переспросила я.

— Да, а что? — удивленно вскинул брови сердечных дел мастер.

— Насколько я знаю, у неё имеется только дочь, которая живет в Израиле.

— Возможно, я ошибаюсь. Между прочим, — Олег Николаевич поцеловал мои ладони, — у меня к вам деловое предложение: давайте перейдем на ты?

Я глубоко вздохнула и, обведя бесцельным взглядом комнату, ответила:

— Давайте. Кстати, а что там с нашей головой?

Олег Николаевич перестал целовать мои руки и изумленно посмотрел на меня, затем переспросил:

— Как ты сказала: «с нашей»? Это, конечно, совсем некстати, но я отвечу: с нашей головой полный порядок. Находится в надежном месте. Однако до сих пор не укомплектована.

— Ясно. Я стараюсь об этом не думать. Но меня преследует какое-то беспокойство, ощущение того, что продолжение следует.

— Ерунда. Думаю, все закончилось, — уверенно заявил Олег Николаевич и обнял меня за плечи. — О, пока не забыл: мне завтра надо уйти очень рано, будить не буду, просто захлопну дверь.

— Хорошо, — кивнула я в ответ и добавила, прищурившись, — боишься столкнуться с Изольдой Марковной на лестничной площадке?

— Я об этом даже не подумал. Да, она, пожалуй, удивится.

— Весьма.

ГЛАВА 25

«Неужели, он проспал? — подумала я, едва проснувшись. — Иначе как объяснить его присутствие рядом со мной?» Но, распахнув глаза, увидела под боком совсем не Олега Николаевича, то есть не Олега, мы ведь с ним теперь на «ты». Его половина была занята совсем другим мужчиной. В этом самозванце я очень быстро узнала Фёдора. Последний лежал под одеялом и старательно делал вид, что спит. «Сдается мне, инволюционный параноид прогрессирует», — промелькнула в моей голове сонная мысль. Я больно ущипнула себя за ухо, но ничего в интерьере не поменялось.

— Интересно девки пляшут! — вырвалось у меня. — А ты что здесь делаешь?

Федор открыл глаза и хитро улыбнулся. Затем повернулся боком и, приподнявшись на локте, томным голосом заявил:

— Я пришёл узнать: тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе ясная?

— Какая вызывающая непосредственность! Мороз Красный нос нашёлся! Лучше отвечай: какого чёрта залез в мою постель?

Федор, вольготно зевнув, ответил:

— Погреться лёг.

— Понятно, а как попал в квартиру? Дверь была не заперта? — нахмутив брови, допытывалась я.

— Нет, с дверью всё нормально, заперта. Я по привычке — через балкон. Потом влез через окно, к счастью форточка всегда открыта.

— Молодой человек, вы ведете себя бесцеремонно! — все больше возмущалась я.

— Согласен, — кивнул головой Федор.

— Вы мне активно не нравитесь! Придётся пожаловаться на вас Марии Ивановне, — я уже было собралась встать с кровати, но вспомнила, что лежу под одеялом в прозрачной кружевной сорочке и несколько смутилась. Перспектива продефилировать перед родственником моей соседки в неглиже совсем меня не вдохновляла. Незванный гость продолжал валяться в моей постели и при этом нагло улыбался. В данный момент я почувствовала, что от злости и беспомощности одновременно вся залилась пунцовым румянцем. Вот он, этот самый блашинг-синдром, про который мне толковала Светка. Оказывается, он может случиться у любого, если как следует психануть!

— Ладно, сейчас уйду, не буду тебя мучить, — снисходительно сообщил Фёдор, — ответь мне только: ты довольна моей работой?

— Твоей работой? — переспросила я. — А в чём она заключалась?

Но мне уже не надо было ничего объяснять. Последние слова я произнесла скорее по инерции. Ужас осознания сковал мои конечности, и, казалось, парализовал дыхание.

— А где же твои пугливые рыбки? — ехидно улыбнулся самозванец.

— Там же, где и последняя голова, — буркнула я в ответ, внутренне съёжившись.

Фёдор посмотрел на меня серьёзно. Слишком серьёзно. Он лег на спину и мёртвым голосом произнес:

— Ты утащила её в милицию?

— Нет, закопала во дворе под берёзой. Послушай, Фёдор, зачем ты это сделал?

— Я с детства не люблю, когда обижают женщин. Однажды мой отчим набросился на мать и ударил её по голове. Она проплакала всю ночь. А утром её лицо украшали ссадины и синяки. Моё сердце разрывалось от обиды и боли. Я возненавидел отчима и убил его. К чести своей скажу: это была не ехидная расправа исподтишка, а настоящий суд Линча! Мать, чтобы спасти от суда, упекла меня в психушку, в этом ей помогла сестра, известная вам Мария Ивановна. Но после того, что я натворил, меня и вправду с трудом можно было признать вменяемым. С тех пор я нахожусь на принудительном лечении в клинике для душевнобольных. Но у нас ведь болит не душа, а мозги. Иногда я выхожу из больницы, точнее сбегая, чтобы навести порядок в мире. И, если вижу несправедливость — отчаянно борюсь с ней. Ты мне

понравилась, такая веселая и смешная, всю ночь угощала меня курицей и бегала за огурцами. Тебя даже наша собака полюбила, а эта зараза знает в людях толк! Я тогда подумал: «Какая женщина, ну что ещё мужикам надо?» И тут ты стала рассказывать про этих идиотов, которые обидели тебя.

— Иногда люди расстаются. Так случается в жизни, — прохрипела я, натягивая одеяло до носа.

— Смотря как, они расстаются. Эти типы мне не понравились. Первого я выманил из дома вечером, как только ты смылась на свидание с этим мужиком на «Опеле».

— Ты следил за нами?

— Это было не трудно, — усмехнулся Федор.

— Но как тебе удалось уговорить Кватча выйти из квартиры?

— Когда я лазил через балкон за помидорами, то посмотрел, как твой дружок считает деньги на кухне. Сумма была достаточно приличная. На следующий день я позвонил в дверь, он подошел к глазку, но мне не открыл. Тогда я воспользовался своими ключами. Твой гость здорово перепугался. Должно быть, делишки у него были не совсем чистые и рыльце по уши в пуху. Я сказал, что всё знаю и ему лучше выйти со мной и все уладить. Он, вероятно, запаниковал, но согласился. Ты не замечала, что люди часто ведут себя опрометчиво, когда не могут объяснить происходящее? Он хотел увести меня подальше от денег и поэтому пошёл со мной.

— Итак, ты расправился с ним под покровом ночи где-то здесь в палисаднике. Но, скажи, зачем ты принес голову и засунул её в мой аквариум?

Фёдор с удивлением посмотрел на меня. Затем подпер голову рукой и объяснил:

— А как бы ты узнала, что зло наказано? Что твой обидчик уничтожен?

— Понятно.

— Что тебе понятно? — огрызнулся Фёдор.

— То, что лапы требуется лягушкам откусить и принести бездыханное тело на порог хозяину. Твой рассказ о Мурке вспомнила. Только эти кошачьи игры для животного мира больше подходят, а мы ведь люди. Пусть порой мерзкие, гадкие, ненадёжные, подлые, но всё-таки..

— Постой, я не пойму никак, ты, что, недовольна?

— Довольна, я просто счастлива, что ты замочил двух мужиков и, оторвав им головёшки, притащил их ко мне в квартиру и затолкал в аквариум. В результате три человека видели ухо Кватча, еще один — целую голову Ориса. Им осталось только заявить на меня в милицию и остаток своих дней я проведу в большом и дружном коллективе.

— Не вопрос, давай устраним и этих трёх, — спокойно предложил Фёдор.

— Не надо! — заорала я нечеловеческим голосом, но тут же взяла себя в руки и продолжала более спокойным голосом. — Позволь полюбопытствовать: куда же делись вещи Кватча и деньги? Понимаешь, не корысти ради интересуюсь, просто есть люди, которые думают, что деньги прибрала я, после того, как прибила, гостя, конечно.

— Деньги я взял себе, считай, что это моё вознаграждение. Вещи отдал в психиатрическую больницу. Там ведь тоже людям нужно что-то носить.

— Действительно. Чертовски благородно. Скажи, а как ты нашёл Ориса?

— Да просто. У тебя в вазочке на тумбочке его визитка лежала. По-видимому, ты никак не решалась его номер набрать. Вот я и позвонил вместо тебя. Легенда была следующая: хочу сделать большой заказ, оплата наличными на взаимовыгодных условиях. Он сам предложил встретиться, а место выбрал я. Кстати, в голову старался умышленно не целиться, чтобы...

— Стоп! — вырвалось у меня. — Избавь от ледящих душу подробностей. Ты маньяк, это понятно. Сдаётся мне, ты ещё не успокоился? Сколько в твоём списке ...

В этот момент дверь спальни распахнулась, и на пороге возник Олег. Должно быть, он собирался мне что-то сообщить, но по какой-то причине не решился. Впрочем, причина была ясна. После минутной паузы он всё-таки произнес:

— Крис, что всё это значит?

— Абсолютно ничего! — подскочила я в кровати, но тут же вернулась на исходную позицию, натянув до подбородка одеяло, и продолжила оправдываться. — По крайней мере, ничего такого, о чём ты подумал.

— Да я ещё даже не о чем не подумал, — пожал плечами Олег, — я просто забыл свой телефон, потому и вернулся. А вы лежите, лежите, не беспокойтесь!

— Ой! Мы и не думали, — вмешался в разговор Фёдор, как-то уж очень манерно произнося слова.

Отдавая себе отчет в том, что в данной ситуации я выгляжу достаточно глупо, мне изо всех сил захотелось как-то извиниться и закончить эту тривиальную комедию.

— Олег, послушай, это — родственник нашей соседки, он влез в окно и, воспользовавшись моим крепким сном, примостился рядом...

— Я понял, понял. Да где же мой телефон? — Олег суетливо осматривался по сторонам.

— Послушай, дружище, — вновь заговорил Фёдор, выбираясь из-под одеяла, — если ты немедленно не поверишь девушке, мне и тебя придется убить. Я её ангел-хранитель, да будет тебе известно!

Мы с Олегом быстро переглянулись и, не сговариваясь, уставились на Фёдора. Тот быстро встал с кровати. Выяснилось, что, к счастью, он был полностью одет, только позволил себе разуться перед штурмом моей постели.

— Не ссорьтесь, — обувшись, назидательно произнес Фёдор и, обойдя кровать, направился к выходу.

Олег посмотрел ему вслед и громко спросил:

— Пока не поздно, могу я уточнить, мне сейчас надо кому-нибудь набить морду?

Я поспешила заверить:

— Мне точно не за что. А Фёдору бесполезно. Хотя...

Отбросив одеяло, я практически выпрыгнула с кровати, как с несущегося на всех порах поезда. Выхватив у Олега плащ, висевший на его правой руке, и на ходу запахнув его на себе, я бросилась догонять Фёдора. Незваного гостя мне удалось настигнуть у лифта. В кабину мы попали практически одновременно. Олег мне что-то кричал вслед, но я решила с ним разобраться позже. Фёдор нажал на кнопку с цифрой один, и створки лифта стали быстро съезжаться, отрезая пути к отступлению.

— Послушай, — обратилась я к Фёдору, — обещай мне, что прекратишь свои идиотские убийства и уйдёшь с моей территории.

— Не вопрос, — усмехнулся Фёдор.

— Скажи, кто ты такой на самом деле? Психически больной человек, у которого сверхценные идеи периодически трансформируются в бредовые, или отъявленный негодяй, который убивает исключительно для удовольствия?

В этот момент лифт остановился на первом этаже и я, чтобы не выпускать Фёдора из клетки, быстро ткнула пальцем кнопку верхнего этажа. Лифт тяжело вздохнул, крикнул и пополз вверх.

— Ты меня долго ещё так катать будешь? — выразил своё неудовольствие Фёдор.

— Пока не получу ответы на свои вопросы.

— Ну, получай: я — обыкновенный наёмник.

Психиатрическая больница — это отличное прикрытие. Меня туда затолкали в семнадцать лет. Периодически я сбегаяю на свободу, выполняю заказ, зарабатываю деньги, но потом возвращаюсь в лечебницу и скрываюсь там. Сейчас я собрал значительную сумму денег и решил уехать за границу. К Марии Ивановне заходил попрощаться. Классная она тётка всё-таки, всегда меня понимала, но всей правды, конечно, не ведала. А дальше ты сама знаешь: встретил тебя, побеседовали, выпили, и, восстановили справедливость, чем здорово развлеклись. Считай, что ты меня наняла, а я исполнил твой заказ бесплатно.

Меня начало морозить и подташнивать. Я с большим трудом сдерживала дрожь, кутаясь в плащ с чужого плеча. Потом, глотая слёзы, прохрипела:

— А как же мне теперь жить с этой мыслью? С мыслью о том, что я заказала убийство?

— Весело жить, припеваючи, как же ещё?

— Боюсь, что не получится.

— Да брось ты. Вот Мария Ивановна или Изольда Марковна обычно говорит так: «Если мужчина заставил женщину печалиться более двадцати минут, его следует немедленно пристрелить»!

— Согласна, — прошептала я, сползая по стенке лифта.

Фёдор спокойно вышел на последнем этаже и вниз, очевидно, спускался уже по лестнице. Дверца за ним хлопнулась и неуправляемый лифт, немного постояв, начал катиться вниз. Когда створки распахнулись в очередной раз, я увидела перед собой Олега, лицо которого выражало чрезвычайную озабоченность.

— Ты жива, не ранена? — воскликнул он и, подскочив ко мне, принялся поднимать с пола.

— Жива, — прошептала я, размазывая по лицу слёзы.

ГЛАВА 26

Спустя полчаса мы сидели с Олегом за столом напротив друг друга, как и в первую нашу встречу. Я поведала ему обо всем, что узнала от Фёдора и теперь, с нетерпением, ждала его мнения относительно всего случившегося. Выдержав большую, практически театральную паузу, Олег заговорил:

— Кира, ответь мне на один вопрос.

Я думала, что он скажет: «В каких отношениях ты была с Фёдором?» Или что-нибудь в таком духе. Потом мне придется долго и нудно оправдываться, что-то доказывать, это, конечно, будет выглядеть совсем неубедительно. Но он спросил, протягивая мне стеклянный пузырек:

— Откуда у тебя вот это?

— Что это? — я, недоумевая, взяла в руки ампулу.

— Ка-ли-псол, — по слогам произнес Олег, — валялся под кроватью в твоей комнате.

— Данное слово мне ни о чём не говорит.

— Калипсол, как и прочие барбитураты используют в хирургии для кратковременного наркоза.

Я внимательно посмотрела на ампулу. Название на ней было почти стёрто. Тут до меня дошло:

— Вспомнила! Эту ампулу мне дала Изольда Марковна, когда лежала в твоём отделении. Она просила, чтобы я сделала внутримышечный укол одному её знакомому для увеличения мышечной массы.

— Ничего не понимаю, — пожал плечами Олег, — когда средства для наркоза увеличивали рост мышц? Вызвать галлюцинации, конечно, могут. А ты ничего не путаешь?

— Ничего, — обиделась я. — Правда, ампула куда-то запропастилась, и пришлось вместо этого препарата ввести имеющуюся в наличии «Но-шпу».

— Да ты великий фальсификатор!

— Это не нарочно.

— Ну, и правильно, что ввела «Но-шпу». Парень мог рухнуть сразу замертво и перепугать тебя до заикания.

А Мария Ивановна, скорее всего, просто что-то перепутала. Но в её возрасте это бывает. Что ж, с ампулой разобрались, давай вернемся к нашим баранам.

— Давай, — вздохнула я, не понимая, какие бараны для меня сейчас важнее.

Олег Николаевич встал со стула, прошелся по кухне, и, бесцельно выглянув в окно, сел на прежнее место.

— Мне, конечно, понятно, что твоему самолюбию льстит мысль, будто бы все эти преступления совершались ради тебя, — начал он, — Но вынужден разочаровать: всё далеко не так.

— Не льстит, а скорее угнетает, — мрачно заметила я, механически мешая ложкой остывший чай.

— Так вот, все убийства совершались не во имя болезненно обостренного чувства справедливости, а просто из-за денег.

— Ты, наверное, меня успокаиваешь?

— Вовсе нет. Вот посмотри: в первом случае Фёдор увидел в окно, когда лазил за помидорами, что Кватч, разложив на столе пачки денег, ведет подсчёт. Это его заинтересовало. Он принялся следить за твоим гостем и в итоге хладнокровно убил. А дальше пошла игра с отрыванием головы и помещением её в аквариум. Забавлялся он так. Тем более, что, вероятно, имел ключи от квартиры Марии Ивановны и благополучно перелезал с одного балкона на другой.

— Хорошо, а с Орисом? С Орисом какая выгода? Ведь у него была только визитка и несколько моих слов.

— Думаю, ему было достаточно для какого-нибудь шантажа. Фёдор узнал, что Орис является не последним

человеком в крупной мебельной фирме, а стало быть, имеет немалые возможности и средства. Фёдор, будучи рожденным аферистом, быстро придумал какую-нибудь правдоподобную историю. Возможно, он блефовал, сказал, например, что Орис утаивает часть прибыли от руководства или еще что-нибудь. А поскольку, наш герой располагал личными номерами телефонов, номерами «для посвящённых», которые благополучно стащил у тебя, Орис попался на крючок.

— Как ты думаешь, — поинтересовалась я, — Фёдор все-таки сумасшедший?

— Мне трудно сказать, во-первых, я не психиатр, во-вторых, с ним почти не знаком. Думаю, в истории болезни написано, что он страдает хроническим психическим расстройством в форме шизофрении параноидной, и по своему психическому состоянию, не исключаящему вменяемости, нуждается в принудительном лечении у психиатра. А уж как там на самом деле — неизвестно. Грань между душевной болезнью и душевным здоровьем слишком тонкая и нестабильная. Возможны также взаимопроникновения этих двух состояний. Мы все слегка сумасшедшие, по сути.

— В каком смысле сумасшедшие? — не поняла я.

— В прямом. Разве нам всем не свойственны навязчивые мысли, касающиеся морали и религии, здоровья и болезни? Неужели у тебя никогда не было навязчивого влечения сказать непристойность при людях?

— Да я этого хочу постоянно! У меня даже от дикого желания в подложечной области сосёт!

— О чём речь! — присвистнул Олег. — А навязчивые действия или определённые ритуалы?

— Ты имеешь ввиду счёт этажей про себя?

— Конечно, а также неоднократные проверки: выключен ли утюг, закрыта ли дверь? И это извечное: «Лучше переделать, чем недоделать». Между прочим, пунктуальность, ипохондрия, излишняя бережливость и добросовестность — всё это пограничные состояния.

— Но есть же принципиальные отличия? — ужаснулась я.

— Есть. Например, у тебя не бывает двух параллельных мыслей. Я очень на это надеюсь, — добавил Олег, помолчав.

— Мои мысли скорее перпендикулярны, причём здравому смыслу. Но так и быть, я за собой прослежу!

Не обращая внимания на мой выпад, врач-кардиолог продолжал:

— Всё вроде бы укладывается в версию убийства из-за денег за исключением случайных находок в аквариуме. Но этому у меня тоже есть объяснение, правда, не столь убедительное, но все же. Ты слышала что-нибудь о таком понятии: «мания драйва»?

Я на секунду задумалась, но потом произнесла:

— Это когда человек возбужден на двадцать баллов по десятибалльной шкале и постоянно находится в бешеной эйфории?

— Я бы сказал мягче: немотивированная эйфория и психоактивность, а также навязчивое мнение, что это чувство испытывают все вокруг. Кто-то этого достигает при

помощи спиртного, другим нужна музыка, третьим — наркотики. А Фёдору — убийство. От вида обезглавленного тела он приходит в полный экстаз. Именно в такие моменты появляется спонтанное решение поделиться своим драйвом с окружающими, и он тащит к тебе очередную голову.

— Скажи, а мне следует заявить в милицию? — заинтересовалась робко я.

Олег помолчал, затем произнес неуверенно:

— Заявить, конечно, можно. Но завяжем мы в этой истории надолго, а вот наказания Фёдор всё равно избежит, поскольку находится на учете в психиатрической больнице. Узнав же про твою инициативу, начнет мстить впоследствии. Думаю, лучше воздержаться пока от яростного выполнения своего гражданского долга.

— Согласна, — я с благодарностью посмотрела на Олега. — Мне нужно срочно позвонить. Ты не уходи, это займёт пару минут.

Олег пожал плечами и откинулся на спинку стула, а я набрала Светкин номер. Подруга ответила почти сразу:

— Алло, — тихо произнесла она каким-то безликим голосом, — я вас слушаю.

— Привет, Светка, это я, Кира. Хочу тебе сообщить, что Кватч не приедет. Та голова в аквариуме была и вправду его голова. Вот.

— Стало быть, и ухо так и есть его правое ухо? — передразнила меня подруга.

— Точно, — подтвердила я.

— Здорово, то есть очень жаль. Очень жаль, что вместо него не поехал Игорь. Потому что этому мерзавцу тоже следует оторвать всё на свете!

— В смысле?

— В прямом! Этот гад развелся с женой и теперь женится!

— Надеюсь на тебе?

— В том-то и дело, что нет! В сеансе одновременной игры «кубок большого члена», к сожалению, достался не мне! Ух, как я его ненавижу! А Кватча жаль, конечно. Здесь все считают, что пострадал он из-за денег. От своей жадности один поехал, без охраны, чтобы свидетелей меньше было. Вот и нарвался. Делу ход давать не будут, слишком много криминала выползет и бросит тень на уважаемых людей. Так-то, — тяжело вздохнула Светка, — хорошо, что ты не пострадала. Зря я вас познакомила.

— Это точно, — вырвалось у меня. — Но я тебе отомщу.

— Интересно, каким образом?

— А тоже тебе жениха найду! Будешь знать тогда!

— Хочешь сказать, моим салом меня же по мурсам-лам? — расхохоталась подруга.

— Ха-ха! Чует кошка, чьё мясо съела!

Распровавшись с подругой, я обратилась к Олегу:

— У тебя есть холостой друг?

— Найдется, а что, он будет оружием твоей мести?

Надеюсь, нас с ним в итоге не поместят в аквариум с пираниями?

Я отрицательно покачала головой, затем подошла к Олегу и обняв его сзади за шею прошептала на ухо:

— Вас, по знакомству, в аквариум с акулами. Но, вся беда заключается в следующем: меня теперь бесконечно

преследует навязчивое чувство вины, будто я сопричастна ко всем преступлениям, совершенным Фёдором.

— Выбрось из головы! Единственно в чём тебя можно упрекнуть, так это в том, что опрометчиво приводишь к себе в дом кого попало и оставляешь, — здесь Олег замялся, но потом продолжил, — оставляешь на ночь. Но с другой стороны, не будь у тебя такой привычки, где бы был сейчас я?

— Вот именно! — вырвался у меня крик праведного возмущения.

В этот момент в дверь позвонили. От неожиданности я подскочила, как ужаленная и побежала в прихожую. Незванным гостем, точнее гостьей оказалась Изольда Марковна. Она была одета в вишневый плюшевый халат и тапочки на босую ногу. На её лбу верхом сидели круглые очки в роговой оправе, которые скорее носились для пущей строгости или солидности. Изольда Марковна уверенно перешагнула через порог и, только оказавшись в моей прихожей, начала разговор:

— Душа моя, что за шум был у нас утром в тамбуре? Я вначале подумала, что по лестнице бегают слоны...

В этот момент соседка изумленно распахнула глаза и правой рукой переместила свои очки со лба на нос. Я оглянулась и увидела Олега, стоявшего за моей спиной.

— Олежек! — воскликнула Изольда Марковна. — Олег Николаевич, что ты здесь делаешь, дорогой?

— Я, — Олег запнулся, но почти сразу продолжил, — я ухаживаю за вашей соседкой, точнее охмуряю её, ну, словом, волочусь.

— Вот это ландыш! — прихлопнула в ладоши Изольда Марковна. — Но скажу по-секрету: Кира тебе совершенно не подходит. Ты такой серьёзный, основательный, вдумчивый молодой человек, а она безалаберная, спонтанная девица, к тому же переборчивая и впечатлительная.

Я просто задохнулась от возмущения. Ничего себе, стоят в моей квартире и меня же обсуждают, таким наглым образом. А соседка моя, какова! То всех женихов мира мне сватала, а теперь рушит моё счастье собственными руками! Я уже почти открыла рот, чтобы вступить за себя любимую, но меня опередил Олег.

— Полностью с вами согласен, — без тени смущения подтвердил он, — подписываюсь под каждым вашим словом. Но, поскольку я стихи в отличие от моего отца не пишу, то скажу словами Игоря Кохановского: *«Я кружусь напропалую, С самой ветреной из женщин. Я давно искал такую — И не больше, и не меньше»*.

— Ну, раз искал, получай, — вздохнула Изольда Марковна, — кстати, эта ветреница умыкнула сборник стихов, которые написал твой отец...

ГЛАВА 27

Олег предложил отвезти меня на работу, но я отказалась от его услуг, сославшись на головную боль. Сердечных дел мастер долго сокрушался по поводу моего недомогания и уговаривал принять аспирин. Пришлось уступить, дабы не задерживать врача и не отвлекать от страждущих помощи пациентов. Распрощавшись с кавалером, я позвонила шефу и рассказала про свое плохое

самочувствие. Должно быть, в этом я была чертовски убедительна, поскольку Андрей Григорьевич проникся сочувствием и пожелал скорейшего выздоровления. Да, еще он также посоветовал принять аспирин, на всякий случай, а случаи, как известно, бывают разные.

Прихватив невостребованную бандероль, я отправилась к Изольде Марковне. Соседка находилась в угнетенном состоянии, о чём красноречиво свидетельствовал хмурый взгляд и поджатые в ниточку губы. Естественно было предположить, что это побочное влияние сердечных препаратов, которые в больших количествах употреблялись в больнице. Я молча прошла в кухню, положила бандероль на стол и, не спрашивая разрешения, присела на стул.

— Ты что-то хотела? — сквозь зубы спросила Изольда Марковна, не глядя на меня.

— Да, — ответила я решительно. — Спросить.

— Ну, спрашивай, — устало выдохнула соседка.

— Почему вам понадобились именно мои приятели?

— А, догадалась все-таки? Бандероль вскрывала?

— Да, но не я, а ваша Жучка разорвала бумагу. Тогда я ничего не поняла. И только сегодня сложила два и два. В бандероли были препараты, подавляющие иммунный ответ организма на чужеродные белки или антигены.

— Хм, да ты не дура! — прищурилась Изольда Марковна, скрестив на груди руки.

— Спасибо, мне лестно ваше замечание, — сказала я с чуть заметной насмешкой. — Должна признаться, что озарение ко мне пришло недавно, а именно после того, как Вы крайне пренебрежительно отозвались о моих

умственных способностях. Вот тогда для меня стало очевидным, что я не вижу текста между строк.

Изольда Марковна сидела с каменным лицом, даже не пытаясь вставить слова. Так, уже тепло, значит, истина где-то рядом. Я глубоко вдохнула и продолжила:

— Есть у меня предположение, а точнее уверенность в том, что Олег Николаевич ведет серьёзную научную работу по пересадке сердца. Нетрудно сообразить, что периодически ему нужны доноры. И для успеха предприятия доноры требуются здоровые и не слишком мертвые. То есть в момент изъятия органов желательно, чтобы человек был скорее жив, чем мёртв. К сожалению, я дилетант в этом вопросе, но, понятное дело, что необратимые изменения в клетках недопустимы. А где их взять, полуживых доноров со здоровыми сердцами? Как я подозреваю, добровольцев найти шансов мало, а точнее вообще нет. Остается работа на живца. Всё очень просто: берется одна незамужняя идиотка, затем открывается бюро добрых услуг или брачное агентство. Для престарелой Матрены по Интернету находят женихов, а точнее потенциальных доноров и отправляют на свидания. Её задача привести кавалера к себе в квартиру, а там война план покажет. Во всяком случае, шайка врачей-кардиологов в купе с патологоанатомами всегда начеку. Но невеста попалась, выражаясь вашим языком, переборчивая, она ведь мужа себе ищет, а органы его если её и интересуют, то совсем в другой последовательности. Но время поджимает и сердца нужны немедленно. Возможно, на кону богатый клиент и шанс хорошо заработать. Ну не похищать

же людей с остановки, в самом деле? Да и человек требовался непременно здоровый. А, поскольку «огородники» народ предприимчивый, пошёл «чёс» по фитнес-клубам. Всем давно известно, что молодые мужчины, пропадающие в тренажерных залах, мечтают носить на себе целую гору мышц. Со временем у многих это превращается просто в навязчивую идею. Они с остервенением таскают штангу, самозабвенно колотят грушу, азартно пьют белковые коктейли, но, к сожалению, далеко не всем удастся превратиться в настоящих культуристов. Так было и с Сергеем. Ну не качаются эти проклятые мышцы и всё тут! Некто из вашей шайки, прочитав отчаяние на лице парня, предлагает ему чудодейственный укол, который в короткие сроки решит все его проблемы, увеличив мышечную массу в десять раз. У спортсмена загорелись глаза, и вот он уже спешит через весь город, чтобы подставить свою недокаченную, как ему кажется, задницу для процедуры. Но вместо анаболического стероида, по плану злоумышленников, Сергею введут средство для неингаляционного наркоза. Преступление решено проверить моими руками. Я делаю укол, а точнее дилетантский наркоз в своей квартире. Понятное дело, что парень сразу отключается, а со мной случается истерика. Я в страхе немедленно звоню вам, а вы присылаете «свою» специально обученную бригаду скорой помощи. Парня в бессознательном состоянии помещают в карету неотложки и увозят в клинику, где вытаскивают необходимые органы. Но произошло непредвиденное, а именно: я потеряла ампулу, любезно переданную вами. Чтобы не разочаровывать парня, мне

пришлось ввести ему «Но-шпу», после чего он в трезвом уме и здравой памяти продефилировал мимо машины скорой помощи, где поджидали его врачи-убийцы.

— Ты ввела Сергею «Но-шпу»? — изумилась Изольда Марковна, прикрывая ладонью рот.

— Именно. Это единственное, что оказалось под рукой. Из-за моей вопиющей безалаберности ваш план был разрушен до основания. И тут, какая прелесть, приезжает заморский жених. У него здесь ни друзей, ни знакомых, остановился нелегально, одним словом, миф! Ну и когда о нем спохватятся? Его похищают на опыты. Никаких следов не остается, кроме головы, которую мне сначала подбрасывают в аквариум, а потом забирают. Я не понимаю, какая цель преследовалась: запугать меня или свести с ума, или это просто дурацкая шутка психически больного исполнителя. Но что-то не получается и срочно нужно второе сердце. Здесь в глаза бросается визитка с номерами телефонов Ориса в моей вазочке. Кто-то, — я выразительно посмотрела на Изольду Марковну при этих словах, — вспоминает, что мой бывший ухажер был крепким и здоровым. Поскольку о мебельщике уже имелась определенная информация с моих слов, сочиняется убойный предлог, и Орис сам приезжает к месту своей гибели. Фокус с аквариумом повторяется, но теперь это уже просто фарс. Фёдор заигрался, и учредители «проекта» остались недовольны этой выходкой. Вы решили сделать так, чтобы меня застали в квартире свидетели в обнимку с головой. Появляется Олег под благовидным предлогом исполнить последнюю просьбу Марии Ивановны и привезти ей в

больницу оранжевый шарф и вязальные спицы. Затем в своей постели я нахожу Фёдора, который рассказывает душеспасительную историю о том, как он ради меня расправился с подлецами. Но при этом наш праведный мститель — наёмный киллер и шизофреник в одном флаконе. Под занавес спектакля Олег признается мне в любви в присутствии понятых. Я совершенно сбита с толку, но при этом соображаю, что в милицию обращаться нельзя. Во-первых, получается, будто я сообщница Фёдора, а точнее заказчик его преступлений. И, во-вторых, так как Фёдор сумасшедший, виноватой по всем статьям сделают меня. Что остаётся? Поиграть в любовь с Олегом, а когда он уйдёт (и сделает он это, вероятно, скоро) искать новых женихов-доноров.

— Всё сказала? — насмешливо спросила Изольда Марковна, искоса поглядывая на меня.

— Пожалуй, да.

— Пять баллов тебе за проникательность. Твоя история близка к истине, но есть один нюанс.

— Какой ещё нюанс? — с вызовом спросила я.

— Олег здесь ни при чём.

— Ну, конечно! И вы ни при чём, и Фёдор ваш тоже. Я сама всех убивала и головы мариновала в аквариуме.

— Олег здесь ни при чём, — упрямо повторила Изольда Марковна. — Он в этой истории оказался совершенно случайно.

— Ага, транзитный пассажир!

— Практически!

— Да, да! И за вещами вашими он тоже случайно пришёл.

— Да про какие вещи ты постоянно говоришь? — искренне удивилась соседка.

— Согласно списку, — нахмурилась я.

— А, кажется, я начинаю понимать, — всплеснула руками Изольда Марковна, — этот старый дурак, его отец, приходил сюда со своими сонетами, вот ты ему и приглянулась. Он решил тебя Олегу сосватать и придумал нехитрый предлог.

Теперь пришла очередь удивляться мне. Нет, чёрт возьми, я должна восстановить его рукописные творения. Ведь как дядька расстарался! А Изольда Марковна тем временем продолжала:

— Органы и, правда, нужны были, но не сердца, а почки. И требовались они Яшке. Это он хирург-нефролог.

— Что?! — заорала я, — Яков Яковлевич, который резал мой нос даже не бывший патологоанатом, а нефролог? Как же так?

— Да ничего он тебе не резал. Хотел просто почку оттяпать. Взял все анализы, но ты ему не подошла, точнее твоя почка.

Я механически потрогала себя за поясничную область. Какой ужас, ляжешь в больницу подравнять нос, а тебе отсобачат все органы вместе взятые!

— А чем это ему не понравилась моя почка? — насторожилась я.

— Да откуда я знаю! Позвони ему, да спроси, — отмахнулась Изольда Марковна.

— Но я же находилась в челюстно-лицевой клинике.

— Тебя там обследовали, а в случае необходимости под наркозом перевезли бы в другую больницу.

— Но как же так? Я бы пришла в себя и, не досчитавшись одной почки, устроила там настоящий бунт!

— Ты не пришла бы в себя, если тебя это утешит, — усмехнулась соседка. — Задаешь глупые вопросы! Кто знал, что ты там лечилась? Никто. Тебя положили по договоренности. По документам ты в отделении не значилась.

— А нос? Что тогда делали с ним?

— Когда выяснилось, что ты неподходящий донор, вопрос был решен быстро. Ясное дело, что возиться с тобой никто не хотел. Дали наркоз, шарахнули по носу молотком, чтобы появились круги под глазами для достоверности, собрали разлетевшиеся кости. Вот и всё.

— И за что тогда взяли деньги? Причем огромные? — финансовая сторона вопроса задела меня больше всего.

— Тебе оставили все органы! Этого мало? — натурально удивилась Изольда Марковна.

— Достаточно, — вздохнула я, — вполне.

Изольда Марковна поднялась со стула и прошлась по кухне. Держалась она спокойно и уверенно. Мне, по правде говоря, хотелось ущипнуть себя за ухо и убедиться в том, что всё происходящее — сон.

— Получается, что Яков Яковлевич-заказчик, Фёдор — исполнитель, вы координатор, а я неудавшийся донор, которого переквалифицировали в живца.

— Получается, что так, — холодно произнесла соседка. Фёдор, шут гороховый, придумал эту историю с аквариумом, — выразила свою досаду соседка. — Взял и

подставил себя, отца своего и меня. Правду говорил Яшка, что он шибанутый малый, а я всё не верила

— Отличная банда. И вы думаете, что я всё это спущу на тормозах? Не дождетесь. Во всей этой истории жаль только Жучку, которая останется одна, пока вы будете отбывать срок вместе со своими соратниками, — мне удалось произнести слова решительно и грозно.

— Ой, не пугай! — расхохоталась Изольда Марковна. — Ступай домой и повтори свое гневное обвинение вслух желательно перед зеркалом. Сразу поймёшь, что несёшь бред сумасшедшего. Кто же тебе поверит, девочка моя? Где доказательства? А будешь умничать, быстро обнаружишь свою голову в аквариуме или в сливном бочке.

— Вы как всегда убедительны, — сказала я, направляясь к входной двери.

ГЛАВА 28

Несколькими минутами позже я уже спешила к метро, прихватив с собой личные документы и деньги. Остаться в своей квартире мне было безумно страшно. Шайка хирургов-патологоанатомов могла расправиться со мной в любой момент. В Олеге я все равно не была до конца уверена. Поэтому на его телефонные звонки решила больше не отвечать. Где-то нужно отсидеться. Самое безопасное, конечно, попросить политического убежища у Климентия. Вот уж где меня искать никто бы не стал. Но туда по понятным причинам меня не пустят даже на порог. Можно ещё броситься на шею к Виктору, капитану дальнего плавания. Но это тоже не вариант. У родственников

меня сразу найдут и порешат сразу всех. Остается Светка, но туда ехать далеко, а отпуск мне никто не даст. Стоп! Кажется, придумала!

В офис я вошла, когда рабочий день был в полном разгаре. Андрей Григорьевич Аверин посмотрел на меня поверх очков и удивленно спросил:

— А ты зачем пришла? Нас всех заразить?

— Я выпила аспирин по вашему совету и теперь себя великолепно чувствую.

— Зря, зря, — покачал головой начальник.

Я приступила к своим должностным обязанностям с невероятным энтузиазмом и к концу дня снискала похвалу шефа.

— Вот можешь же, когда хочешь. Видимо аспирин является мощным стимулятором умственной деятельности, а не только разжижает кровь.

Когда мониторы компьютеров, широко зевнув, покорно уснули, а тяжелые сумерки, заполняя собой все офисное пространство, выдавили из помещения практически всех сотрудников, я бесшумно подошла к Аверину. Кажется, он не услышал и не почувствовал моего приближения, поскольку, если бы только существовала возможность забраться в Интернет с ногами, мой шеф давно б уже это сделал. В данный момент он самозабвенно чатился с какой-то дамочкой на весьма сомнительном сайте знакомств. Я почувствовала странную неловкость, поймав начальника за столь легкомысленным занятием. Самое лучшее сейчас так же незаметно удалиться, чтобы не ставить себя и его в дурацкое положение. Решив дать задний ход, я уже

почти развернулась через левое плечо, но вдруг услышала невозмутимый басок Аверина:

— Что ты хотела, Кира? «Боже мой, — пронеслось в моей голове, — что он мог подумать! Скорее всего решил, что я шпионю за ним или мечтаю соблазнить?» Но Аверин сам попытался ответить на свой вопрос:

— Появилось острое желание расколоть мой череп пополам офицерской линейкой в отсутствии свидетелей?

— Андрей Григорьевич! Вы должны мне помочь! — без предисловий выпалила я.

— Так уж и должен? — не поворачивая головы, спросил начальник.

— Пустите меня к себе переночевать.

Услышав мое, прямо скажем, непристойное предложение, шеф нервно подскочил в кресле и впервые за все это время посмотрел на меня, неудобно перекрутив свою шею.

— Что ты сказала?

— Пустите меня к себе переночевать. Чистоту и порядок гарантирую, — пообещала я, опутив глаза.

— Тебя выгнали из дома? — поинтересовался он, удивленно вскинув брови поверх своих нелепых очков.

— Нет. Меня хотят убить.

— За дело? — с чуть заметной насмешкой уточнил Андрей Григорьевич.

Я глядела на него с нескрываемым разочарованием. Затем холодно произнесла:

— Убивают всегда за дело. Глупо было бы по-другому

— Согласен. Вот на днях я тоже тебя чуть не прибил, — потом, выключив компьютер и сложив в свой

портфель кучу, как мне казалось совсем не нужных бумаг, добавил, — ну, что ж, жду тебя в машине.

Проживал Андрей Григорьевич на окраине города в двухкомнатной хрущёвке. Как говорили наши офисные сплетники, жильё досталась ему от умершей родственницы, свою же жилплощадь он оставил жене и детям при разводе. Войдя вслед за начальником в маленькую прихожую, я робко огляделась. Квартира начальника представляла собой типично холостяцкое убежище. Стены были оклеены простыми обоями без изысков. Мебель, очевидно, досталась в наследство и была достаточно убогой. Если честно, больше всего мне хотелось развернуться и выскочить вон. Очевидно, почувствовав моё смятение, Андрей Григорьевич подбодрил меня:

— Вот, чего ты испугалась? Раздевайся, проходи. Убивать тебя я не буду. Во всяком случае, сегодня.

Я неуверенно прошла в крохотную столовую. Все в ней сияло завидной чистотой. Газовая плита была безупречно начищена. Создавалось впечатление, что хозяин здесь никогда не готовил себе еду. Должно быть, в холодильнике давно уже наложила на себя руки, окончательно отчаявшись, серая мышь. От этих мыслей у меня тоскливо засосало в подложечной области. Спустя пару минут в кухню с важным видом вошел Андрей Григорьевич. Он всё еще оставался в рубашке, но брюки сменил на домашние.

— Эх, давно, однако, я не принимал дам, — вздохнул он, — даже не знаю, что мне с вами делать.

— Для начала накормить, выслушать, утешить, — вырвалось у меня руководство к действию..

— А что, пожалуй, так и поступим. Для начала выпьем текилы для аппетита, а потом нажарю тебе картошки.

После пятидесяти грамм кактусовой водки напряжение немного спало. Я всё ещё сидела за столом, а начальник, выгнув спину и подобрав живот, с важным видом чистил картошку. Андрею Григорьевичу недавно исполнилось шестьдесят лет, хотя выглядел он значительно моложе. Признаться, Аверин всегда мне казался малопривлекательным, как говорят: человек из толпы. Это был коренастый мужчина с весьма ординарными чертами лица.

— Хватит уже меня разглядывать, — крикнул начальник, — я смущаюсь. Ты без того ошеломила по полной программе, ворвавшись ко мне в квартиру.

— Надеюсь, я была неподражаема в своём порыве?

— Нет, мне показалось, что ты решила меня свратить. А поскольку за всю мою жизнь так нагло этого никто ещё не делал, я решил посмотреть, что у тебя получится, — усмехнулся он.

— Спешу вас разочаровать. Мне действительно нужно убежище, — и, потупив глаза, добавила: — Я очень растеряна и напугана.

— Выкладывай, что у тебя случилось, — сказал Аверин, решительно швырнув нарезанную соломкой картошку в кипящее масло, — хотя нет, подожди, сперва ещё по пятьдесят.

Наверное, со стороны легче разобраться в проблемах, чем изнутри. Я рассказала свою историю вкратце,

опуская отдельные нюансы, компрометирующие меня. В частности, не стала упоминать про оторванные головы в моём аквариуме, про свидания вслепую. Андрей Григорьевич внимательно слушал это повествование, периодически вставляя свои назидательные замечания. Резюме у него было следующее:

— Я всегда говорил, что к врачам следует обращаться в поликлинику по месту жительства и исключительно по страховому полису, а не искать обходные пути.

Про себя мне оставалось только усмехнуться. Давно, вероятно, мой шеф не обращался в муниципальные лечебницы. Помнится, последний мой визит туда нанёс мне большую моральную травму. А мечтала я всего-то попасть на прием к терапевту. Сначала меня, как следует, отлаяли специально обученные овчарки в регистратуре, потом выяснилось, что именно мой врач с сегодняшнего дня пребывает в заслуженном отпуске. Все мои попытки обратиться за помощью к другим врачевательницам оказались тщетны, так как именно мой дом номер шесть должен был лечить терапевт, принимающий во второй половине дня. А мне, между прочим, в это время полагалось находиться на работе. В итоге я плюнула на это дело, зашла в аптеку, накупила лекарств на своё усмотрение и провела самостоятельно курс лечения. Не знаю, насколько он был эффективен, но уж точно без унижений и нервотрепки.

— Вот пришел в больницу, — продолжал начальник, — тебе в карточке сделали пометку, мол, жалобы на

длинный нос или вставную челюсть. Опять же давление измерили, пульс, живот пощупали, все зафиксировали. А что написано пером, не вырубишь топором.

— Что, соседям тоже доверять нельзя, даже если это пожилая дама с собачкой? Тем более, что я её знаю сто лет.

— Собакам доверять можно, людям нет, — уверенно произнес Андрей Григорьевич, отправляя в рот крохотный маринованный огурчик.

— Так невозможно жить, — вздохнула я.

— Зря ты, конечно, все тетке рассказала. Сделала бы вид, что ни о чём не догадываешься.

— Признаться, я не была в этом уверена. Так мечтала, чтобы она меня разубедила. Но она цинично во всём призналась.

— Ладно, не горюй, — посоветовал начальник, — утро вечера мудренее. Живи пока здесь, только родственников своих предупреди. Кстати, предлагаю как-нибудь вместе съездить за твоими вещами.

В свой дом я попала через два дня в сопровождении шефа. Первое, что меня безумно удивило уже на лестничной площадке, был собачий лай, отчетливо доносившийся из моей квартиры. Открыв дверь, я обнаружила в прихожей Жучку, заливающуюся истеричным лаем.

— Не знал, что у тебя есть собака, — изумленно произнес Андрей Григорьевич.

— Я тоже не знала.

На столе в кухне мы обнаружили записку, в которой было следующее: «Кира, прости меня, пожалуйста.

Поверь, до конца своих дней я буду мучиться раскаянием. Федор и Яков только что арестованы. Я навсегда улетаю в Израиль. Жучку взять с собой не могу, поскольку у дочери аллергия на собачью шерсть. Очень тебя прошу, посмотри, пожалуйста, за моей девочкой. С уважением, И.М.

P.S. Мне кажется, Олег соответствует заданным тобой параметрам. Пора приобретать ромашковое мыло».

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил Андрей Григорьевич.

— Только то, что у меня теперь есть собака.

— А кто такой Олег?

— Сердечных дел мастер, — ответила я, набирая номер его телефона..

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	24
ГЛАВА 4	33
ГЛАВА 5	46
ГЛАВА 6	50
ГЛАВА 7	55
ГЛАВА 8	66
ГЛАВА 9	71
ГЛАВА 10	75
ГЛАВА 11	84
ГЛАВА 12	94
ГЛАВА 13	106
ГЛАВА 14	114
ГЛАВА 15	123
ГЛАВА 16	138
ГЛАВА 17	145
ГЛАВА 18	154
ГЛАВА 19	165
ГЛАВА 20	173
ГЛАВА 21	180
ГЛАВА 22	187

ГЛАВА 23	193
ГЛАВА 24	202
ГЛАВА 25	210
ГЛАВА 26	218
ГЛАВА 27	226
ГЛАВА 28	234

Борисоглебская Инна

***Дни открытых дверей или
все совпадения неслучайны***

Публикуется в авторской редакции

Художник

Издатель А.В.Калашников
Лицензия ЛРН№066051 от 10.08.1998 г.

ООО «СВЭЛ ГРАНД»

www.svelgrand.ru
Телефон в Москве (495)7653856
E-mail:7653856@mail.ru